ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1. 1996

Финно-угроведение, 1996 г., № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н.САНУКОВ (главный редактор),
Ю.В.Андуганов (зам. главного редактора),
В.А.Балашов, В.Е.Владыкин, Ю.А.Зеленеев (отв. секретарь),
А.Г.Иванов, М.Г.Иванова, А.Д.Каксин, В.К.Кельмаков,
Г.М.Керт, Н.Д.Конаков, В.Г.Кудрявцев, Т.Л.Молотова,
В.В.Напольских, А.Н.Ракин, В.В.Седов, В.С.Соловьев,
Д.В.Цыганкин.

67048

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

© НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В.Рыбаика. Марийско-венгерское сотрудничество в 1971-1996 гг. 3
Л.Абуклева. Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры в марийском языке 23
К.Сапуков. Национальные движения и этническое самосознание финно-угорских народов России 40
М.Сало. Преподавание и исследование финно-угристики (главным образом отдаленно-родственных языков) в Финляндии 52
С.Червонная. Выражение этнического самосознания марийского народа в современном изобразительном искусстве 72

Сообщения

П.Ламокош. История литератур малых финно-угорских народов 82
И.Нуриева. Этномузыкальные параллели в системе народного календаря финно-угров и крещеных татар (кряшен) 88
И.Плосков. Материалы по духовной культуре южных коми (из Вятского архива) 94
М.Лапина. Традиционная хантыйская этика 101
Т.Миннияхметова. Малефиций в традиционных обрядах закамских удмуртов 108
Е.Дубровская. Журнал «Карельские известия» как источник по этнической истории карел 116
И.Жеребцов. Этапы этнодемографического развития народа коми в XI-XX вв. 123
А.Петерсон. О проблемах исследования материальной культуры вепсов в сравнении с другими финно-угорскими народами 130
А.Ракин. Остеонимическая лексика в пермских языках (диахронический анализ) 135
Ю.Шабаев. Этническое самосознание коми-пермяков и статус национального языка 141
Г.Харючи. Составление карт священных мест — одна из задач сохранения памятников духовной культуры ненцев 145

Персоналии

Ю.Рочев, И.Плосков. Каллистрат Жаков — коми фольклорист и литератор 150
Т.Тепляшина. К 90-летию ученого 164

Обзоры и рецензии

В.Димитриев. Рец.: Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV — первая половина XIX в.). Ижевск.: УИИЯЛ УрО РАН, 1994. 208 с. 170
Л.Наговицин. Рец.: Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 239 с. 176

Хроника

И.Садовин. Финно-угорская хроника за 1995 год 180
В.Рыбаика. Хроника основных событий марийско-венгерского сотрудничества в 1971-1995 гг. 183
Сведения об авторах 193

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Статьи

Владимир Рыбалка
Йошкар-Ола

К 25-летию создания Общества «Марий Эл — Венгрия»

МАРИЙСКО - ВЕНГЕРСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1971-1996 гг.

Исторические связи марийского и венгерского народов возникли в далеком прошлом. Несколько тысячелетий назад древние финно-угорские племена занимали обширные территории Восточно-Европейской равнины. Память об их обитании в северной и средней полосах современной России сохранилась в сотнях исторических и культурных памятников, в названиях сотен рек, озер, населенных пунктов. Исторические судьбы древних финно-угров сложились так, что они не сумели заложить на своей исторической родине очаг высокой цивилизации. Не консолидирующие, а центробежные силы стали решающими в их этническом и духовном становлении. Ветер истории разбросал финно-угорские народы от Скандинавии и Урала до Дуная.

Свою новую родину на берегах Дуная мадьяры заняли 1100 лет назад, однако связей с этническими сородичами не теряли. Венгерский доминиканец Юлиан совершил два (в 1235 и 1237 гг.) путешествия в поисках «Великой Венгрии» (Hungaria Magna), как именовалась в венгерской традиции прародина венгров. Сохранились описания этих путешествий. Из них явствует, что Юлиан нашел «Великую Венгрию», населенную утрами, понимавшими венгерскую речь и сохранившими предания об уходе на запад части их народа, в бассейне одного из притоков средней Волги. Точная локализация этой прародины венгров в источниках отсутствует (1. с. 89). Нам не известно, какими путями добирался до своих сородичей монах Юлиан, поэтому ничего не можем сказать о том, встречался ли он на своем

пути с предками мари или нет. Однако другой венгерский ученый-путешественник, выпускник Пештского университета, Антал Регули (1819-1858), был среди марийцев в 1843 и в 1845 гг. и записал 876 марийских фраз и две молитвы на марийском языке (2, с. 10). Преждевременная смерть не позволила ему обработать весь собранный материал. Начатое им дело продолжил другой ученый, в дальнейшем известный финно-угровед Йожеф Будени (1836-1892), доказавший родство венгерского языка с другими финно-угорскими языками. Именно в Будапеште заложены традиции международного финно-угорского сотрудничества. В венгерском столичном университете с 1872 года была открыта старейшая в мире кафедра финно-угорских языков, где в разное время работали выдающиеся исследователи Э.Беке, М.Сильши, Й.Будени, И.Эрдеди. Более ста лет здесь собирают материалы по истории, культуре и языку мари. Особо важная роль в исследовании культуры марийского народа принадлежит академику Эдену Беке, который в 1931-1939 гг. издал четыре тома материалов о языке, устном народном творчестве, верованиях марийцев. Эти книги до сих пор на Западе являются классическими пособиями для начинающих научную деятельность финно-угроведов.

Много общего в мелодических структурах марийских и венгерских песен. На это обратили внимание еще в прошлом веке. Талантливый венгерский композитор Бела Барток в 1910 году опубликовал марийские песни, и с тех пор к этим мелодиям не ослабевает интерес на Дунае. Велика заслуга Золтана Кодаи в ознакомлении венгерского народа с марийской народной музыкой. Он еще в 1934 году опубликовал прекрасное исследование о марийской народной музыке под названием: «Своеобразная мелодическая структура марийской народной музыки». В этом исследовании автор установил «поразительное сходство марийских и венгерских народных песен и пробудил интерес исследователей к музыке народа мари» (3, с 9).

Примечательно, что интерес к родственным народам у марийцев пробудился благодаря просветительской деятельности марийских ученых, литераторов около ста лет назад. Растет и взаимное естественное тяготение внутри финно-угорского сообщества. Однако стремление наших народов, родственных не только по языковым признакам, но и во многом схожих своими историческими судьбами, укреплять дружеские, гуманитарные и просто человеческие связи долгое время не только не поощрялись прежним центром, но и строго пресекались. Многие марийские национальные деятели в 1937-1938 гг. были уничтожены по надуманным и вздорным обвинениям в «финно-угорском буржуазном национализме». «Но научная истина, — как отмечает академик К.Н.Сануков, — все-таки пробива-

лась... и с установлением добрососедских отношений с Финляндией после второй мировой войны уже не было необходимости в запрете темы о финно-угорском родстве» (4, с. 5).

Хозяйственные, жизненные стандарты у наших родственников на Дунае, сложившиеся под воздействием Австрии, отличаются во многом от нашего уклада, привычек. Но это не отделяет нас, а вызывает все более пристальный интерес. Особенно укрепились наши связи в послевоенные годы.

Новая страница в отношениях между марийским и венгерским народами открылась в начале 70-х гг. 19 мая 1971 года представители коллективов промышленных предприятий, строительных организаций и транспорта, колхозов и совхозов, учебных заведений на учредительной конференции создали Марийское отделение Общества советско-венгерской дружбы, председателем правления которого был избран председатель Комитета по телевидению и радиовещанию Совета Министров Марийской АССР Н.Ф.Рыбаков (5). С того времени область Ваш Венгрии и Марийская республика стали побратимами. С февраля 1994 года Общество называется «Марий Эл — Венгрия».

Среди пятнадцати коллективных членов-учредителей такие крупные предприятия, как Марийский целлюлозно-бумажный комбинат, Марийский завод торгового машиностроения, завод полупроводниковых приборов, Йошкар-Олинский витаминный завод, совхоз «Алексеевский» Советского района, Оршанское педагогическое училище и другие.

Правление Общества с первых же дней своей работы нацеливало первичные организации на активную работу, расширяло сферу своего влияния. Уже к 1980 году в республике стало 25 коллективных членов Общества (6, с. 9), а к 1990 году — 30 коллективных членов, объединяющих более 20 тысяч человек (7, с. 92).

Марийско-венгерское сотрудничество в рассматриваемый период осуществлялось по линии государственных, партийных, комсомольских, профсоюзных органов, многих общественных организаций. Обмен делегациями между Марийской республикой и областью Ваш, который стал традиционным, — это не только дань уважения друг другу, но и обмен опытом, взаимное изучение всего того, что накоплено нашими народами. Примером этого могут служить прямые связи с трудовыми коллективами области Ваш, которые установили Марбумкомбинат, госплемзавод «Семеновский» Медведевского района, Йошкар-Олинский витаминный завод, строительное объединение «Марийстрой», объединение надомного труда мастеров народных художественных промыслов «Пӧлек». Прямые связи между коллек-

тивами-побратимами давали ощутимый эффект. Особенно это было заметно в области сельского хозяйства.

Передовой отечественный опыт в области сельского хозяйства начал использоваться в Венгрии около пятилесяти лет тому назад. Так, выведенный у нас сорт пшеницы «Безостая-1» занимал к концу 60-х гг. свыше 60% посевов пшеницы в Венгрии. Венгерские крестьяне и специалисты исключительно высоко отзывались об этом сорте пшеницы как о перспективной, высокоурожайной и выносливой культуре. «Безостая-1» давала самые высокие урожаи и тогда, когда в стране была засуха и суровая зима. «Она показала большие преимущества по сравнению с известными итальянскими, французскими и даже местными венгерскими сортами пшеницы» (8).

Обмен опытом между тружениками сельского хозяйства Марийской республики и области Ваш Венгрии уже в середине 70-х гг. дал положительный результат. Так, в ряде хозяйств республики получила распространение венгерская технология молочного производства: по типу венгерских построено 4 молочных комплекса, на комплексах крупного рогатого скота внедрены дельто-скребковые транспортеры, облегчающие процесс навозоудаления. На овцекоплексах применены специальные кормушки для раздачи кормов. Марийским «Межколхозстроем» построен и введен в эксплуатацию аналогичный венгерскому цех по производству древесно-волокнистых плит (9, с. 22).

Большой интерес к развитию сельского хозяйства нашей республики проявляли и венгерские специалисты. В частности, они подробно ознакомились с опытом устройства картофелехранилищ в колхозе «Рассвет» Советского района (10, с. 24). Специалисты из Марийской республики, побывавшие в Венгрии, не могли не обратить внимание на высокий уровень организации сельскохозяйственного производства. «Много интересного мы увидели в государственных хозяйствах области Баш, — отмечал руководитель делегации Марийского областного совета профсоюзов, секретарь облсовпрофа Л.П.Краев. — Хорошо развито животноводство, надои составляют 5 и более тысяч литров молока на одну корову. Большое внимание уделяется селекции животных. Животноводческие фермы и комплексы отличает чистота, порядок. На них используется электронно-вычислительная техника и информатика, которая дает возможность оперативно анализировать ежесуточные надои, привесы и т.д.» (11, с. 3).

Специалисты Марийской республики в своих отчетах по поездке в Вашскую область писали, что у наших побратимов широко используется откорм скота и птицы в личных подсобных хозяйствах. В качестве примера они указывали на молодую семейную пару в Чепреге, которая содержит на откорме 3,5 тыс. цыплят. Госхоз завозит

по договору цыплят и корм для них, а хозяева, освобожденные от основной работы, занимаются откормом птицы. Для их содержания хозяин приспособил подсобное помещение, сконструировал и изготовил систему навозоудаления, раздачи кормов, поилки и т.д. По достижении цыплятами определенного веса госхоз обеспечивает их вывозку и производит расчет.

В отчете отмечалось, что в такой организации труда есть свои недостатки: «работа без выходных, без отпусков, но в целом госхоз и молодая семья считают, что эти трудности можно пережить. Тем более, что такая работа приносит значительный доход семье» (11, с. 4).

Однако необходимо отметить, что достижения венгерских тружеников сельского хозяйства в Марийской республике использовались не в полной мере. Между тем здесь накоплен большой опыт взаимного сотрудничества. Примером тому — прямые связи госплемзавода «Семеновский» Медведевского района и госхоза «Сомбатхей» области Ваш — родственных предприятий, занимающихся выращиванием кормовых и зерновых культур, молочным животноводством.

Впервые в совхоз (так он тогда назывался) «Семеновский» делегация госхоза «Сомбатхей», в количестве трех человек, приехала в мае 1972 года. Они подробно ознакомились с хозяйством, директор совхоза С.С.Жилин поделился опытом получения высоких урожаев зерновых культур, рассказал о структуре управления, о материальном положении рабочих совхоза.

«Мы очень довольны увиденным и услышанным, — отметил тогда руководитель делегации, директор госхоза «Сомбатхей» Миклош Немет. — В хозяйствах, где мы побывали, есть что перенять. Но кое в чем мы идем впереди. Поэтому есть смысл продолжать подобные визиты, обмениваться опытом работы, так как у нас немало общего» (12).

В том же году, в августе, семеновцы побывали в области Ваш, в госхозе «Сомбатхей». Тогда же эти два предприятия установили между собой непосредственные побратимские связи.

После установления первых контактов побратимы оказывали друг другу помощь в уборке урожая. Комбайнеры из госплемзавода убирали урожай на полях области Ваш, а венгерские механизаторы — в Марийской республике.

В ходе совместной работы на полях механизаторы обменивались опытом уборки урожая, организацией труда и отдыха комбайнеров. Так, специалисты из госхоза «Сомбатхей» изучили опыт работы уборочно-транспортного комплекса, станции технического обслуживания, передвижного полевого стана в республике и в госплемзаводе «Семеновский» (10, с. 24). Заинтересовала венгерских специалистов

и практика семеновцев по выращиванию высокого урожая зерновых на сравнительно бедных землях (13, с. 14).

Марийские земледельцы в свою очередь познакомились с технологией машинной уборки трав, по опыту сомбатхейцев на заготовке кормов применили комплексную механизацию, построили склад активной сушки сена. Много ценного узнали специалисты госплемзавода и в отношении комплектации машинно-тракторного парка, эксплуатации и ремонта техники.

По инициативе венгерских специалистов-селекционеров Йожефа Хоффера и Миклоша Немета в госплемзаводе «Семеновский» было проведено испытание сортов гибридов кукурузы, целью которого было выявление в производственных условиях наиболее урожайного, с высокой питательностью и скороспелостью сорта кукурузы для последующего выращивания его в Марийской республике (14, с. 1). Подобная работа проводилась и на полях совхоза имени Мичурина Звениговского района.

На основании производственного изучения было рекомендовано для возделывания на дерно-подзолистых суглинистых почвах центральных районов Марийской республики применять сорта кукурузы «пионер 3950», «сонора ТЦ» и «анжу».

Большое внимание специалисты госплемзавода уделяли изучению организации труда животноводов в госхозе «Сомбатхей», поскольку там животноводческие фермы выделялись высокой культурой производства, рациональной организацией труда и технологических процессов. Основные трудоемкие операции у них были механизированы. На молочном комплексе госхоза применялась весьма эффективная механизация раздачи кормов от приготовления до подачи их к кормушкам. По примеру венгерских коллег в госплемзаводе «Семеновский» была усовершенствована технология содержания крупного рогатого скота, стали интенсивнее заниматься выращиванием люцерны (15, 16, 17 с. 22).

Специалисты госплемзавода, изучив в госхозе «Сомбатхей» технологию производства на интенсивной основе, успешно внедрили новые, более прогрессивные технологические приемы. В 1987 году под смеси злаковых и бобовых культур было отведено свыше 400 гектаров, что позволило полнее обеспечить животноводство высококачественными кормами, а надой молока от коровы увеличился на 352 кг и составил 4412 кг (18, с. 2).

Непосредственные побратимские связи установил в мае 1972 года и коллектив Марийского целлюлозно-бумажного комбината с коллективом Западно-венгерского деревообрабатывающего комбината (12). Именно тогда на Марбумкомбинат приехала первая делега-

ция из области Баш во главе с директором комбината Яношем Дьервари. Гости знакомились с технологическим процессом производства бумаги, с ее ассортиментом, с историей предприятия, интересовались практикой подготовки кадров, организацией труда, структурой управления комбината и т.д.

С большим интересом венгерские гости знакомились с работой бумагоделательных машин первой и второй бумажных фабрик. Особый интерес у венгерских специалистов вызвала 11-я быстроходная машина, на которой вырабатывается продукция, экспортируемая в Венгрию.

«Мы увозим с собой тепло наших встреч и богатые впечатления о жизни и труде марийского народа», — отмечал директор Западно-венгерского деревообрабатывающего комбината. Подобные дружеские чувства к жителям нашей республики сохранились и в дальнейшем. Так, например, вспоминая свою поездку на Марбумкомбинат, директор по экономическим вопросам Западно-венгерского деревообрабатывающего комбината Бела Мандик пишет: «... чувствую, что на меня самое глубокое впечатление произвело действительно товарищеское и дружеское отношение к нам». Далее он продолжает, что «невозможно передать те чувства, то настроение, какое было у нас во время поездки. Если бы я был писателем, то и тогда не смог бы передать ту теплоту, товарищескую, дружескую гостеприимность, которая была оказана нам во время поездки в каждой встрече. Мы уверены, — продолжает он, — что наши взаимные обмены делегациями являются самым маленьким строительным камнем. Однако эти кирпичики — твердый связывающий материал большого строительства, укрепление марийско-венгерской дружбы, возникшей несколько десятилетий назад» (19).

Здесь не случайно приведены некоторые высказывания венгерских гостей, побывавших на Марбумкомбинате. Они показывают, что буквально каждый приезд венгерских друзей способствовал укреплению дружбы между марийским и венгерским народами. Также по-дружески встречали делегацию Марбумкомбината сомбатхейские деревообработчики. Марийских специалистов, в первую очередь, всегда интересовало, что полезного можно перенять у своих побратимов. Прежде всего, это высокая культура производства: в цехах и у каждого рабочего места.

По опыту венгерских коллег на Марбумкомбинате начала внедряться в цехах и отделах культура рабочего места. Переняли марбумовцы у своих побратимов и такое начинание, как стандарты по управлению качеством труда и продукции. Это повысило ответственность каждого за выпуск продукции со знаком качества (20, с. 83).

В периодической печати середины 80-х гг. сообщалось, что «особенно дружеские взаимоотношения устанавливаются между предприятиями и организациями, которые выполняют государственные заказы. Для интернационального воспитания огромные возможности открывают четкая организация работы на экспорт и особенно вовлечение трудящихся в борьбу за своевременное и качественное выполнение заказов. Понимая это, комитет первичной организации Общества Марбумкомбината взял под свой контроль своевременное выполнение заказов по поставкам продукции в Венгрию. Только за годы десятой пятилетки предприятие поставило для нужд народного хозяйства Венгрии около 2000 тонн бумаги — основы для парафинирования». Такое же количество продукции отгрузили марбумовцы своим партнерам в одиннадцатой пятилетке, но уже за четыре года (21).

Перед погрузкой бумажной продукции в вагоны партия бумаги подвергалась дополнительной выборочной контрольной проверке. Установленный порядок контроля за качеством продукции позволял гарантировать ее отправку в Венгрию своевременно и самого высокого качества. Об этом говорит отсутствие со стороны заказчика претензий и рекламаций (20, с. 85).

Многолетний опыт работы коллективных членов Общества показывает, что наиболее тесные, товарищеские отношения устанавливаются и развиваются непосредственно на рабочих местах, в процессе творческого труда, дружеского соревнования. Именно поэтому прямые связи устанавливали не только большие коллективы, но и производственные бригады. Так, бригада завода полупроводниковых приборов установила дружеские связи с бригадой завода «Афит». Члены обеих бригад побывали друг у друга, обменялись опытом работы (7, с. 92).

Благодаря непосредственным связям, строители объединения «Марийстрой» многое заимствовали у своих коллег — в Вашском областном строительном предприятии. Так, члены делегации, посетившие область Ваш, заинтересовались бетонными работами. Решено было использовать опыт друзей на стройках республики. С этой целью несколько специалистов-инженеров и рабочих управления на местах детально изучили метод бетонирования (16).

Длительное время работали на Йошкар-Олинском витаминном заводе венгерские специалисты, которые осуществляли контроль за монтажом, пуском и вводом оборудования на рабочий режим линии по производству сорбита мощностью пять тысяч тонн продукции в год. В июле 1979 года здесь же первую продукцию дала линия по производству кристаллического сорбита, лечебного препарата для больных диабетом (22).

Именно тогда коллектив Йошкар-Олинского витаминного завода установил непосредственные связи с заводом питательных концентратов в г. Кёрменде области Ваш, начал ежегодно обмениваться делегациями, перенимать опыт друг у друга (23).

Укрепление и расширение культурного сотрудничества между народами, обмен научными и художественными ценностями — одна из актуальных задач современности. Культурное сотрудничество между Венгерской Республикой и Республикой Марий Эл отвечает взаимным интересам обеих сторон.

Сотрудничество Российской Федерации с Венгерской Республикой охватывает сегодня все сферы духовной жизни общества и деятельности государства в области культуры. Активное участие в нем принимает Республика Марий Эл как составная и неотъемлемая часть России, ее государственные органы, общественные организации и их представители.

С первых же дней создания Марийского отделения Общества советско-венгерской дружбы опыт Марийской республики в области культурного строительства вызвал большой интерес соответствующих специалистов и руководящих деятелей области Ваш Венгрии. Большую помощь в ознакомлении с опытом различных культурных учреждений республики оказывало различным делегациям области Ваш и Общество «Марий Эл — Венгрия».

Ежегодно возрастал интерес жителей области Ваш к культурным достижениям Марийской республики, стремление ближе познакомиться с жизнью и культурой марийского народа, имеющего глубокие исторические корни, богатые традиции связей с культурой финно-угорских народов. Культурные связи Республики Марий Эл с областью Ваш Венгрии, получившие широкое развитие с первых же дней наших побратимских связей, за 25 лет приобрели характер всестороннего культурного сотрудничества, которое осуществлялось не только отдельными учеными, артистами, литераторами, но и различными организациями, коллективами предприятий и организаций.

Важная роль в установлении дружественных связей между народами принадлежит одному из наиболее массовых средств пропаганды — прессе. Знакомство с землей побратимов, с людьми, которые на ней трудятся, с их мыслями, стремлениями, достижениями, их бытом и культурой — эта благородная миссия не единственная для журналистов. Главное — рассказать потом тысячам читателей об увиденном, познанном, помочь побратимам еще лучше узнать друг друга. Встречи, искренние беседы, обмен мнениями, размышления о жизни оставляют след не только у редакционных работников, но и у многочисленных читателей газет и журналов.

Со времени установления дружественных связей между Марийской республикой и областью Ваш постоянными стали поездки друг к другу марийских и венгерских журналистов. Гостями областной газеты «Ваш непе» («Вашский народ») за 25 лет были журналисты республиканских газет, телевидения, радио — Е.Брагилевская, А.Александрова, В.Карташов, П.Корнилов и многие другие. В свою очередь в Республику Марий Эл приезжали главные редакторы газеты «Ваш непе» Золтан Пожгаи и Дьёрдь Чонка, сотрудники, возглавляющие отделы редакции, журналисты. Бывая друг у друга, журналисты всесторонне знакомились с работой редакций, их отделов, с издательским процессом, интересовались деятельностью общественных организаций, творческих союзов.

Венгерская поэтесса и переводчица Жужа Раб у марийских писателей.

Естественно, творческие командировки журналистов выливались в статьи, очерки, корреспонденции, репортажи, книги, в которых они со знанием дела рассказывали об увиденном своими глазами. Это способствовало дальнейшему развитию дружественных отношений между марийским и венгерским народами, лучшему знанию и пониманию ими друг друга.

Так, заместитель редактора газеты «Марий коммуна» М.Байков опубликовал цикл статей «В краю друзей», специальный корреспондент «Молодого коммуниста» Л.Толоконникова — «Меридиан дружбы», где они рассказали о своих впечатлениях о поездке в Венгрию, посещениях венгерских предприятий и учреждений, о пребывании

марийской делегации на первом фестивале дружбы советской и венгерской молодежи в Венгрии.

С интересными циклами статей на страницах республиканских газет и журналов неоднократно выступал председатель правления Марийского отделения Общества Н.Ф.Рыбаков. В 1975 году в Сомбатхее на венгерском языке вышла его брошюра «Марийский край».

Очень часто на страницах периодической печати Республики Марий Эл можно прочитать статьи венгерских журналистов. Так, в статье «Схожи наши заботы, а цель одна» венгерские журналисты Шандор Штейнер и Имре Тот подробно осветили хозяйственную и культурную жизнь области Ваш, рассказали о наших побратимских связях. Венгерский журналист Габор Козма в статье «Это наше богатство» проанализировал культурные связи Марийской республики и области Ваш, а в статье «Опыт побратимов» заместитель главного редактора газеты «Ваш непе» Янош Пошфаи и фотокорреспондент Шандор Бенкё рассказали о расширении и укреплении побратимских связей в середине 80-х годов (24).

Печать, радио и телевидение нашей республики широко освещали дружеские связи между трудовыми коллективами Республики Марий Эл и области Ваш Венгерской Республики, между городами-побратимами Йошкар-Ола и Сомбатхей, показывали результаты экономического, научного и культурного сотрудничества. Для этого были использованы различные жанры и формы.

Так, редакция газеты «Марийская правда» под рубрикой «Газета друзей рассказывает» систематически публиковала в рассматриваемый период подборки материалов из газеты «Ваш непе». Эти материалы давали наглядное представление о делах тружеников городов и сел Вашской области, о жизни венгерского народа. Журналисты Марийской студии телевидения постоянно готовили передачи под общим названием «Баратшаг — дружба — келшымаш», обстоятельно информировали телезрителей об обмене делегациями, о различных визитах побратимов. Студия телевидения совместно с редакциями республиканских газет и Обществом «Марий Эл — Венгрия» проводила заключительные конкурсы викторины «Что Вы знаете о Венгрии?», в которых принимали участие школьники, студенты, учителя, рабочие, труженики сельского хозяйства. Участники телевикторин показывали хорошее знание Венгрии. Викторины вызывали большой интерес к своим побратимам, стране, ее истории, жизни. Победители телевикторин получали памятные призы, бесплатные путевки на поездку в Венгрию. Всего же за 25 лет побратимских связей в республиканской печати, районных газетах было опубликовано более 900 статей, очерков, корреспонденций, репортажей.

Творческие связи, взаимные обмены делегациями журналистов Республики Марий Эл и области Ваш Венгерской Республики имели большое значение. Они активно служили благородному делу укрепления дружбы между марийским и венгерским народами.

Важным средством популяризации среди наших народов различных достижений, их жизни, истории и культуры являлись фотохудожественные выставки, выставки народного декоративно-прикладного искусства, произведений современных марийских и венгерских художников. Выставки, как правило, приурочивались к юбилейным и памятным датам в жизни марийского и венгерского народов, к месячникам, декадам, неделям и дням дружбы и культуры, к знаменательным событиям в жизни наших стран. Большой популярностью у жителей Марийской республики пользовалась выставка, организованная в 1979 году Марийским отделением ОСВД и венгерским бюро по туризму «Ибус» под названием «Венгрия — страна туризма, страна друзей» (25, с. 168). Экспонировалась выставка в Доме Советов, кинотеатре «Эрвий», и ее посетили за два месяца тысячи жителей республики.

Неоднократно в Национальном музее им. Т.Евсеева экспонировались выставки области Ваш. Так, в 1989 году там была развернута вместе с венгерской национальной выставкой крупноформатная фотовыставка «Баратшаг — дружба — келшымаш». Ранее в картинной галерее г. Йошкар-Олы экспонировалась выставка под таким же названием, организованная Республиканским краеведческим музеем и Марийским отделением ОСВД. Материалы экспозиции подробно рассказывали о наших побратимских связях, о контактах предприятий-побратимов — Йошкар-Олинского витаминного завода и завода питательных концентратов «Лакта» города Кёрменда области Ваш. Жители Марийской республики познакомились также с образцами продукции венгерской фирмы «Метримпекс», венгерскими книгами, журналами, буклетами, путеводителями, проспектами. В галерее были представлены юбилейные поларки, привезенные венгерскими коллегами. Среди них — красочный альбом, фотографии международного космического экипажа в составе советского и венгерского космонавтов Валерия Кубасова и Берталана Фаркаша с их автографами.

В ноябре 1994 года в одном из залов Национального музея им. Т.Евсеева проходила уникальная выставка, впервые предоставленная крупнейшим музеем Венгрии — Будапештским этнографическим. Экспозиция в Республике Марий Эл дала новый толчок сотрудничеству родственных финно-угорских музеев. Выставка была высоко оценена Правительством Республики Марий Эл. Указом

Президента В.М.Зотина за развитие дружбы и сотрудничества между двумя родственными народами Этнографический музей г.Будапешта награжден Почетной грамотой Республики Марий Эл (26).

Ответная выставка под названием «Народы — братья» была открыта в Этнографическом музее г.Будапешта 24 февраля 1995 года (27, с. 91). Выставка из Марий Эл была представлена в основном экспонатами XIX-XX веков (всего — около 300 предметов). Это национальные марийские костюмы различных районов, богатая коллекция старинной и современной марийской вышивки, музыкальные инструменты, серебряные украшения, предметы прикладного искусства, множество фотоснимков, рассказывающих о быте, культуре и занятиях марийцев, о древних языческих верованиях народа. Все это с огромным интересом было встречено посетителями выставки, поскольку венгры впервые имели возможность подробно познакомиться с богатой самобытной культурой мари. О том, что выставка действительно вызвала большой резонанс, свидетельствует хотя бы такой факт: в ее торжественном открытии принял участие президент Венгерской Республики Арпад Гёнц. Он поделился своими впечатлениями о поездке по финно-угорским республикам, в том числе и по Республике Марий Эл (28).

Согласно договору между марийским и венгерским музеями выставка в марте 1996 года развернута на юбилейной финно-угорской экспозиции, посвященной 1100-летию обретения венграми родины.

Всего же с 1971 года по настоящее время в Марийской республике экспонировалось в музеях и на предприятиях, организациях и учебных заведениях — коллективных членах Общества более 30 венгерских выставок. Около 20 марийских выставок было отправлено в Венгерскую Республику.

Культурному сближению, расширению и укреплению дружественных связей послужил обмен самодеятельными и профессиональными коллективами. Так, в 1973 году в Марийскую республику приехал ансамбль «Унгареска». За несколько дней этот коллектив выступил не только в Йошкар-Оле, но и в других населенных пунктах республики. Везде артистов принимали очень тепло, и их выступления выливались в подлинные манифестации дружбы (29).

С большим успехом прошли в 1978 году выступления фольклорного ансамбля из деревни Сентпетерфа области Ваш (30). Ансамбль принял участие в открытии памятника Дружбы в Сомбатхейском микрорайоне, дал несколько концертов, познакомился с жизнью нашей республики. Выступления этого коллектива внесли свой вклад в дальнейшее развитие культурных связей марийского и венгерского народов. В рассматриваемый период в Республику Марий

Эл приезжали 23 венгерских самодеятельных и профессиональных коллектива.

Почти ежегодно, начиная с 1971 года, выезжали в область Ваш Венгрии профессиональные и самодеятельные коллективы из Марийской республики. Так, только Марийский государственный ансамбль песни и танца «Марий Эл» за это время выезжал в Венгрию три раза (31, с. 327).

Дальнейшему культурному сближению, расширению и укреплению дружественных связей между общественностью Республики Марий Эл и областью Ваш Венгерской Республики служат декады, дни и недели культуры и дружбы. Во время этих массовых мероприятий происходит живой, творческий обмен духовными ценностями, расширяются географические рамки, углубляются взаимосвязи. Дни дружбы и культуры значительно дополняют государственный культурный обмен.

Массовые мероприятия, проводимые во время дней дружбы и культуры, способствуют активизации дружественных связей, дальнейшему развитию всестороннего сотрудничества породненных краев и областей, отдельных коллективов и специалистов наших стран.

Так, центральным событием 1989 года явилось проведение в апреле Дней культуры области Ваш в Марийской АССР. Посвящались они 70-летию провозглашения Венгерской Советской Республики. Организаторами Дней являлись Министерство культуры МАССР и Марийское отделение ОСВД. 70 человек приехало в Марийскую республику из области Ваш. Участники этого важного политического мероприятия побывали в трудовых коллективах, ответили на многочисленные вопросы трудящихся о ходе политических, экономических и социальных преобразований в Венгрии. Об этом же говорили они на встречах с активом республики, на Марбумкомбинате, в тресте «Йошкар-Оластрой», в Советском, Параньгинском, Звениговском районах. Более двадцати раз выступили с концертами в населенных пунктах и трудовых коллективах республики танцевальный коллектив «Унгареска» и Икерварский женский хор области-побратима. В Республиканском научно-краеведческом музее была развернута выставка, посвященная искусству и ремеслам народов Венгрии. В республиканской печати было опубликовано около шестидесяти статей и информаций об этом важном событии (32, с. 14).

Значительным событием для развития взаимоотношений марийского и венгерского народов стало проведение в конце ноября 1995 года Дней марийской культуры. Оно стало одним из поворотных и для Российского центра культуры в Будапеште, активно укрепляющего в последние годы контакты с различными финно-угорскими

народами. В составе делегации, возглавляемой министром культуры Марий Эл В.Л.Николаевым, мальярских собратьев посетили деятели науки и культуры нашей республики (33).

Торжественному открытию Дней марийской культуры, состоявшемуся в Будапеште 21 ноября, было уделено много внимания — как на государственном уровне, так и со стороны общественности, венгерских средств массовой информации. Крупным событием этого дня стал вернисаж заслуженного деятеля искусств республики И.Ефимова.

Делегация из Марий Эл посетила область Ваш, город-побратим Йошкар-Олы — Сомбатхей. Особенно плодотворной была встреча с сотрудниками педагогического института в г. Сомбатхей, ректором которого является доктор Янош Пустаи, неоднократно бывавший в Марийской республике. В беседе за «круглым столом» приняли участие академик Российской академии гуманитарных наук, доктор филологических наук И.Г.Иванов, кандидат исторических наук Г.Н.Айплатов, венгерские историки и финно-угроведы. Венгерские коллеги заинтересованы в дальнейших контактах, а также в широком книгообмене. Во время проведения Дней марийской культуры проходили встречи в Венгерском парламенте и министерстве культуры, выступления заслуженных артисток Марий Эл Н.Смирновой и З.Берниковой, а также солиста фольклорно-эстрадного ансамбля «Мари» С.Шакирова, выступавших в рамках Международного фольклорного фестиваля вместе с артистами из Словакии и Венгрии (33).

Необходимо подчеркнуть, что используя различные формы культурного сотрудничества, Общество «Марий Эл — Венгрия», его коллективные члены в течение 25 лет активно содействовали обогащению национальных культур. Важной особенностью разностороннего и плодотворного культурного сотрудничества являлся общенародный характер творческого обмена культурными ценностями и научными достижениями.

От обмена литературой, выставками и информационными материалами, установления путем переписки контактов между деятелями культуры и науки осуществляется переход к высшим формам культурного сотрудничества: обмену делегациями и специализированными туристскими группами, совместному проведению Обществом и другими государственными и общественными организациями дней и недель дружбы и культуры, установлению прямых контактов между организациями культуры, научными учреждениями. В результате новейшие достижения, лучшие черты и явления национальных культур становятся достижениями других народов.

67048

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

В течение 1989 года, особенно в его последние месяцы, по странам Центральной и Юго-Восточной Европы прокатилась лавина революционных преобразований. Рухнули сложившиеся здесь за послевоенные десятилетия авторитарно-бюрократические режимы. Венгрия первой из коммунистических стран вырвалась из тоталитарной системы. В связи со сложными политическими процессами в этот период взаимодействие между нашими странами значительно ослабло.

Нарушились и тесные взаимосвязи между Марийской республикой и областью Баш Венгрии. Понимая, что славные традиции нашей дружбы не могут и не должны быть перечеркнуты, в ноябре 1991 года в Венгрию выехала делегация во главе с Председателем Верховного Совета Республики Марий Эл В.М.Зотиным. Основная цель поездки — восстановление прямых связей между областью Баш и Республикой Марий Эл в области экономики и культуры. Было подписано соглашение о поставках в Республику Марий Эл 20 тысяч тонн венгерского зерна, проведены переговоры с руководителями промышленной, строительной, торговой палат Венгрии (34).

Для подписания соглашения о сотрудничестве между Республикой Марий Эл и областью Баш в конце апреля 1992 года в Йошкар-Олу прибыла делегация во главе с председателем областного самоуправления доктором Дьюлой Пустаи. В составе делегации были также депутат Государственного собрания Венгрии Бела Месарош и секретарь торговой палаты собрания области Баш Ференцне Хорват, которые во время визита встретились с марийскими предпринимателями, представителями деловых кругов, вели переговоры на Йошкар-Олинской швейной фабрике, многоотраслевом предприятии «Родина» Моркинского района, в опытно-конструкторском бюро приборов контроля и автоматики, ОКТБ «Кристалл».

Член делегации, ректор Сомбатхейского педагогического института имени Д.Бержени доктор Янош Пустаи встречался с руководством Марийского государственного педагогического института им. Н.К.Крупской, с учеными Марийского ордена «Знак почета» научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. М.В.Васильева и профессорско-преподавательским составом историко-филологического факультета Марийского государственного университета, посетил Оршанское педагогическое училище, провел переговоры в Министерстве образования республики. Доктор Я.Пустаи, активный сторонник расширения гуманитарных связей между нашими республиками, во время встреч с общественностью Марий Эл предложил ряд проектов культурно-информационных обменов.

В результате этого визита было подписано соглашение о сотрудничестве между Республикой Марий Эл и областью Ваш. Соглашение, учитывая сложившиеся традиционные связи между областью Ваш и Республикой Марий Эл, значительно расширяет сферы взаимодействия и придает приоритетное направление экономическому сотрудничеству. Оно предусматривает установление прямых связей между марийскими и венгерскими предприятиями, фирмами, создание совместных предприятий, изучение опыта приватизации, исследование рынка сбыта и предложений, организацию международных торгово-промышленных выставок.

В соответствии с подписанным соглашением расширится культурно-информационный обмен между Марий Эл и областью Ваш. Это, несомненно, будет способствовать взаимному знакомству с духовным богатством этнически близких народов. С целью определения конкретной программы сотрудничества было решено проводить регулярные консультации (35).

Встреча Президента Венгерской Республики Арпада Гёнца

После подписания данного соглашения возобновились взаимные обмены делегациями. Так, в июне 1992 года в область Ваш выехала делегация во главе с государственным советником по правовой политике А.М.Степановым для обмена опытом законотворчества, су-

дебной реформы, деятельности органов местного самоуправления и приватизации (36).

В Республике Марий Эл и в Венгрии проходит ряд международных научных конференций, симпозиумов с участием марийских и венгерских ученых. Особо важными из них являлись следующие: «Пути уральских народов к политическому, культурному и языковому самоопределению» (Сомбатхей, 1992г., октябрь), «Этнопедагогика и культура финно-угорских народов» (Йошкар-Ола, 1991 г., ноябрь), «Праистория уральских народов» (Сомбатхей, 1993 г., октябрь) и другие (4, сс. 156-158).

Историческими событиями в жизни финно-угорских народов следует считать проведение в Йошкар-Оле первой Международной встречи писателей и Дней литературы финно-угорских народов, проходивших под девизом «Писатели в борьбе за мир, прогресс и взаимопонимание между народами», создание Международной Ассоциации писателей финно-угорских народов (37, с. 63), а также учредительной конференции Фонда развития культур финно-угорских народов с центром в столице Республики Марий Эл (4, с. 154).

Делу установления и укрепления двусторонних государственных, экономических и культурных связей послужил первый в истории Республики Марий Эл визит в июне 1993 года главы венгерского государства, президента Венгерской Республики Арпада Гёнца, во время которого было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве (38).

В рамках подписанных Соглашений, в целях дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества запланировано провести в мае 1996 года в Республике Марий Эл Дни дружбы, посвященные 1100-летней годовщине обретения венграми родины и 25-летию создания Общества «Марий Эл — Венгрия».

Дальнейшие перспективы марийско-венгерского сотрудничества значительны, общественность поддерживает инициативы Общества «Марий Эл — Венгрия». В период межнациональных раздоров, размежеваний финно-угорские народы стремятся к контактам, взаимно полезному сотрудничеству во имя согласия, прогресса, процветания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. История Венгрии. М., 1971. Т. 1.

2. *Сануков К.Н.* Культурные и научные связи // Политическая информация. 1971, № 17.

3. *Галкин И.С.* Из истории венгерско-марийских связей // Венгерские ученые о Марийском крае и народе. Йошкар-Ола, 1990.

4. *Сапков К.И.* Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты // Финно-угроведение. 1994. № 1.
5. Марийская правда, 1971, 20 мая.
6. Текущий архив Общества «Марий Эл — Венгрия» (далее — ТА ОМЭВ). Отчет о работе Марийского отделения ОСВД за пять лет. 1980.
7. *Рыбалка В.И.* Побратимские связи трудящихся МАССР и области Ваш ВНР в 1971-1985 гг. // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы Мар НИИ в 1986-1990 гг. Йошкар-Ола, 1991.
8. Марийский бумажник, 1971, 14 августа.
9. Политическая информация. 1976, № 18.
10. Политическая информация. 1980, № 6.
11. Отчет о посещении делегацией Марийского областного совета профсоюзов Вашской области. 1986 // ТА ОМЭВ.
12. Марийская правда, 1972, 27 мая.
13. Политическая информация. 1975, № 19.
14. Отчет о результате опытной работы с кукурузой в госплемзаводе «Семеновский» Медведевского района МАССР. 1982 // ТА ОМЭВ.
15. Марийская правда, 1972, 14 декабря.
16. Марийская правда, 1977, 3 апреля.
17. Политическая информация, 1976, № 8.
18. Отчет госплемзавода «Семеновский» об укреплении интернациональной дружбы с госхозом «Сомбатхей». 1988 // ТА ОМЭВ.
19. Марийский бумажник, 1980, 2 апреля.
20. *Селянский И.И.* Венгерский меридиан Марбума // Сервус, Савария! Йошкар-Ола, 1985.
21. Марийская правда, 1982, 4 апреля; 1985, 4 апреля.
22. Марийская правда, 1979, 16 июля.
23. Марийская правда, 1980, 10 октября.
24. Марийская правда, 1976, 24 сентября; 1982, 21 июня; 1985, 6 января.
25. *Ribalka V.I.* Örök barátsag! // Vasi szemle. II szam. 1983.
26. Марийская правда, 1988, 26 ноября; 1981, 4 апреля; 1995, 28 января.
27. Марий Эл. Вчера, сегодня, завтра. 1995, № 2.
28. Марийская правда, 1995, 14 ноября.
29. Молодой коммунист, 1973, 26 апреля.
30. Марий коммуна, 1978, 19-23 августа.
31. Tavoli varosok, közeli barátok. Budapest, 1982.
32. *Рыбалка В.И.* Крепить братские связи // Ориентир, 1990, № 10.
33. Марийская правда, 1995, 8 декабря.
34. Марийская правда, 1991, 19 ноября.
35. Марийская правда, 1992, 29-30 апреля; 1 мая.
36. Марийская правда, 1992, 16 июня.
37. *Васинкин А.А.* Венгерские ученые о марийской литературе// Венгерские ученые о Марийском крае и народе.
38. Марийская правда, 1993, 24-29 июня.

Vladimir Rybalka

THE MARI-HUNGARIAN CO-OPERATION IN 1971-1996

The article covers the practical activity of the Mari El working people in strengthening their all-round intercommunication with theVash Region of the Hungarian Republic. The author analyses such important form of international co-operation as the friendship communications between agricultural workers, working bodies, which have direct fraternal relations with related enterprizes of the Vash Region. The social-political activity of the public organisation of the Society "Mari El — Hungary" and other different forms of the Society's activities are analysed, in particular — the participation of organizations, enterprizes, higher education institutions in the exchange of progressive experience and in the development of cultural co-operation.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Любовь Абукаева
Йошкар-Ола

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕРАСЧЛЕНЕННОЙ СТРУКТУРЫ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксис сложного предложения — один из малоразработанных разделов марийского языкознания. Особенно это касается сложноподчиненных предложений, их состава и классификации.

При рассмотрении проблем синтаксиса марийского языка прежде всего следует обратиться к исследованиям середины XIX — начала XX веков, поскольку именно в это время начинается активное изучение особенностей строения предложения. Одной из первых грамматик, описывающих наряду с морфологией и вопросы синтаксиса, является грамматика Ф.Й.Видемана (1). В своем исследовании «Опыт грамматики черемисского языка...» Ф.Й.Виденан разграничивает простое и сложное предложения; среди сложных — сложносочиненные и сложноподчиненные. В числе сложных предложений Ф.Й.Видеман называет предложения «субстантивные, адъективные, обстоятельственные, что очень созвучно с современным делением сложноподчиненных предложений на определительные, изъяснительные и обстоятельственные» (2, с. 17). Обоснование деления сложных предложений в зависимости от характера семантических отношений было весьма важным для того времени, более того некоторые финно-угроведы придерживаются этого принципа и до настоящего времени. В дальнейшем исследования по синтаксису марийского языка развивались под влиянием достижений русского языкознания. Ф.Васильев в своем «Пособии к изучению черемисского языка на лутовом наречии» в качестве критерия разграничения сложноподчиненных предложений выдвигал семантический принцип, то есть придаточные части соотносил с членами предложения (2, с. 18). Марийские предложения он соотносил с русскими.

Ценные замечания о природе сложного предложения сделаны Г.Г.Кармазиным. Многие положения его грамматики созвучны с современными представлениями о сложном предложении: попытка формализации синтаксических понятий; стремление сгруппировать союзы по особенностям их употребления в разных структурных ти-

нах предложений, включение в сферу связующих элементов слов, не являющихся собственно союзами, анализ морфологических категорий на основе синтаксиса (2, с. 21).

Значительным вкладом в теорию синтаксиса была грамматика В.Г.Соколова «Марий грамматик. Синтаксис». В.Г.Соколов выделяет три типа сложных предложений: сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные (3, с. 53-54). Учет средств связи и структурной организации при делении сложных предложений был и остается весьма значимым фактором в теории синтаксиса.

Традиционная классификация детально была разработана в трудах В.М.Васильева (4), М.П.Чхаидзе (5), В.Т.Тимофеевой (6), а также в школьных учебниках и пособиях.

В.М.Васильев выделял «придаточные предложения подлежащие», «придаточные определительные», «придаточные предложения обстоятельства», среди последних — времени, причины и цели. Он разделял придаточные предложения на полные и сокращенные, отмечая при этом, что «полные придаточные предложения в языке народа мари возможны только условные, уступительные, обстоятельства времени, причины и цели». К сокращенным придаточным предложениям В.М. Васильев относил конструкции, построенные при помощи причастных, деепричастных форм глагола, неопределенного наклонения, а также при помощи названных форм и послелогов (4, с. 75). Эти замечания о природе сложноподчиненных предложений в марийском языке были весьма важными, поскольку направляли научную мысль в сторону изучения этих конструкций в системе языка, позволяли рассматривать их в сопоставлении с другими.

М.П.Чхаидзе в качестве критерия группировки сложноподчиненных предложений также выделил принцип приравнивания придаточной части сложноподчиненного предложения и отдельных членов предложения. Судя по вопросу, на который отвечает придаточное предложение, он предлагал различать следующие виды придаточных предложений: 1) подлежащные, 2) определительные, 3) дополнительные, 4) обстоятельственные (5, с. 111). М.П.Чхаидзе выделял 7 разновидностей обстоятельственных придаточных предложений: места, времени, образа действия, причины, цели, условное, уступительное.

Классификация на основе смысловых отношений между предикативными частями представлена в работе Я.Г.Григорьева «Марийский язык. Пособие для начинающих изучать марийский язык». Автор в разряд придаточных предложений включал: 1) союзные предложения, которые соединяются с главным при помощи союзов; 2) относительные предложения, соединяющиеся с главным при по-

мощи относительных местоимений и относительных наречий; 3) бессоюзные предложения, которые не имеют соединительных слов: подчинительная связь в них выражается порядком предложений и интонацией (7, с. 188). Эти три разновидности придаточных предложений, как тогда обозначали, были выделены в зависимости от способа подчинения, что само по себе важно. Значимым было и то, что подчеркивалась способность бессоюзных конструкций выражать подчинительные отношения. Однако особенности сложноподчиненных предложений не ограничиваются лишь способами подчинения, целый комплекс структурно-семантических показателей организует сложноподчиненное предложение. Мы думаем, что именно поэтому в дальнейшем бессоюзные конструкции были исключены из числа сложноподчиненных предложений.

Классификация сложноподчиненных предложений по формально-грамматическому признаку разработана также В.Т.Тимофеевой. Кроме вышеназванных разновидностей придаточных предложений, она выделяет и сказуемные придаточные (6, с. 51). Эти же виды придаточных предложений представлены в пособии Я.Г.Григорьева (7, с. 189).

Такая классификация сложных предложений берет свое начало с трудов А.Х.Востокова и Ф.И.Буслаева. Несомненно, есть основания утверждать, что функции придаточной части сложноподчиненного предложения приближаются к функциям отдельных членов предложения, однако эта классификация страдает однородностью. Во-первых, различны основания для уподобления придаточной части сложноподчиненного предложения тому или иному члену предложения. При наличии соотносительных слов в главной части основанием служит синтаксическая функция соотносительного слова. В сложноподчиненных предложениях, которые не имеют соотносительных слов в главной части, придаточные уподобляются членам предложения по их синтаксической связи и смысловым отношениям с главной частью — по той синтаксической позиции, которую они занимают относительно главной части (8, с. 748). Во-вторых, эта классификация не учитывает конструктивных особенностей сложноподчиненного предложения, поэтому к одному разряду относятся неоднородные конструкции, а однородные по структурным и семантическим особенностям предложения оказываются в разных классах. В-третьих, данная классификация не принимает во внимание то, что придаточные части сложноподчиненных предложений передают гораздо более сложные смысловые и грамматические отношения, чем отдельные части предложения, так как придаточная часть обладает предикативностью.

Однако эта классификация долгое время оставалась популярной как в науке, так и в школьной практике, поскольку имела и свои достоинства, среди которых следует назвать рассмотрение сложноподчиненного предложения как построения, основанного на синтаксических связях, аналогичных тем, какие обнаруживаются в простом предложении. Кроме того, традиционная классификация обращала внимание на синонимичность предикативных частей сложного предложения и членов предложения, особенно таких конструкций, как причастные и деепричастные обороты.

Иной подход к классификации сложноподчиненных предложений находим в учебниках и учебных пособиях последних лет. В частности, Н.Т.Пенгитов и З.В.Учаев, учитывая такие особенности сложноподчиненных предложений, как значение, союзные средства, организующие эти конструкции, и их построение, выделяют сложноподчиненные предложения с определительными придаточными, изъяснительными придаточными, обстоятельственными придаточными (9, с. 101; 10, с. 225).

Значительный вклад в разрешение проблем классификации и изучения сложноподчиненных предложений марийского языка внесен Л.П.Васиковой, выделившей основополагающие принципы теории сложных предложений (2, с. 11).

Другая, структурно-семантическая классификация, предусматривает более широкое понимание формы сложноподчиненного предложения, так как она учитывает и формальные и семантические критерии. Характер соотношения между главной и придаточной частями определяет основу данной классификации. Значительную роль в создании структурно-семантической классификации сыграли труды Н.С.Поспелова. На основе тех конструктивных различий, которые выявляются в соотношении между главной и придаточной частью, он выделил двучленный и одночленный типы сложноподчиненных предложений (12, с. 20). В двучленных предложениях придаточная часть соотносится со всей главной частью, в одночленных — относится к одному слову в главной части. Теоретические положения структурно-семантической классификации разрабатывались в дальнейшем С.Е.Крючковым, Л.Ю.Максимовым (13), В.А.Белошапковой (8), И.Н.Кручининой (14), А.В.Дудниковым (15) и др. Данная классификация учитывает не только связующие структурные элементы придаточной части (союзов, союзных слов), но и особенности соотносительных слов главной предикативной части. Такой подход позволяет более плодотворно решать вопрос о разновидностях сложноподчиненных предложений по смысловым и структурным соот-

ношениям между предикативными частями сложноподчиненного предложения.

Итак, согласно основным положениям структурно-семантической классификации противопоставляются по ряду признаков два типа предложений. Главное отличие между ними заключается в том, что предложения нерасчлененного типа относятся к определенной лексической единице главной части, а предложения расчлененной структуры — ко всей главной части. В предложениях нерасчлененного типа связь имеет предсказующий, а в расчлененных — непредсказующий характер.

Однако, как показывают материалы марийского языка, наблюдаются и сложные случаи, когда в предложении присутствуют одновременно средства связи, организующие предложения и расчлененной и нерасчлененной структуры, например: [Корембалов:] **Кӧ вуд вакшым арален шога** *гын*, **тудо шкеже тоштым идеализироватла, тошто гыч ынеж ойырло** (16, т. 1, 354) 'Если кто зашишает водяную мельницу, тот сам идеализирует прошлое, не хочет расстаться с прошлым'. Данную конструкшию мы рассматриваем как предложение нерасчлененного типа, поскольку структуру предложения организуют союзное слово **кӧ** 'кто' и соотносительное слово **тудо** 'тот'. Слово **гын** 'если' лишь придает высказыванию некоторый оттенок условности; оно, являясь факультативным элементом, может быть опущено без ущерба для смысла и структуры предложения в целом. Ср.: **Кӧ вуд вакшым арален шога**, *тудо* **шкеже тоштым идеализироватла, тошто гыч ынеж ойырло** 'Кто зашишает водяную мельницу, тот сам идеализирует прошлое, не хочет расстаться с прошлым'.

Классификация сложноподчиненных предложений расчлененного типа подготовлена уже сложившейся традицией и в настоящий момент вызывает меньше споров по сравнению с классификацией сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры. Данная работа представляет собой попытку отдельного изучения нерасчлененных сложноподчиненных предложений в марийском языке.

При рассмотрении нерасчлененных сложноподчиненных предложений различают две ступени их деления. На первой ступени по виду связи противопоставляются местоименно-соотносительные и предложения с присловной придаточной частью. Обратимся к рассмотрению основных особенностей нерасчлененных сложноподчиненных предложений марийского языка.

ПРИСЛОВНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Главная отличительная черта предложений данного типа — это способность придаточной части не только присоединяться к главной части при помощи определенного средства, но и распространять или замещать в составе главной части слово (словоформу), сочетание слов. Придаточная часть предложений этого типа соотносится с отдельным словом или занимает синтаксическую позицию слова. Опорным или распространяемым словом могут выступать существительное, прилагательное, глагол, наречие. Указательные местоименные слова, участвующие в связи главной и придаточной части, могут: 1) уточнять синтаксическую позицию главной части: **Мом калась, туге лиеш** (17, с. 112) 'Что скажешь, так и будет'; 2) ограничивать присловную связь в коммуникативном отношении, исключая возможность отнесения придаточного предложения ко всему главному: **Физкультура дене мемнам кӧ шуын, тудо тунықта** (18, с. 128) 'По физкультуре нас кто успевает, тот учит'; 3) наряду с союзом и союзным словом принимать участие в формировании и выражении значения сложноподчиненного предложения: **Школ кӧргыштӧ могай сомылым тӧрлаташ, содоррак ыштен пуаш кӱлын — физкультура урокым гушто эртарат** (18, с. 128) 'Какое дело в школе нужно сделать, быстрее справить — урок физкультуры там проводят'.

Соотносительные слова располагаются в главной части; к ним непосредственно присоединяется придаточная часть, которая раскрывает их конкретное содержание. Рассмотрим основные разряды присловных сложноподчиненных предложений.

Присубстантивно-определительные и изъяснительные сложноподчиненные предложения

Присубстантивно-определительные сложноподчиненные предложения — это такие конструкции, в которых придаточная часть относится к какому-либо члену главного предложения, выраженному существительным, выполняет по отношению к нему определительную функцию и присоединяется к главной части союзными словами **кудо** 'который', **кӧн** 'чей', **могай** 'какой', **кунам** 'когда', **кушко** 'куда' и др. Например: **Мый жаным вучем, кунам сар чарна** (19, с. 61) 'Я жду время, когда кончится война'. При определяемом существительном могут находиться указательные местоимения **тудо** 'тот', **тугай** 'такой'. Например: **Пиалан тугай ача, кӧн эргыже тудын нерген тыге ойлен да серен кертеш** (20, с. 145) 'Счастлив тот отец, чей сын может так говорить и писать о нем'. **Сенга тудо ен, кӧ эн виян, эн яндар**

(21, с. 114) 'Победит тот человек, кто самый сильный, самый чистый'. **Кушкынам мый тугае жапеш, кунам илыш нӧлталт тӱзланен** (22, с. 16) 'Я рос в такое время, когда жизнь поднимаясь шла'.

В присубстантивно-определительных предложениях придаточная часть, как правило, располагается сразу после определяемого существительного или сказуемого главной части. Этот порядок чаще всего нарушается в поэтической речи. Например: **Палымыжым ужын кайышыжла, кудым йӱштӧ кӱыш савыреныт** (23, с. 91) 'Знакомого увидел по дороге, которого превратили в холодный камень'.

Изъяснительными называются такие сложноподчиненные предложения, в которых придаточная часть восполняет смысловую и структурную недостаточность главной части, замещая свободную позицию в его структурной схеме, и присоединяется к нему при помощи изъяснительных союзов **манын** 'что', **пуйто** 'будто'. Придаточная часть с изъяснительным значением обычно находится при лексических единицах, которые требуют изъяснения.

В качестве лексических единиц, требующих обязательного дальнейшего развертывания смысла до его необходимой достаточности, выступают слова, обозначающие речевую, мыслительную, эмоциональную, познавательную, волевую деятельность, эмоциональное или интеллектуальное состояние. Наиболее употребительные из них глаголы: **ойлаш** 'сказать, рассказать, рассказывать'; **каласаш** 'сказать, рассказать, высказать, сообщить'; **йодаш** 'спросить'; **шарнаш** 'помнить'; **шонаш** 'думать, мыслить'; **умылаш** 'понимать'; **ынгылаш** 'то же'; **шижаш** 'чувствовать' и др. Например: **Эсогыл тыге ойлыштыч, пуйто Титов чонгештыме деч ончыч чот тургыжланен, йӱдвошт тамакым тӱргыктен** (24, с. 3) 'Даже поговаривали так, будто Титов перед полетом сильно переживал, всю ночь курил'. **А мом тушто сакый-разный енгже ойла, пуйто вольыкым монь шуко кучена** (18, с. 116) 'А что там всякий разный говорит, будто много скотины держим'. **Ныллле ийым вончышо, ушан-шотан ӱдырамаш, ял калык ончылно вожылын, вуйым сака манын, каласаш нигӧн ушышкыжо огеш пуро ыле** (25, с. 4) 'Никому и в голову не пришло бы сказать, что толковая женщина, которой за сорок, опустит голову от стыда перед народом'. **Туге гынат игече йӧршеш пужлен кертеш манын, нигӧ шоналтенат огыл** (18, с. 142) 'Никто и не подумал, что погода все-таки может совсем испортиться'. **Мӧнгӧ пӧртылеш манын, иктат вучен огыл** (21, с. 29) 'Никто не ждал, что вернется домой'.

Главное отличие изъяснительных предложений цели состоит в том, что сказуемое главной части в изъяснительных предложениях выражается глаголом изъявительного наклонения с семантикой речи, мысли (26, с. 106), эмоциональной, познавательной деятельности.

Союз **пуйто** 'будто' характеризует содержание вводимого им сообщения как такое, которое говорящий не признает своим и в достоверности которого сомневается, например: Марий литературыштo кок гана 'тынеш пуртымо' произведений шагал огыл. **Но туге ойлаш ок лий, пуйто лумым ваштaлтыше автор ончылгоч сайын ок шоналте, пуйто тудо вуймутым айда-лийже онча** (27, с. 179) 'В марийской литературе немало произведений, «окрещенных дважды». Но нельзя говорить, будто автор, меняющий название, не продумывает все заранее, будто он относится к заголовку с легкостью'. [Тикын:] **Яши ялыште ойлен коштеш, пуйто тый ялыште шерге ак дене тӱрлӧ сатум погаш тӱгалат, манеш** (16, т. 1, с. 99) 'Яши ходит, рассказывает по деревне, будто ты по высокой цене разные вещи будешь скупать, говорит'.

Изъяснительные сложноподчиненные предложения являются своеобразной формой высказывания, сообщения, заключенного в структуру придаточной части. В главной предикативной части может содержаться указание на намерения субъекта.

МЕСТОИМЕННО-СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложноподчиненное предложение, построенное на обязательном взаимодействии соотносительных слов (местоимений и наречий), расположенных в главной части, и союзного слова или союза, входящего в придаточную часть, называется местоименно-соотносительным предложением. За счет взаимодействия соотносительного слова и союзного средства создается семантическое равновесие частей и организуется структурная основа предложений данного типа. Соотносительные слова связывают содержание главной части с содержанием придаточной части и в то же время указывают на структурно-семантическую недостаточность главной части. Все содержание придаточной части компенсирует значение соотносительных слов, так как последние являются указательными и не имеют конкретного смысла, они малознаменательны, синсемантичны. Функцию соотносительных слов выполняют местоимения со значением отдаленного указания (**тудо** 'тот', **тушко** 'туда', **тушеч** 'оттуда', **тушан** 'там') и местоимения, не содержащие в своей семантике указания на отдаленность или близость (**тугай** 'такой', **тунаре** 'столько'). Определенные соотносительные слова могут иметь при себе соответствующие союзные средства, и сами союзные средства предопределяют круг семантически соответствующих соотносительных слов: **тунам — кунам** 'тогда—когда', **туге — кузе** 'так — как', **тушан —кушан** 'там — где', **кушто — тушто** 'то же', **тушко — кушко** 'туда — куда', **тучеш — ку-**

шеч 'оттуда — откуда', **тугай — могай** 'такой — какой', **тудо — кӧ** 'тот — кто', **тудо — кудо** 'тот — который' **тудо — могай** 'тот — какой', **тунаре — мыняре** 'столько — сколько', **тунар — кунар** 'то же'. Например: **Кай тушко, кушко шинчат онча** (21, с. 28) 'Иди туда, куда глаза глядят'. **Кунам мый, лесохимик лийын, мӧнгӧ пӧртылынам, тунам мыйым ачам пеш йӧрата ыле** (21, с. 30) 'Когда я, став лесохимиком, вернулся домой, тогда отец меня очень любил'. **Оксам Веруш мынярым пуаш шӱда, тунарым мый тыланда пуэм** (28, с. 330) 'Сколько Веруш скажет, столько денег я вам и дам'. **Кузе тудо** (Эчан — *Л.А.*) **лушкалтарен колтыш, туге Атбаш йӧрльӧ** (28, с. 142) 'Как он замахнулся, так Атбаш упал'. **Кунар палем, Тунар... ом пале. Кунар каем, Тунар тора** (29, с. 100) 'Сколько знаю — настолько не знаю, сколько иду — настолько далеко'. В функции соотносительных слов, кроме перечисленных указательных местоимений, могут выступать отрицательные и определительные местоимения, имеющие предметное значение: **кажне** 'каждый', **чыла** 'все', **нигӧ** 'никто', **нимо** 'ничто', наречие **чыла вере** 'везде'. Например: **Мо сайрак кочкыш уло — чыла чарашке лукто** (21, с. 238) 'Что есть вкусного — все достала'. **Мом ыштен шуктена — тудо чыла ныр̆ля пашана лиеш** (16, т. 1, с. 343) 'Что успеем сделать — то все будет нашим совместным трудом'. [Эчан:] Пошкудо-влак, лекса-а! **Кӧ мӧнгыштыжӧ, чыланат лекса!** (28, с. 33) 'Соседи, выходите! Кто дома, все выходите!' **Кӧм гына ом йод — нигӧ ок пале** 'Кого ни спрошу — никто не знает'.

Соотносительные слова могут выступать в роли различных членов предложения: 1) подлежащего, например: **Кӧ монда, тудо вес тӱняште шолшо киш подыш логалеш** (30, с. 24) 'Кто забудет, тот на том свете попадет в котел с кипящей смолой'. **Кӧм ӱжына, тудо тышке толеш да кидшым пышта** (28, с. 375) 'Кого пригласим, тот сюда придет и распишется'; 2) дополнения: **Мый мом шонем, тудым ыштем** (16, т. 2, с. 53) 'Я что задумаю, то и сделаю'. **Енъым молан вурсет, тудым шке кидышкет кучет** (16, т. 2, с. 106) 'За что человека рутаешь, от того сам пострадаешь'; 3) определения: **Могай айдеме дене ваш кылдалтат, тыят тудын койышым кояш тунемат** (16, т. 2, с. 53) 'С каким человеком свяжешься, такой характер и будешь выказывать'. **Кудыжо сенга, тудын кидыш логалына** (31, с. 192) 'Кто победит, к тому в руки и попадем': 4) обстоятельства: Мый шке суртыштем улам. **Кунам шонем, тунам кынелам** (32, с. 8) 'Я в собственном доме. Когда захочу, тогда и встану'; [Таня:] **Кушко тый кает, мыят тушкак** (21, с. 54) 'Куда ты пойдешь, и я туда же'; **Кузе вашмутым пуа, тугак лиеш** (33, с. 59) 'Как ответит, так и будет'.

Предложения с местоименно-вопросительной связью частей

Местоименно-вопросительная связь оформляется словами: **кӧ** 'кто', **мо** 'что', **кӧн** 'чей, кого', **мон** 'чей, чего', **могай** 'какой', **мыняр-мыше** 'какой, который', **мыняр, кунар, мочоло** 'сколько', **кушан, кушто** 'где', **кушеч** 'откуда', **кушко** 'куда', **кунам** 'когда', **кузе** 'как', **молан** 'зачем, почему', **кунамсек** 'с какого времени', **кунамлан** 'к какому времени'. Эта связь является изъяснительной. В главной части сложноподчиненного предложения имеется опорный компонент в виде слова, относящегося к сфере познания (незнания, узнавания, знания). Среди предложений с местоименно-вопросительной связью частей особо следует выделить предложения с собственно-вопросительной связью частей.

Предложения с собственно-вопросительной местоименной связью частей

Существует несколько факторов, влияющих на сохранение или ослабление значения вопросительности местоименного слова. Ослабление вопросительности происходит в зависимости от синтаксических и лексико-семантических факторов, среди которых наиболее значимы факторы целевой установки, модальности, отрицания и позиции (14, с. 308).

Фактор целевой установки. Вопросительное значение местоименного слова нейтрализуется в меньшей степени, если все сложное предложение является вопросительным по форме — (1) или только по содержанию — (2). Например: (1) **Палет, кресаньык-влак кузе ойлат?** «Кутыжа, маныт, йозакым кудалтен...» (30, с. 237) 'Знаешь, крестьяне как говорят? Царь, говорят, подать отменил...' [Венцов:] Йомын ала могай черке пого. **Но каласыза, молан лач мемнан коммунарлан йолам ыштеда?** (30, с. 342) 'Потерялась какая-то церковная утварь. Но скажите, почему подозреваете именно нашего коммунара?' (2) [Майрук:] **Тугеже йод, аваже кузе манын?** (30, с. 327) 'Тогда спроси, как его мать назвала?'

В большей степени сохраняется вопросительное значение, когда вопрос соотносится со словами, обозначающими процессы познания: **шонаш** 'думать', **шонкалаш** 'размышлять, раздумывать', **кангашаш** 'советоваться' и др. Например: [Туз:] **Кузе шонет, молан Венцов лач Цыганым кодыш?** (30, с. 332) 'Как думаешь, почему Венцов оставил именно Цыгана?'

Фактор модальности. Если главная часть сложноподчиненного предложения имеет модальность побуждения, то вопросительное значение местоименного слова нейтрализуется слабее. Например: [Курганов:] Шогыза, шогыза, мый тендан нерген огыл ойлем. Камаев нерген. **Каласыза, могай тудо айдеме?** (34, с. 175) 'Постойте, постойте, я не о вас говорю. О Камаеве. Скажите, какой он человек?' [Устюгов:] **Ну, ойлыза, шергакан унам-влак, могай сомыл тыгай эр мый декем тендам конден?** (30, с. 17) 'Ну, рассказывайте, дорогие гости, какое дело так рано привело вас ко мне?' [Альбина:] **Умылтарыза, господин ротмистр, молан мыйым тышке конденыт?** (35, с. 29) 'Объясните, господин ротмистр, зачем меня сюда привели?'

Значение желательности, намерения, интереса также выступает в качестве препятствия к ослаблению вопросительности. Например: **Ойгай ыле пален налаш, таче кечыгут Катя мом ыштылын?** (36, с. 17) 'Интересно было бы узнать, что сегодня весь день делала Катя?'.

Фактор отрицания. Наибольшая нейтрализация вопросительного значения местоименного слова наблюдается при словах со значением позитивного знания, понимания, объяснения, передачи информации. Например: **Пала Полина, могай чер дене тудо йӧслана** (25, с. 4) 'Знает Полина, от какой болезни она страдает'.

Значение вопросительности усиливается при словах с семантикой незнания, непонимания, непередачи информации. Например: **А тетла омак пале, кузе тые илет** (37, с. 235) 'А больше и не знаю, как ты живешь'. **Палаш йӧсӧ, молан тудо** (Таня — *Л.А.*) **шортеш** (21, с. 53 'Трудно узнать, почему она плачет'. **Кӧ шинча, мо уло тудын чоныштыжо** (21, с. 20) 'Кто знает, что у него на душе'.

Фактор позиции. Вопросительное значение местоименного слова подвергается меньшему ослаблению, если придаточная часть находится в препозиции по отношению к главной. Например: **Умбакыже кузе эрта, тудо эреак ушыж дене мужедын** (21, с. 239) 'Как пройдет дальше, он все время гадал про себя'.

Препозиция характерна для предложений с семантикой вопроса и негативного или неполного знания, например: **Мом тулеч вара тудо** (Прыгунов — *Л.А.*) **ыштен, Жаров ок шинче** (21, с. 239) 'Что он после этого делал, Жаров не знает'. [Урядник:] **А вот мый кунам отпускыштo лийынам, омат шарне** (19, с. 54) 'А вот я когда в отпуске был, и не помню'. **Кушеч омыжо лектеш, палаш ок лий** (16, т. 2, с. 29) 'Откуда сон берется, нельзя узнать'. **Команда почеш Алексеев келге ямыж гыч кузе лектын возо — шкат ыш шиж** (21, с. 23) 'Как по команде Алексеев вывалился из своей глубокой ямы — и сам не почувствовал'.

Таким образом, чем положительнее значение ситуации, тем сильнее нейтрализуется вопросительное значение местоимения.

Порядок расположения частей при местоименно-вопросительной связи определяется отношениями темы и ремы. Придаточная часть обычно следует за главной, если выполняет функцию ремы и предшествует главной части, если выступает как тема или экспрессивно выделенная рема.

Предложения с местоименно-интенсифицирующей связью частей

Местоименно-интенсифицирующая связь оформляется словами **кузе** 'как', **могай** 'какой', **мыняр** 'сколько'. Перечисленные средства усиливают в одних случаях качественный и количественный признак, выраженный прилагательным, наречием, существительным или глаголом, в других — признак внутри придаточной части. В таких предложениях помимо изъяснительных отношений присутствует элемент усилительной семантики, поэтому и отношения определяются как изъяснительно-интенсифицирующие. При выражении изъяснительно-интенсифицирующего значения местоименные слова взаимодействуют со словами знания, понимания, интеллектуального восприятия, суждения, размышления, сообщения, относящегося к плану повествовательной речи. Следовательно, из состава опорных слов исключаются слова с семантикой вопроса и волеизъявления. Например: **Ончылнет могай задача шога, тый ынде шнжыч** (25, с. 8) 'Перед тобой какая задача стоит, ты теперь почувствовал'. **Могай ен улат, мыланна тыш толмо деч ончычак пале ыле** (21, с. 83) 'Какой ты человек, нам было известно еще до нашего прихода сюда'

В предложениях с местоименно-интенсифицирующей связью частей придаточная часть в большинстве случаев предшествует главной, поскольку в первой содержится значимое для информатора сообщение.

Предложения с местоименно-относительной (анафорической) связью частей

Отсылочно-заместительное, или анафорическое, употребление вопросительных слов обеспечивает их союзную функцию. Анафорические средства связи широко используются и в марийском языке. Очевидно, именно этот способ связи обеспечивал наряду с коллокацией выражение различных типов подчинительных отношений до того, как возникли специализированные средства их выражения в сложном предложении.

Анафорическую связь организуют такие средства, как лексический повтор, личные местоимения и указательные слова (**тудо** 'тот', **тушто** 'там', **тунаре** 'столько', **тунам** 'тогда', **тушан** 'там', **тушеч** 'оттуда' и др.). Например: **Вара тиде охотникын пайрем шуэш. Тудо ужеш оньыжым и кугыжым. Толыт йуаш оньыжо, кугыжо и моло родо-шочшыжат** (38, с. 24) 'Потом был у этого охотника праздник. Он позвал тестя и тещу. Приходят на праздник тесть, теща и другие родственники'.

В роли собственно-синтаксического средства оформления анафорической связи выступают вопросительные местоименные слова, так как в них наряду с отсылочной функцией присутствует и союзная функция. Связь, организованная при помощи вопросительных слов, союзная функция которых совмещается с анафорической, называется относительной подчинительной связью.

Различается ориентированная и неориентированная анафорическая связь. Если относительное местоименное слово отсылает к лицу, предмету или событию, названному в предшествующем предложении знаменательным словом, то такая анафорическая связь называется ориентированной. Например: **Теве таче гына, кунам волостной старшина тудын ончылан тыгай йодышым шындыш, Жаров мо лийын кертшашым вигак умылыш** (21, с. 239) 'Вот только сегодня, когда старшина поставил перед ним такой вопрос, Жаров понял, что может произойти'. **Могай колхоз шурным ончыч поген пытара, тудо почеш кодшылан полшаш мия** (34, с. 192) 'Какой колхоз соберет урожай раньше, тот придет на помощь отстающему'.

Неориентированная анафорическая связь устанавливается в том случае, когда относительное местоименное слово отсылает к лицу, предмету или к событию, которые остаются не названными, а лишь неопределенно обозначенными.

Таким образом, структурно-семантическая классификация позволяет выделить типы сложноподчиненных предложений, рассматривая несколько особенностей данных конструкций одновременно: способ связи, средства связи, а также особенности семантики и типы отношений между главной и придаточной предикативными частями.

При таком подходе к природе сложных предложений сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры выделяются как конструкции, в которых связь главной и придаточной части имеет предсказуемый характер, то есть зависит от структурных и семантических особенностей той лексической единицы, к которой относится придаточная часть сложноподчиненного предложения. Данная

особенность этих конструкций позволяет разграничивать в их составе местоименно-соотносительный и присловный тип.

В присловных нерасчлененных предложениях придаточная часть замещает позицию определенного слова или словоформы (существительного, прилагательного, глагола, наречия).

Основной синтаксической позицией изъяснительных предложений является позиция при глаголах определенной семантики. Среди нерасчлененных сложноподчиненных предложений изъяснительные проявляют свою специфику и в том, что они выступают в качестве особой формы высказывания, сообщения, заключенного в рамки придаточной части, в которой содержится указание на целенаправленность (повествование, волеизъявление, вопрос), отнесенность или неотнесенность к определенному субъекту. При наличии такой отнесенности имеется также указание на намерение субъекта. Этот характеризующий аспект заключается в структурные рамки главной предикативной части.

Структуру местоименно-соотносительных конструкций организует взаимодействие союзных средств и соотносительных средств. Соотносительные слова выступают в качестве строевых элементов предложений нерасчлененной структуры. Соотносительные слова в составе главной предикативной части могут быть различными членами предложения, значение которых конкретизируется всем содержанием придаточной части, так как эти слова сами по себе не имеют конкретного значения.

Соотношения союзных средств и соотносительных слов уникальны, так как такие отношения не наблюдаются ни между компонентами словосочетания, ни в структуре сложных предложений других типов. Характер анафорической функции соотносительного слова определяет отношения между главной и придаточной частями.

Таким образом, выделенные свойства позволяют объединять предложения нерасчлененной структуры в некое внутренне организованное единство.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Wiedemann F.J.* Versuch einer grammatik der tsceremissischen Sprache... Reval, 1847.

2. *Васикова Л.П.* Из истории изучения синтаксиса сложного предложения в финно-угорских языках // Марийская филология. Межвузовский сборник научных трудов. Йошкар-Ола, 1986.

3. *Соколов В.Т.* Марий йылме грамматик. Синтаксис. Кок.а школышто туемме полыш книга. М., 1935.

4. *Васильев В.М.* Записки по грамматике языка народа мари. Материалы для этимологии и синтаксиса. Казань, 1918.

5. *Чхаидзе М.П.* Синтаксис лугово-восточного марийского языка. М., 1941.

6. Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола, 1961.

7. *Григорьев Я.Г.* Марийский язык. Пособие для начинающих изучать марийский язык. Йошкар-Ола. 1953.

8. Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. 2-е изд. М., 1989.

9. *Пенгитов Н.Т.* Марий йылме. 7-8 класслан учебник. Йошкар-Ола, 1985.

10. *Учаев З.В.* Марий йылме. Теорий. 5-9 класслан учебник. Йошкар-Ола. 1993.

11. *Васикова Л.П.* Проблемы классификации сложных предложений марийского языка // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Тезисы докладов. Устинов, 1987.

12. *Поспелов Н.С.* Сложноподчиненное предложение и его структурные типы// Вопросы языкознания. 1959. № 2.

13. *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части // Вопросы языкознания. 1960, № 1.

14. *Кручинина И.Н.* Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры // Русская грамматика. т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980.

15. *Дудников А.В.* Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1990.

16. *Шкетан М.* Чумырен лукмо ойпого кум том дене савыктаптеш. Йошкар-Ола, 1991.

17. *Ижболдин В.И.* Кугурем. Повесть-влак. Йошкар-Ола, 1988.

18. *Косоротов В.П.* Тура кугорно. Повесть да ойлымаш-влак. Йошкар-Ола, 1990.

19. *Ассев А.* Чеверын код. Повесть // Ончыко, 1995, № 1.

20. *Ванаев И.* Илышлан моктеммуро. Андрей Эшпайлан — 70 ий // Ончыко, 1995, № 5.

21. *Лекайн Н.С.* Куту сарын тулыштыжо. Роман. Йошкар-Ола, 1974.

22. *Казаков М.* Мемнан пӱрымаш. Йошкар-Ола, 1988.

23. *Регеж-Горохов В.М.* Тау. Почеламут-влак. Поэма. Йошкар-Ола, 1991.

24. Чонешташ кумытын ямдылаттынна. Г.С.Титов ден интервью // Марий Эл, 1995, 27 май.

25. *Александров А.А.* Ӱмыр кыл. Повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола. 1989.

26. *Исанбаев Н.И.* Особенности употребления маныи и лийын в марийском языке // Вопросы языка, литературы и фольклора. Труды МарНИИИ языка, литературы и истории. Вып. XIV. Йошкар-Ола, 1961.

27. *Зайниев Г.З.* Мучашдыме кыша. Литературно-краеведческий очерк-влак. Йошкар-Ола, 1987.

28. *Лекайн Н.С.* Возымыжо кум том дене луктаптеш. Т. 1. Йошкар-Ола, 1987.

29. *Иванова А.* Шинчаваш ончен. Почеламут-влак. Поэма. Йошкар-Ола, 1988.

30. *Юксерн В.С.* Ойпого. Йошкар-Ола, 1989.

31. *Коршунов К.М.* Шӱм парым. Пьеса-влак. Йошкар-Ола, 1989.

32. *Ошэл Василий.* Айдеме илаш шочеш. Повесть-шарнымаш. Йошкар-Ола, 1990.

33. *Артамонов Ю.М.* Кайык ужын ужата. Повесть, ойлымаш-влак. Йошкар-Ола, 1990.

34. *Арбан Н.М.* У мурс // Кугу толкын. Марий драматургий антологий. Йошкар-Ола, 1987.

35. *Николаев С.Н.* Комиссарын чапше // Кугу толкын. Марий драматургий антологий. Йошкар-Ола, 1987.

36. *Каткова З.Ф.* Кушто улат, пиалем. Роман. Йошкар-Ола, 1965.

37. *Эсаулова С.Н.* А тетла омак пале, кузе тые илет // Тылат. Йоратымаш нерген почеламут-влак. Йошкар-Ола, 1994.

38. *Евсеев Т.Е.* Калык ойпого. Йошкар-Ола, 1994.

Lyubov Abukayeva

COMPLEX SENTENCES OF UNDISMEMBERED STRUCTURE IN THE MARI LANGUAGE

The article analyses complex sentences from the positions of structural-semantic classification. According to its principal prepositions such sentences are divided into 2 types due to some indications: the dismembered and the undismembered complex sentences. The basic difference between them lies in the fact that the sentences of undismembered type are related to a particular lexical unit of the dominant part and this relation is of predictable character, and the sentences of dismembered type are related to the whole dominant part and the relation in them is unpredictable.

Though, as the researches of the Mari language show, there occur more complicated cases, when in a sentence there are simultaneously the means of relation, which organise the sentences of dismembered as well as of undismembered structure, e.g. KO" VU"D VAKSHIM ARALEN SHOGA GHYN, TUDO SHKEZHE TOSHTYM !DEALIZIROVATLA, TOSHTO GHYTCH YNEZH OIYRLO (If somebody stands up for a water-mill, he idealizes the past, he doesn't want to part with the past). This construction we analyse as a sentence of undismembered type, because its structure is organised by a conjunctive word "ko" (who/somebody/one) and a correlative word "tudo"(that/he). The word "ghyn"(if), being an optional element, can be omitted without a change of the sentence's meaning and structure on the whole.

When analysing undismembered complex sentences, two stages of their division are distinguished. On the 1st stage the pronoun-correlative sentences are contrapositioned, according to the type of relation, to the sentences with by-word subordinate part. The by-word complex sentences are divided into the by-substantive-determinative and the expressive ones. Among the pronoun-correlative sentences those pronoun-interrogative relation of parts are distinguished, which are divided then into the sentences with proper-interrogative, pronoun-intensifying and anaphorical relations of the parts.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ*

В историческом разрезе национальные движения утро-финских народов России имеют непродолжительный и прерывистый срок существования. Их развитие определялось действием многих факторов, прежде всего — уровнем этнического самосознания.

Общественные процессы у этих народов в Российской империи развивались замедленно. Начало разрушения патриархальных устоев, зарождение товарно-рыночных отношений, ведущих к складыванию буржуазной общественной структуры, к новым социальным и внутринациональным связям, у них относится к концу XIX — началу XX века. Тогда и появились зачатки национальной интеллигенции и национальных движений.

Поскольку трудовые крестьянские массы были задавлены не только тяжкими социально-экономическими условиями, но еще и национальным гнетом, преследованиями родного языка и народной традиционной культуры, третированием национального сознания так называемых «инородцев», то естественно первые национально-демократические интеллигенты свои усилия направили на пробуждение национального достоинства и самосознания, на защиту родного языка и народной культуры, на сохранение их от разрушения и гибели.

Конечно, не все, кто становились обладателями интеллигентских профессий, оказывались поборниками национально-освободительной идеи. В условиях жесткого имперского гнета, разнузданных шовинистических преследований «инородцев» сама гнетущая атмосфера настолько давила на сознание первых интеллигентов из среды этих народностей, что они даже старались скрывать свою национальность, стеснялись и боялись ее. В этих условиях принципиально

---

* Статья написана на основе доклада, прочитанного на VIII Международном конгрессе финно-угроведов.

важным было появление сначала одиночек, затем и больших групп молодых интеллигентов, психологически переломивших это привычное рабское состояние.

Поколение, включившееся в общественно-культурную жизнь на волне подъема первой демократической революции в России, создало печать, литературу, развивало школу на родном языке. Его представители — учителя и литераторы — стали в полном смысле деятелями национальных движений, провозвестниками национального пробуждения.

Они смело, осознанно поставили задачу национального возрождения родных народов. Условием этого они считали необходимость сбросить с себя, с народного сознания путы комплекса национальной неполноценности и униженности, навязанные колонизаторами.

Так зарождалась национально-демократическая идеология как направление общественно-политической мысли и основа национального движения. Демократы-просветители стимулировали пробуждение самосознания, развитие национальной культуры своих народов. Родоначальник марийской литературы Сергей Чавайн, например, вспоминал: «Революция 1905 года подняла у марийской интеллигенции национальное самосознание. Если до этого многие стеснялись, что они марийцы, то теперь заговорили о марийской литературе, книге, газете» (1, с. 37).

В деятельности многих просветителей из среды угро-финских народов причудливо переплеталась православно-миссионерская работа с пропагандой историко-этнографических сведений, которые в своей основе идут от язычества. Просветители, участвуя в распространении христианства на родном языке в своей официальной деятельности и языческих традиций в своих научно-популярных публикациях, считали, что «евангельские» и «языческие» нравственные нормы (которые по существу являются общечеловеческими) могут противодействовать расширению таких социальных пороков «цивилизации», как пьянство, воровство, половая распущенность, хищническое отношение к природе. Опираясь на исторические предания и собственные наблюдения, распространение таких отрицательных явлений они объясняли «русским влиянием».

Национальные движения за сохранение и свободное развитие народов, их языков и культур среди угро-финских народов России стали возникать и формироваться, таким образом, в самом конце XIX — начале XX века, особенно на волне первой Российской революции. Но организационно они у них тогда не успели оформиться. Направленность национальных движений российских угро-финнов

носила больше культурно-просветительский, а не социально-политический характер.

Февральская демократическая революция 1917 года имела огромное значение в национальном пробуждении народов. После свержения в России самодержавия подъем национального движения был очень заметным и среди финно-угорского населения. Тогда в результате победы демократической революции в России начался бурный процесс демократизации, который охватил и сферу национальных отношений. Просветительская интеллигенция стала вести активную общественную работу, наметила обширную программу национального развития своих народов, она стала катализатором народного самосознания. Она получила надежду и возможность начать претворять в жизнь свои демократические взгляды и устремления, направленные на социально-культурное возрождение родных народов на основе строительства в обновленной России демократического общества.

Это находило поддержку в низовых массах, свидетельствуя о начавшемся пробуждении народов. Национальные движения оформились организационно. Кроме организаций и обществ отдельных народов, возникли и региональные объединения, свидетельствуя об общности задач и путей их решения. Например, в Казани было учреждено «Общество мелких народностей Поволжья», в котором объединились марийские, удмуртские, мордовские, а также чувашские организации. В мае 1917 года состоялся первый съезд этого объединения. В докладах и выступлениях делегатов, в решениях съезда содержались требования и планы создания условий для возрождения языка, культуры, в целом народной традиционной духовной жизни, расширения национальной школы. В повестке дня был и вопрос «О местном самоуправлении». Характерно, что предложения об «осуществлении федеративной республики» с последовательной организацией «особых национальных штатов» не получили поддержки (2).

Таким образом, национальная идея среди восточно-финских народностей даже в лице их активной, образованной верхушки, в 1917 году не поднялась, в отличие от татар и башкир, до уровня требований территориальной автономии, тем более до политического «сепаратизма». Программные установки и цели национальных движений ограничились лишь культурно-национальной автономией.

После Октябрьского переворота национальные движения были большевиками искусственно расколоты по классово-партийному принципу. Организации угро-финских народов, созданные мелкобуржуазно-демократической интеллигенцией, были разогнаны, созданы коммунистические национальные секции и комиссариаты при партийных (РКП/б/) и советских органах на местах и соответствую-

шие отделы в Народном Комиссариате по делам национальностей. При их участии декретами сверху в 1920-1921 годах были образованы Карельская, Марийская, Удмуртская, Коми автономные области (переименованные впоследствии в автономные республики). Что касается мордвы, то в начале 20-х годов вопрос об автономии этого народа не был решен, поскольку тогда соответствующие органы придерживались ориентации на выделение территории, где титульная национальность составляла бы не менее 50%; только в 1928 году был образован Мордовский округ, преобразованный в 1930 году в автономную область.

Многие национал-демократы, выдвинувшиеся в 1917 году, отстраненные от участия в этих политических решениях, оказавшись в положении «внутренней эмиграции», проводили в 20-е годы большую культурно-просветительскую работу по развитию своих народов, возрождению национальных культур, родных языков, расширению образования и печати на родных языках, подготовке национальных кадров. Это было тогда возможно и без какого-либо организационного оформления национальных движений или обществ. Советская власть в то время не препятствовала культурнической работе, в то время как любые попытки организационных объединений жестоко пресекались. Советская власть тогда продолжала положительные тенденции и традиции «системы Ильминского», стремилась привлечь на свою сторону и использовать национальную интеллигенцию, родной язык народов для упрочения своей власти, для укоренения своей идеологии в массах нерусского населения. Эти возможности были использованы национальными деятелями.

В 30-х годах вся работа по национально-культурному и языковому строительству была расценена как «национализм» (в советской общественно-политической практике это слово имело исключительно отрицательный смысл, особенно в сочетании со словом «буржуазный»), и национально мыслящая интеллигенция была репрессирована. Ни о каком национальном движении в последующие полвека не могло быть и речи. Слово «национализм» стало страшным пугалом. Культуре народов, их национальному самосознанию был нанесен непоправимый урон.

В течение длительного периода национальное самосознание финно-угорских народов определялось не только непосредственными последствиями погрома, учиненного в конце 30-х годов. На него большое влияние оказал последовавший морально-психологический террор, когда проводилась линия на преследование национальных чувств, национального сознания, когда возможные обвинения в национализме висели дамокловым мечом над каждым.

В результате такой методичной травли национальное самосознание наших народов оказалось угнетено. Следствием этого стало широко распространившееся в массовом сознании чувство боязни за приверженность к родному языку, к традиционной родной культуре. Это значит, что национальные движения были невозможны не только в силу юридических норм социалистического общества, но и по внутренне-психологическим причинам. Новая генерация руководителей, утвердившаяся в финно-угорских республиках с конца 30-х годов, правила последующие десятилетия, сменив несколько поколений и передав власть правящей ныне смене, выпестованной в том же духе интернационализма и неприятия любого проявления «национализма». За этим она следила бдительно.

С началом перестройки, разрушения тоталитарной советской системы, среди финно-угров, как и других народов России, наступило оживление национальной идеи, началось формирование национальных движений. В конце 80-х годов небольшие группы национально-мыслящей гуманитарной интеллигенции в республиках и регионах проживания финно-угорского населения выступили инициаторами создания национальных организаций. В качестве таковых были молодые писатели, журналисты, ученые. Их воодушевлял пример родственного эстонского народа в его борьбе за независимость, им была близка деятельность Народного фронта Эстонии.

Тревога за будущее своих родных народов объединила молодых энтузиастов. К ним присоединились некоторые представители среднего поколения. А многие именитые, маститые старые деятели культуры остались сторонними наблюдателями, а некоторые выступили против «националистических» тенденций, угрожая создать «Интернациональные фронты».

Необходимо признать, что формирование целевых, программных установок начавших появляться национальных объединений было связано с обсуждением проекта платформы ЦК КПСС к широко разрекламированному Пленуму «Национальная политика партии в современных условиях». Тогда еще жила наивная вера, что наболевшие проблемы развития наций можно решить в рамках советской национальной политики. Поэтому инициаторы национальных движений оперировали ее понятиями, марксистско-ленинскими категориями и формулировками. Но в оценке сложившейся ситуации в отношении своих народов они пошли дальше, чем могло быть допущено и планировалось партийными органами.

Инициаторами и идеологами рождавшихся национальных движений высказывалась большая тревога за этническое состояние своих родных народов. Это не могло не вызвать отрицательной реакции

республиканских органов КПСС. Ибо их оценка состояния дел была иная: в целом все обстоит нормально... только следует «улучшить», «усилить внимание»... в первую очередь, конечно, к интернациональному воспитанию трудящихся.

Исходя из такой оценочной позиции и были составлены в обкомах КПСС «Программы совершенствования межнациональных отношений» (в соответствующей республике). А тут представители национальной интеллигенции вдруг стали давать несколько иную оценку, по-другому ставить акценты; в их лексике появилось слово «возрождение», вызвавшее особенное неприятие у партийных лидеров. Ведь ясно: выдвижение задачи возрождения народа само по себе ставило под сомнение результаты осуществления национальной политики в отношении финно-угорских народов.

Поэтому партийные комитеты увидели в подобной позиции проявление национализма (в советском понимании) и стали противодействовать оформлению национальных организаций и движений. В свою очередь такое непризнание привело к тому, что национальные движения сразу же оказались в статусе «неформальных» организаций. Но как бы там ни было, в 1989-1990 годах они оформились практически у всех финно-угорских народов России.

В октябре 1988 года была проведена имевшая важное значение научно-практическая конференция «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры», вскоре образовалось их общественное объединение — Общество вепсской культуры (3). В 1989 году образовалось Общество карельской культуры, преобразованное затем в Союз карельского народа.

В октябре 1989 года в Саранске состоялось учредительное собрание общества «Масторава» («Родина-мать»), утверждена его программа, направленная на национально-культурное возрождение мордовского народа. Первый съезд общества состоялся в августе 1990 года (4, с. 16-17).

В декабре 1989 года на объединенном пленуме Марийского отделения Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры, Марийского отделения Советского фонда культуры и Общества «Мемориал» был сформирован организационный комитет по созданию марийского национального движения; в апреле 1990 года на учредительном съезде оформилось движение «Мари Ушем» («Союз мари»), принят его устав (5).

В декабре 1990 года родилось «Общество удмуртской культуры»; в Коми АССР образовалось культурно-просветительское общество «Коми котыр». К этому же времени относится рождение организации хантов, манси и ненцев с характерным названием «Спасение

Югры», также культурного общества саамов, организации ингерманландских финнов «Инкерин лиитто»(«Ингерманландский союз»).

В связи с традиционно советским отрицательным пониманием национализма и памятуя 30-е годы, все открещивались от этого слова и клялись в интернационализме и в стремлении к «обновлению социализма». В уставах организаций и в других документах говорилось о необходимости возвращения к ленинским принципам национальной политики.

Характерны слова, записанные в программе мордовского национального движения: «Мастэрава» отвергает любые проявления неуважения к представителям других национальностей, разжигающие национальную рознь. В то же время любовь к своему народу, его языку, культуре признается естественным чувством каждого человека. Национальное чувство является важнейшим элементом патриотизма, находится в диалектическом единстве с интернационализмом».

Важнейшим моментом у всех было объявление ответственности соответствующей республики за культурно-языковое состояние всего этноса, разбросанного по территории страны, включая диаспору. В документах всех организаций выдвигалась задача укрепления статуса родных языков, к тому времени полностью вытесненных из общественной жизни, делопроизводства и деловой переписки. Везде ставился вопрос о придании им статуса государственных (вне республик в районах компактного проживания — официальных) языков наряду с русским. Признавая положительное значение двуязычия, активисты движений поднимали вопрос о паритете национально-русского и русско-национального двуязычия. То есть, чтобы не только марийцы, карелы и другие знали по-русски (это в жизни стало реальностью), но чтобы русские, живущие и работающие среди них, знали их язык. В документах «Масторавы» это выражено лишь в общей форме пожелания. А «Мари Ушем» предложил Верховному Совету составить и утвердить перечень должностей, для занятия которых необходимо знать марийский язык. И это было реализовано — в отношении президента республики, который по закону должен знать оба государственных языка Республики Марий Эл.

В 1989 году была возрождена ликвидированная в 1937 году вепсская письменность, приняты меры по созданию письменности для самого крупного в стране бесписьменного народа — карел.

Национальные движения, общества, организации финно-уторских народов первоначально оформились как культурно-просветительские и в этом качестве сумели добиться определенных положительных результатов. Последующие съезды внесли в их уста-

вы некоторые изменения, ведущие к усилению их политической направленности и, к сожалению, к сужению их деятельности.

Развитие движений финно-угорских народов за национальное возрождение шло сложно и даже болезненно.

Немалое значение в этом имел тот факт, что одновременно с началом их деятельности происходило провозглашение суверенитета республиками. Но этот процесс, в отличие, скажем, от Татарстана или Чечни, в финно-угорских республиках был осуществлен не в интересах коренных народов, а лишь использован местными правящими элитами (в составе которых представители коренных народов имелись больше в пропагандистско-политических целях, тщательно отобранные из «интернационалистов») для сохранения власти в своих руках. Партийно-военно-хозяйственная номенклатура под прикрытием «суверенитета» стремилась к отрыву республик от демократизировавшейся России. Национальные финно-угорские движения, выступив в поддержку Деклараций о суверенитете, наивно верили, что провозглашение суверенитета пойдет во благо коренных народов, и присоединились к требованиям убрать из официальных названий слово «автономная», но при этом сохраняя слова «советская» и «социалистическая».

Национальные движения финно-угорских народов с самого начала своей деятельности столкнулись с отрицательным отношением к себе местного русского населения (а оно составляет большинство в финно-угорских регионах). В противовес национальным организациям, выражающим интересы коренных народов, в ряде республик были образованы общества с характерным названием «Русь» (их можно считать аналогами Интернациональных фронтов в Прибалтике), которые развернули борьбу с «националистами». И это несмотря на то, что национальные движения утро-финнов, в отличие, например, от татар или чеченцев, заявили, что будущее своих народов видят в составе Российской Федерации.

Нигде не получилось сотрудничества финно-угорских организаций с общедемократическими российскими. Везде местные отделения последних, в которых в основном представлены русские (или «русскоязычные»), оказались в конфронтации с «националистами».

В Марийской республике орган местного отделения «Демократической России» газета «Голос демократа», обвиняя движение «Мари Ушем» в национализме, грозился создать Интерфронт (6).

В Удмуртии «демократические» газеты на русском языке вели кампанию по дискредитации национального движения, его идеологов и активистов. Это проявилось, в частности, в публикации паск-

виля «Мурлоты», где в окарикатуренном виде выведены узнаваемые фигуры деятелей национального движения.

Особенно резким и показательным это противостояние было в Мордовии. Для этого имелись и серьезные основания. Осенью 1990 года во время обсуждения вопроса о суверенитете «Масторава» разработала проект Декларации. «Демократы» начали травлю этой организации как «националистической» и сепаратистской. Эти события толкнули «Масторазу» в объятия партийной номенклатуры, еще не так давно препятствовавшей началу деятельности и регистрации этой организации.

Выборы президента в декабре 1991 года стали следующей (решающей) вехой в конфронтации. Избранный президентом Мордовии В.Гуслянников проявил невнимание к национальным нуждам мордовского народа, заявил о нежелании знать его язык; назначил министром образования «демократа», который в ответ на обращение деятелей «Масторавы» о проблемах национальной школы заявил: «Вы — вымирающая нация. Уходите с исторической арены без шума, тихо, не мешайте другим».

Поэтому во многом были обоснованы обвинения в мордовских газетах в адрес «демократов» в продолжении русификаторских традиций. Этим воспользовался Верховный Совет. Президентство в Мордовии в апреле 1993 года было отменено, и это было одобрено националами.

Но альянс национального движения с неокоммунистической номенклатурой, оставшейся у власти и после новых выборов, не получился. Новое республиканское руководство Мордовии вначале не пользовалось поддержкой Москвы. И чтобы получить ее, оно стремилось показать себя лояльным по отношению к Москве, в первую очередь отмежевавшись от «националистов». Председатель Государственного собрания Республики Мордовия Н.И.Меркушкин (бывший второй секретарь рескома КП РСФСР) в одном из выступлений решительно заявил: «К великому сожалению, есть и те, кто в корыстных целях разыгрывает национальную карту. Этому мы будем препятствовать» (7). А незадолго до этого газета «Мордовия» напечатала восторженный репортаж об учредительном съезде местной организации «Державы», о пребывании в республике А.Руцкого с цитированием его высказывания: «Россия — это государство прежде всего русского народа» (8).

В дополнение к внешнему противодействию проявил себя и внутренний фактор. Это — низкий уровень национального самосознания финно-угорских народов.

Социальная база национальных движений и организаций оказалась слишком узкой. Усилия активистов в стремлении расширить ее, вовлечь в национальные движения более широкий круг людей, поднять уровень национального самосознания своих народов оказались малорезультативными. Большинство финно-уторского населения осталось морально-психологически раздавленными, боящимся сказать слово в защиту себя, своих прав. Некоторые проявления этнического пробуждения встретили резко отрицательную реакцию со стороны местных русскоязычных средств массовой информации, формирующих общественное сознание в финно-уторских регионах; со стороны не только окружающего русского большинства, но и «обрусевших инородцев».

Кроме того, внутри национальных движений, не успевших укрепиться, произошло расслоение, что затем привело к расколу. Это умело провоцировалось как антинациональными силами, так и неокоммунистической номенклатурой из среды своих же национальностей.

В Марийской республике из «Мари Ушема» отпочковалась небольшая группа «Кутезе мланде» («Земля предков»), объявившая себя общественно-политической организацией, затем образовалась национальная партия «Ушем» («Союз») в составе десятка человек.

В Удмуртии также несколько человек политических радикалов в противовес Обществу Удмуртской культуры и организации «Удмурт кенеш» провозгласили создание Национальной партии.

В Республике Коми события развивались аналогично. Националрадикалы, обвиняя руководителей Комитета возрождения коми народа, избранного на съезде народа, в нерешительности и непоследовательности в отстаивании прав народа, отошли от этой организации и основали партию «Доръям асьнымос» («Защитим себя сами»).

В Карелии наряду с Обществом карельской культуры (Союз карельского народа) в 1991 году образовалась политическая организация Карельское движение, а на съезде народа избран исполнительный комитет «Карельского конгресса», но единства действий этих структур тоже не получилось.

В Мордовии произошел раскол по субэтносам. Представители мокши и эрзи (субэтнических групп мордвы) стали выдвигать идею, что это — отдельные народы и образовали свои отдельные организации.

Эти события подрывали возможности широкого распространения национальной идеи, расширения влияния национальных движений на жизнь народов. С учетом и без того узкой социальной базы движений и низким уровнем самосознания они во многом ослабили

процесс возрождения финно-угорских народов. Среди значительной части интеллигенции, включившейся на первой поре в национальное движение, наступило разочарование в его возможностях. К этим людям пришло осознание той истины, что в российских условиях, когда демократия понимается просто как власть большинства, национальные проблемы малочисленных народов решить вряд ли возможно. Многих напугала кровавая расправа с Чечней.

Таким образом, идеи национального возрождения получили определенное развитие среди финно-угорских народов России. Но общественное движение за их реализацию развивается с большими трудностями. После заметной волны рубежа 80-90-х годов оно находится в стадии спада и даже кризиса.

На новом этапе развития национальных движений предстоит, отказавшись от политиканства, сосредоточить первоочередное внимание на последовательной работе по подъему национального самосознания финно-угорских народов, особенно подрастающего поколения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Чавайн С.Г.* Ойпого. Йошкар-Ола, 1957.
2. Известия съезда мелких народностей Поволжья. Казань, 1917.
3. Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989.
4. *Юрченков В.А.* Масторава: основные тенденции развития // Этнографическое обозрение, 1994, № 1.
5. *Самуков К.* Марийцы: прошлое, настоящее и будущее. Йошкар-Ола, 1992.
6. Голос демократа. 1993, август.
7. Мордовия. 1995, 20 мая.
8. Мордовия. 1995, 13 апреля.

Xenophont Sanukov

NATIONAL MOVEMENTS AND ETHNIC SELF-CONSCIOUSNESS OF THE FINNO-UGRIC PEOPLES OF RUSSIA

In the historical contex the national movements of the Finno-Ugric peoples of Russia have a rather short and interrupted period of existance. Their development was determined by many factors and — first of all — by the level of ethnic self-consciousness.

On the new stage of their development the national movements will have to get out of political games and to concentrate their major attention on the consistent work for raising the national self-consciousness of the Finno-Ugric peoples, especially of the young people.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Мерья Сало
Хельсинки

ПРЕПОДАВАНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ФИННО - УГРИСТИКИ (ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ОТДАЛЕННО - РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ) В ФИНЛЯНДИИ*

Начало обучения финно-угристике в Хельсинкском университете

Первым профессором финского языка и литературы был назначен в 1851 г. известный исследователь уральских и алтайских языков Матиас Александр Кастрен (1813-1852). К этому времени его здоровье было уже подорвано: еще в начале 40-х гг. он заболел туберкулезом легких. Во время своих поездок он успел исследовать всего 13 языков, по многим из которых были собраны коллекции материалов исключительной ценности.

После смерти Кастрена удалось уговорить Элиаса Лённрота (1802-1884) участвовать в замещении вакансии профессора финского языка, в этой должности он и находился в течение последующих девяти лет. Составитель эпоса «Калевалы» в период своих путешествий по сбору рун ознакомился с диалектами финского языка, проводил исследования в Северной Карелии, среди вепсов и води. Саамский язык он исследовал совместно с Кастреном во время их путешествия в Инари в 1842 г.

Фенноман Август Альквист (1826-1889), профессор финского языка и литературы в 1863-1888 гг., относился довольно критически к Кастрену и считал Лённрота своим наставником. В молодости Альквист путешествовал с целью сбора рун и исследования языка в финляндской и российской Карелии, в деревнях ингерманландских финнов и води, а также в Эстонии. Отправляясь в 1856 г. исследо-

---

* Российским исследователям не всегда доступны сведения, связанные с изучением и преподаванием финно-угорских языков в Финляндии. Принимая во внимание данное обстоятельство, в предлагаемом сообщении делается попытка ознакомить читателей «Финно-угроведения» с краткой историей исследования и преподавания отдаленно-родственных языков в Финляндии.

вать финно-угорские языки, он, вероятно, ставил целью добыть сведения о таких народах и языках, которые не входили в программу Кастрена. Самое длительное время Альквист пребывал среди мордвы, ознакомился немного с марийцами и весной 1858 г. переехал на территорию обитания обских угров. Позднее, в 1877 и 1880 гг., он в Сибири пополнял свои исследования по хантам и манси.

Финно-угристика как отдельная дисциплина

Следующим профессором финского языка и литературы был избран лингвист и поэт Арвид Генец (1848-1915) в 1891 г. Эта должность была разделена на две в 1893 г., когда он пожелал стать первым профессором-исследователем финно-угорских языков Хельсинкского университета. На вторую должность профессора финского языка был назначен языковед и фольклорист Ээмиль Нестори Сетяля (1864-1935), который много путешествовал по местам обитания прибалтийско-финских народов. Выбор А.Генеца был естественным, поскольку он в течение более двадцати лет собирал фольклор в карельских деревнях, первым сделал записи в саамских диалектах Кольского полуострова, провел экспедиции для изучения восточно-марийского, восточно-пермского, удмуртского, эрзя-мордовского, ханты и манси языков. Следовательно, он ознакомился почти со всеми существующими финно-угорскими языками; подобных достижений не было ни у кого из других исследователей. По причине плохого здоровья А.Генец подал в отставку с профессорской должности в 1901 г.

Вторым профессором финно-угристики был избран в 1904 г. известный исследователь мордовского языка Хейкки Паасонен (1865-1919). Он исследовал мордовский язык в Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерниях в 1889-90 гг. Помимо мордовского, он позднее производил записи по татарскому, чувашскому, марийскому и хантыйскому языкам в 1898-1902 гг. Он собрал много лексического и грамматического материала, сделал записи фольклорных текстов о языческих верованиях мордвы. Х.Паасонен был невероятно работоспособен, и результаты его деятельности превышали достижения всех других исследователей, трудившихся в тот период среди родственных народов. К сожалению, тяготы экспедиций оставили отпечаток и на его здоровье, поэтому подготовкой к изданию его обширных коллекций занимались , главным образом, другие сотрудники кафедры.

Кустаа Фредрик Карьялайнен (1871-1919) был назначен доцентом финно-угорского языкознания в 1905 г. Он собирал в 1894, 1895, 1897 гг. материалы по карельским диалектам и фольклору в северной

части российской Карелии, в олонецкой Карелии и у карелов Тверской губернии. С целью сбора языкового и этнографического материала в 1898-1902 гг. он совершил экспедицию к хантам Тобольской и Томской губерний.

После Х.Паасонена на должность профессора финно-угорского языкознания в 1920 г. был назначен исследователь пермских и марийских языков Юрье Вихмани (1868-1932 гг.). До этого (с 1909 г.) он являлся внештатным профессором финно-угорского языкознания. Ю.Вихмани бывал в экспедициях среди удмуртов в 1891-1892 и 1894 гг., среди коми — в 1901-1902 гг., среди марийцев, в румынской Молдавии и в Венгрии — в 1905-1908 гг.. Он был одаренным педагогом, и его лекции были на редкость четкими. В отличие от других своих коллег-исследователей Ю.Вихманн успел издать большую часть своих материалов лично. Марийский словарный материал Ю.Вихманна является основой большого марийского словаря, который в настоящее время готовится к печати в Центре исследования отечественных языков Финляндии.

В тот же период читал лекции по родственным языкам другой ученый, Артури Каннисто (1874-1943), персонально назначенный сверхштатным профессором финно-угорского языкознания в 1927 г. Он был после А.Альквиста вторым финном, совершившим длительную экспедицию для сбора языкового и этнографического материала в Тобольскую и Пермскую губернии, а также в Северо-Западную Сибирь к манси в 1901-1906 гг. Собранный А.Каннисто материал был исключительно богатым. Им осуществлен сбор лексического материала на территории распространения 11 диалектов манси. Он привез с собой 150 фонограмм, свыше 200 фотографий и 650 этнографических предметов. Он исполнял обязанности профессора после Ю.Вихманна в 1931-1934 гг.

В 1934 г. профессором предмета был назначен Юрье Хенрик Тойвонен (1890-1956 гг.). Его экспедиционные поездки были малочисленны, однако он был усердным исследователем. Им подготовлены к изданию материалы словаря хантов К.Карьялайнена «Ostjakisches Wörterbuch I-II» (1948). Ю.Тойвонен специализировался на исторической фонетике и этимологии слов, которых он представил около 800. В качестве педагога он четко формулировал свои мысли и концентрировал внимание на сути вопроса. Членом Академии Финляндии он стал в 1948 г.

Пааво Равила (1902-1974) являлся профессором финно-угорского языкознания с 1949 по 1956 гг., после чего он получил звание члена Академии Финляндии. В исследовательской работе он сосредоточил свое внимание на прибалтийско-финских, саамском и мордовском

языках, а также на общих проблемах, касающихся всей уралистики. В 1929 г. ему удалось побывать у мордвы. После этого он избрал новым объектом своих исследований поморских саамов Петсамо (Печенги), о которых писал диссертацию. Он занимал многочисленные административные посты. В 1953-1956 гг. являлся ректором Хельсинкского университета, а затем и высшим администратором, канцлером (1963-1968 гг.). Литературный стиль П.Равилы был образцовым, он слыл блестящим оратором.

Преемником П.Равилы с 1950 г. стал талантливый лапполог Эркки Итконен (1913-1992). Полевые исследования среди саамов он проводил, начиная с 30-х годов. В 40-е гг. он делал записи среди говоряших на мордовском и марийском языках военнопленных. В 1957 г. ему удалось совершить экспедицию в Коми АССР. Программа лекций Э.Итконена была объемной, она включала курсы по истории языков саами, мордвы, мари и коми, историческую фонетику, морфологию и синтаксис финно-угорских языков. Его научные труды, включающие филологические, морфологические, лексические и синтаксические исследования, были довольно внушительны. Особой известностью пользуются его исследования по истории гласных. В 1963 г. он был назначен членом Академии Финляндии. Знания и понимание языка у Э.Итконена были глубокие и обширные. Его книга, изданная на основе цикла лекций Studia generalia под названием «Kieli ja sen tutkimus» («Язык и его исследование», 1966), является классической в своей области.

В 1963 г. было начато составление словаря единственного в Финляндии эндемического языка инарских саамов, который готовил академик Эркки Итконен совместно с доктором Райей Бартенс и лиценциатом Лэа Лайтинен (1946). Основную часть материала академик Э. Итконен собрал сам во время своих научных поездок, начиная с 1935 г., однако к этому были присоединены также материалы, собранные А.В.Коскимиес в 1886 г. и Франсом Эймя в 1900-1906 гг.. Основной труд академика Э.Итконена «Inarilappisches Wörterbuch» издан четырехтомником в 1986-1991 гг. Предполагалось, словарь окажется полезным при обучении родному языку и поднимет самосознание немногочисленного народа инарских саамов, насчитываюших около 400 человек.

О высоком уровне исследовательской деятельности свидетельствует наличие при кафедре финно-угристики нередко двух профессоров, штатного и внештатного, не обремененного административными заботами. На философском (ныне гуманитарном) факультете таких должностей насчитывается несколько. В 1973 г. Микко Корхонен (1936-1991) был назначен персональным профессором финно-

угорских исследований. Изучив личные формы глагола саамского языка, он защитил докторскую диссертацию. Им изданы также десятки других исследований о саамах и саамском языке. В 1981 г. вышло его прекрасное обзорное введение в историю лапландского языка «Johdatus lapin kielen historiaan». Вскоре общие проблемы финно-угристики заняли в трудах М.Корхонена главенствующее место. Объектом многих его исследований были фонология и морфология уральского языка-основы.

М.Корхонен известен также как науковед. В 1986 г. вышла его монография «Finno-Ugrian Language Studies in Finland 1828-1918 гг.» Все молодые финно-угроведы занимались подготовкой к печати старых материалов. На долю М.Корхонена выпала подготовка к изданию труда Юрье Вихманна «Wotjakischer Wortschatz», который вышел в свет в 1987 г. М.Корхонен был исключительно способным и инициативным организатором, руководившим в последние годы своей жизни Финно-угорским обществом. Он читал лекции по истории саамского языка, саамской диалектологии, уральской исторической фонетике, истории исследования финно-угристики и типологии языков. Его лекции пользовались успехом у слушателей: они были всегда хорошо подготовлены, живые. Его лекции приходили слушать даже профессора других кафедр. В августе 1990 г. начался его пятилетний период работы в качестве профессора-исследователя АН Финляндии. Однако его жизнь оборвалась преждевременно, и многие начинания ученого остались незавершенными.

После Аулиса И.Йоки штатным профессором финно-угорского языкознания была назначена в 1980 г. Райя Бартенс.. Ее академический путь начался в конце 50-х годов в качестве ассистентки академиков П.Равилы и Э. Итконена. В 1972 г. была издана ее диссертация о синтаксисе падежей поморских, инарских и шведских лапландцев района Лулео «Inarinlapin, merilapin ja luulajanlapin kaasussyntaksi». В 1978 г. она издала две монографии, что дало ей право на соискание профессуры. Одна из монографий продолжала линию лапплогии, содержание другой было направлено на объект ее будущих интересов, к отдаленно-родственным языкам: «Mordvan, tseremissien ja votjakin konjugaation infinïittisten myotojen syntaksi». От синтаксиса Р.Бартенс постепенно перешла к анализу текстов. В течение ряда лет она переводила тексты народных песен, стихи с языков ханты, манси, коми, мордвы и в последнее время удмуртов. Вряд ли кто-либо из профессоров финно-угристики смог бы предложить своим студентам столь широкий выбор курсов лекций, как это делает Р.Бартенс: несколько различных курсов по морфологии и синтак-

сису финно-угорских языков, лекции по саамскому языку района Инари, истории мордовского языка, анализу текстов, напластованиям лексики, литературе, аналогичные курсы лекций по языкам марийцев и коми, ханты и мансц.

С осени 1988 г. в штатное расписание кафедры финно-угристики входит лектор-визитер отдаленно-родственных языков, который ведет практические занятия по своему родному языку и некоторые спецкурсы. Таковыми являлись лингвист литературного эрзя-мордовского языка доцент Нина Адушкина в 1988-1990 гг., марийский языковед Валентин Васильев в 1990-1992 гг., удмуртский профессор-лингвист Валентин (Валей) Кельмаков в 1992-1994 гг., а с 1994 г. преподавательской деятельностью занимается лингвист из Республики Коми Евгений Цыпанов.

В области традиционной финно-угристики в последние годы наиболее ярко выделяется Улла Кулонен (*1960), защитившая в 1989 г. докторскую диссертацию на тему «The Passive in Ob-Ugrian». В 1990 г. она стала доцентом исследования финно-угорского языкознания. Несмотря на молодой возраст, У.Кулонен успела многое опубликовать: статьи по этимологии, синтаксису языков обских угров, о словопроизводстве финских глаголов, а также монографию по введению в венгерский язык «Johdatus unkarin kieleen» (1993). После скоропостижной смерти супруга, Микко Корхонена, У.Кулонен подготовила к изданию его незавершенную работу о зарождении языка «Kielen synty» (1993).

Последняя диссертация по лапплологии появилась в 1992 г., когда была издана работа Юхани Лехтиранта (*1954) «Arjeploginsaamen ääne-ja taivutusopin pääpiirteet». Связанный с данным исследованием общесаамский словарь «Yhteissaamelainen sanasto» был издан за три года до этого. Работавший ассистентом Э.Итконена Ю.Лехтиранта перешел позднее в сферу деятельности с ЭВМ.

Кандидат философии Мерья Сало готовит диссертацию о v-производных глаголах мордовского языка. Она получила основательную языковую подготовку во время ряда экспедиций в Мордовию, а также к эрзянской и мокшанской диаспоре. Ею собран материал по фольклористике. Пока остается открытым вопрос о финансировании эрзя-английского словаря американца по происхождению Джека Рютера (Jack Rueter), основой для которого послужил эрзя-финский словарный материал, находящийся в Туркуском университете.

В 1991-1993 гг. на кафедре велась работа по начатому профессором М.Корхоненом проекту «Структура и развитие уральских языков», в котором участвовали многие аспиранты кафедры. После смерти М.Корхонена ответственность за проект перешла к профессору Сеппо Сухонену. Задачей проекта явилось создание по ураль-

ским языкам корпусов для ЭВМ, закодированных морфологически и синтаксически. Кодирование производилось по части некоторых языков согласно инструкциям доктора Пиркко Суйхконен (*1940). Ее диссертация «Korpustutkimus kielityypologiassa sovellettuna udmurtiin» (Корпусное исследование в типологии языков применительно к удмуртскому) является основополагающим исследованием по данному вопросу. Ненецкий язык исследовал в рамках проекта лиценциат Тапани Салминен. За коми часть отвечала кандидат философских наук Паула Кокконен, которая подготовила многие труды в собрании Т.Уотила «Syrjänische Texte I-III» и является лучшим в мире знатоком коми из зарубежных специалистов. Доктор П.Суйхконен составила удмуртский корпус совместно со своими удмуртскими помощниками Бибинур Загуляевой и Галиной Трониной. Словарь, относящийся к корпусу, вскоре выйдет в свет. Корпус казымского диалекта северных хантов составила Мерья Сало. На последней стадии в проект был включен селькупский материал, за который отвечал обучавшийся в Упсале Ярмо Алатало. С начала 1995 г. на кафедре по отдельному проекту работает лиценциат Арья Алквист. Данный проект, субсидируемый Академией Финляндии, посвящен исследованию исчезающей финно-угорской топонимики Ярославской области.

Наука о самодийцах и Сибири

Тойво Вилхо Лехтисало (1887-1962) стал кандидатом философии в 1910 г. Ему посоветовали специализироваться по самодийским языкам, по которым после М.Кастрена не было собрано нового материала. В 1911 г. Т.Лехтисало отправился на средства фонда Финно-угорского общества в Сибирь изучать ненцев. В течение трехлетней экспедиции был собран ценный материал о живом первобытном языке и ненецкой культуре. В 1932 г. Т.Лехтисало был назначен доцентом самодийских языков и этнографии. В отличие от других исследователей он успел сам издать собранные материалы.

В тот же период восточносамодийские языки изучал Кай Доннер (1888-1935). Он провел в экспедициях по Сибири 1911-1914 гг. В 1924 г. К.Доннер был назначен доцентом уральского языкознания. По причине преждевременной кончины собранные им камасинские и селькупские материалы были изданы позднее другими исследователями.

Когда профессор Арттури Каннисто предложил кандидату философии Аулису И.Йоки (1913-1989) работу над самоедским наследием Кайа Доннера, А.Йоки немедленно приступил к подготовке для издания памятника далекого самоедского языка и в 1944 г. издал его под названием «Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachpro-

ben und Hauptzügen der Grammatik». Камасинский язык стал на многие годы центральным предметом его исследований. На должность профессора Хельсинкского университета по исследованию финно-угорских языков Аулис И.Йоки был назначен вскоре после перехода Эркки Итконена в 1965 г. в Академию Финляндии. Из профессуры он вышел на пенсию в 1977 г. В своих лекциях и исследовательских работах он часто обращался к близкой ему тематике соприкосновения самодийских и уральских языков с индоевропейскими и алтайскими языками. В 1973 г. вышел в свет его большой труд «Uralier und Indogermanen». В помощь обучению в университете А.Йоки составил весьма полезное и пользующееся успехом пособие «Maailman Kielet» («Языки мира»). Его третье исправленное и дополненное издание вышло в 1984 г.

Следующим видным исследователем самодийских языков, воспитанным финно-угорской кафедрой Хельсинкского университета и ставшим осенью 1994 г. профессором исследования Восточной Азии, является доцент Юха Янхунен (*1952), ученик Аулиса И.Йоки. До этого он был ассистентом при финно-угорской кафедре, младшим и старшим исследователем Акалемии и стипендиатом в Японии. Он начал свое исследование с ненецкого языка, по которому вышла его диссертация «Glottal Stop in Nenets» (1986). До этого была издана работа «Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien» (1977). О разносторонних научных интересах Ю.Янхунена свидетельствуют, между прочим, два экзамена на звание лиценциата: в области финно-угорских и в области алтайских языков. Доцентом исследования Северной Азии он был назначен в 1986 г.

Скоро предстоит очередная защита диссертации по самодийским языкам. Ученик Ю.Янхунена Тапани Салминен несколько лет изучал морфологию ненецкого языка и наряду с диссертацией он намерен издать объемный морфологический словарь ненецкого языка, при составлении которого в качестве экспертов он использовал коренных ненцев. Он неоднократно бывал в Сибири у ненцев в зоне тундры. Помимо финно-угристики, Т.Салминен интересуется классификацией языков мира. Он является специалистом по уральским языкам при ЮНЕСКО и подавал сведения о находящихся под угрозой исчезновения языках в компьютерную сеть этой организации.

Прибалтийско-финские языки в Хельсинкском университете

В 1929 г. внештатным профессором прибалтийско-финских языков был назначен Лаури Кеттунен. В 1938-1953 гг. он являлся штатным профессором эстонского и близкородственных языков. До этого в 1919-1925 гг. он был профессором прибалтийско-финских языков в

Тартуском университете. Л.Кеттунен всю свою жизнь путешествовал в научных целях: у так называемых лесных финнов в Вермланде (Швеция) он бывал семь раз, в деревнях ливов 11 раз, удмуртов он исследовал четырежды и вепсов — трижды. В 1945-1969 гг. преподавателем эстонского языка была эстонка Ээва Нийниваара (*1901), переехавшая в Хельсинки в связи с замужеством.

В 1953-1971 гг. вторым профессором прибалтийско-финских языков являлся Лаури Пости (1908-1988). В 30-е годы он бывал в экспедициях у удмуртов, вепсов, эстонцев и ливов. Помимо родственных финскому языку, он изучал латвийский и литовский языки, знание которых было редкостным в Финляндии. Звание академика ему было присвоено в 1975 г.. Л.Пости исследовал в особенности словообразование и спряжение финно-угорских глаголов, фонетическую структуру и этимологию финского языка-основы и современных языков.

Аймо Турунен (*1912) являлся профессором прибалтийско-финских языков в 1972-1976 г.. Замечательным синтезом исследования народного творчества явился его словарь «Калевалы» Kalevalan sanakirja, вышедший в 1949 г. к 100-летию издания новой «Калевалы». Этот труд может быть использован в качестве этимологического словаря,поскольку в нем прослеживается происхождение основной лексики «Калевалы». Он написал ряд исследований по финской диалектологии. Существенную долю деятельности А.Турунена составила практическая педагогическая работа. Его лекции были живыми и непосредственными, они включали рассказы об экспедициях и описаниях вепсских деревень.

Большой знаток карелов и карельского языка штатный профессор финского языка Пертти Виртаранта (*1918) десятилетиями читал обязательный курс по близкородственным финскому языкам всем студентам, изучающим финский и родственные ему языки. Начиная с военных лет, он вместе со своей женой Хельми во время многочисленных экспедиций записал невероятное количество образцов карельских и финских диалектов, на основе которых издал ряд сборников текстов. Он является главным редактором трех первых томов словаря карельского языка «Karjalan kielen sanakirja». Им проделана также большая работа по организации преподавания финского языка за границей. В 1992 г. ему было присвоено звание академика.

В 1978 г. следующим профессором предмета стал Сеппо Сухонен (*1938), являвшийся ассистентом Лаури Пости и Аймо Туруенена. Со временем он занял ведущее место в качестве исследователя близкородственных языков, у него множество ответственных почетных должностей международного характера. Начавший в качестве иссле-

дователя языка ливов, С.Сухонен в настоящее время специализируется в области контактов прибалтийско-финских языков с балтийскими и русским языками, а также в сфере этимологизации слов. Он издал в 1980 г. на основе собранного Л.Пости материала словарь водского диалекта «Vatjan kielen kukkosin murteen sanakirja». Его преподавательская деятельность и руководство работой диссертантов начинают приносить плоды.

Первой из студентов С.Сухонена защитилась Йоханна Лааксо (*1962) на основе изучения транслативного глагольного суффикса NE в прибалтийско-финских языках «Translatiivinen verbinjohdin NE itämerensuomalaisissa kielissä» (1990). Ассистент финно-угорских исследований Й.Лааксо замещала уже как профессора прибалтийско-финских языков, так и должность профессора финно-угорских языковых исследований. Она издала обратные словари ливского, водского языков и людиковского диалекта (совместно с Ярмо Эломаа), переводила художественные произведения с эстонского, венгерского и коми языков. В настоящее время Й.Лааксо изучает глаголы коми языка и лексику води.

Ассистент финского языка в Ювяскюля Петри Лауэрма (*1961) в 1993 г. представил диссертацию о гармонии гласных водского языка «Vatjan vokaalisoitu». Ожидается защита диссертаций лиценциатов философии Ярмо Эломаа и Эйно Копонена. Являющийся в настоящее время младшим исследователем Академии Финляндии Я.Эломаа длительное время изучал водский язык, а этимолог Центра исследования отечественных языков Э.Копонен исследовал южноэстонскую лексику. Оба имеют основательные познания в области лаппологии. Ассистент прибалтийско-финских языков Рихо Грюнталь (Riho Grunthal) изучает, в свою очередь, этнонимы прибалтийско-финских народов и волжские языковые контакты. Он владеет множеством языков, свободно говорит на основных индоевропейских, многих финно-угорских языках.

Финно-угорское языкознание в Туркуском университете

При Финском университете г.Турку должность профессора финского и родственных ему языков существует со времени основания университета в 1921 г., позднее эта должность была разделена на две. Первым занимал ее исследователь языков южных эстонцев, карельского языка и его людиковского диалекта Хейкки Оянсуу (1871-1923).

После Х.Оянсуу канцлер назначил на эту должность доктора Мартти Рапола (1891-1972).Центральное положение в педагогической деятельности М.Раполы занимали диалекты финского языка и,

в особенности, их историческая фонетика; он изучал также старофинский литературный язык. В 1928 г. доцентом финского языка был назначен Ниило Икола (1883-1972), который читал курс водского языка. Финские диалекты продолжали оставаться в центре внимания Н.Иколы, он читал лекции об историческом развитии финского и близкородственных ему языков.

С осени 1934 г. штатную должность профессора занимал доцент Пааво Равила. Поскольку П.Равила исследовал, прежде всего, саамский и другие отдаленно-родственные языки, тематика его лекций расширилась и в этой области. Из близкородственных языков П.Равила читал многократно об олонецком наречии карел, о вепсском и эстонском языках, из отдаленно-родственных языков — о лапландском, мордовском, марийском и венгерском языках. Помимо этого он читал лекции по языкознанию, синтаксису и фонетике.

При переезде из Турку П.Равила привез с собой обширную коллекцию по мордовскому языку профессора Хейкки Паасонена, хранившуюся в Финно-угорском обществе. Стипендиаты общества Хейкки Айкио и Кайно Хейккиля под руководством профессора приступили к подготовке материалов в печать. В результате их трудов в 1938-1947 гг. вышли собрания «Mordwinische Volksdichtung» части I-IV. Начальные курсы эстонского языка читались за этот период трижды: в 1936 г. магистр Пауль Аристэ, в 1938 г. — магистр Ало Раун, в 1949 г. — магистр Хелмер Винтер.

В начале 1951 г. профессором финского и родственных ему языков был назначен лектор финского языка университета Упсалы доктор Осмо Икола (* 1918). В период его деятельности центральное место отводилось фениистике, однако он читал также курсы о старых культурных терминах и заимствованиях, истории эстонского языка и о венгерском языке. Более полному преподаванию предмета и его разносторонности способствовало выделение в начале 1952 г. штата адъюнкта. Эту должность замещал Пааво Сиро (* 1909), который продолжал также работу над словарем диалектов марийского языка по линии финно-угорского общества. В качестве помощника он принял на эту работу в 1956 г. Алхо Алхониеми (* 1933). Исследование марийского языка в Турку получило подкрепление еще с иной стороны: в 1957 г. лектором финского языка была назначена Ээва Кангасмаа-Минн (* 1919), защитившая за два года до этого в США диссертацию по словообразованию в марийском языке. Ее диссертация «Studies in Cheremis 4: Derivation» была рассмотрена в университете Индианы. С 1953 г. удалось также организовать регулярное чтение лекций по эстонскому языку и литературе. Эти курсы начал читать магистр Хелмер Винтер.

Должность профессора финно-угорского языкознания была основана весной 1962 г. Область знаний кафедры — сравнительное финно-угорское языкознание, изучение отдаленно-родственных финскому языков, включая самодийские. В 1962-1963 учебном году и осенью 1963 г. за профессорский уровень обучения финно-угристике отвечал лектор-визитер Академии Финляндии профессор Пааво Равила.

В 1964 г. первым профессором предмета был назначен Матти Лиимола (1903-1974), который до этого десятилетиями числился стипендиатом Финно-угорского общества. В его обязанности входила подготовка к печати мансийского материала, собранного Артгури Каннисто: «Wogulische Volksdichtung» I - IV вышли в свет в 1951-1963 гг.. В 1968 г. М.Лиимола обеспечил продолжение работ по изданию материала А.Каннисто: с тех пор магистр Вуокко Эйрас составляла словарь мансийского языка, вначале как научный сотрудник Финно-угорского общества, а с 1976 г. — научный сотрудник Центра исследования отечественных языков. Как в научной работе, так и в педагогической деятельности центральное место у М.Лиимолы занимают угорские языки. Он вел курсы по истории языков манси и ханты, а также венгерского языка и читал лекции по исторической фонетике и морфологии финно-угорских языков.

Первая диссертация в Турку была рассмотрена в 1966 г., когда Ээва Кангасмаа-Минн первой из женщин, защитилась по финно-угристике (исследование «The Syntactical Distribution of the Cheremis Genitive I», через три года вышла II часть ее работы). В 1980 г. Э.Кангасмаа-Минн получила персональное назначение на должность внештатного профессора финно-угристики и общего языкознания. Несмотря на то, что она вела свою основную педагогическую деятельность в области финского языка, центром ее исследовательской работы была финно-угристика. Э.Кангасмаа-Минн была в числе первых лиц, сознательно применявших методы американского структурализма в исследованиях финно-угорских языков. Она имела представление о генеративном образе мышления еще до того, как он стал известен в Финляндии. Э.Кангасмаа-Минн исследовала двойное дополнение, именное предложение, отрицание и соотносительность во времени в марийском языке. Как исследователь словообразования уральских языков, она прокладывала новые пути.

Работа по подготовке неопубликованных текстов и марийского языкового материала к печати была возобновлена языковедами осенью 1976 г., в частности профессором Ахо Ахкониеми и студенткой Сирккой Сааринен (* 1954). В 1983-1994 гг. подготовленный ими труд «Timofei Jevsevjevs Folklore - Sammlungen aus dem Tscheremis-

sischen» вышел в четырех частях. С.Сааринен в 1991 г. защитила диссертацию на тему «Грамматика марийской загадки» (Marilaisen arvoituksen kielioppi) и получила назначение на должность доцента. Она также продвинулась по службе от полустипендиатки Финно-угорского общества до исследователя-специалиста Центра исследования отечественных языков, составителя словаря марийских диалектов. С.Сааринен всегда привлекала наряду с языкознанием и фольклористика, о чем свидетельствует, помимо ее диссертации, вторая ее монография «Suomalais — ugrilaisten kansojen folklore» (Фольклор финно-угорских народов, 1990). Кроме изучения марийского и мордовских языков, в последние годы С.Сааринен занималась удмуртским языком, вместе с лектором-визитером Валентином Кельмаковым в 1994 г. они издали сборник текстов «Udmurtin murteet» (Удмуртские диалекты).

В 1974-1978 гг. за счет стипендий произведена перфорация для машинной обработки семи диалектных словарей марийского языка. На средства гуманитарной комиссии Академии Финляндии в 1974 г. была начата работа по шестилетнему проекту исследования морфологии и синтаксиса мордовского языка с помощью ЭВМ; в этом проекте MORMULA использовались методы машинной обработки, разработанные в Синтаксическом архиве по обработке финских диалектов. Предметом анализа были как изданные Финно-угорским обществом старые транслитерированные тексты, так и издания, напечатанные кириллицей в Мордовии. В результате этой работы в распоряжении исследователей оказалось около 240 000 лексем (около 1500 стр.) морфологически закодированного материала, из которого с помощью компьютера можно быстро извлечь все желаемые формы склонений и спряжений в их связях внутри предложений. Материал отчасти снабжен переводом.

В начале 1993 г. по инициативе профессора А.Алхониеми основано исследовательское объединение по изучению волжских языков, в котором на полной ставке работает исследователь кандидат философии Арто Мойсио. Наряду с исследовательской деятельностью целью объединения ставится составление словарей для нужд народов, родственных по языку. Объединение по волжским языкам функционирует совместно с мордовскими и марийскими исследователями. Еще до своего официального признания объединение успело издать марийско-финский словарь («Marilais-suomalainen sanakirja», 1992). Словарь составлен в сотрудничестве с марийскими учеными (А.Мойсио, В.Васильев, И.Галкин) и издан в Йошкар-Оле. Он пользовался большим спросом у марийской интеллигенции. Летом 1995 г. вышел в свет эрзя-финский словарь, который составили Яана Низми

и профессор Михаил Мосин из Саранска. Ведется также работа над мокша-финским словарем (Ээва Херрала и профессор Александр Феоктистов из Москвы и Саранска). А.Мойсио, И.Галкин и В.Васильев в 1995 г. выпустили финско-марийский словарь (около 23000 слов).

Третья диссертация была представлена в 1983 г. работавшей долгое время ассистентом Кайсой Хяккинен* (* 1950), которая успешно защитила исследование об этимологических основах финского языка («Suomen kielen vanhimmasta ja sen tutkimuksesta»). В работе предлагалось в качестве более приемлемого способа доказательства родства языков изображение их исторического родства в виде куста вместо ранее принятого генеалогического дерева.

В 1980-е годы профессор Алхо Алхониеми активно продолжал свои исследования в области синтаксиса, не оставляя в стороне и иные темы. Его обширные знания марийского языка видны в трудах «Marin Kielioppi» (Грамматика марийского языка, 1985) и «Marin Kielin Lukemiste» (Хрестоматия марийского языка, 1986). После завершения работы по проекту MORMULA А.Алхониеми приступает к исследованию мордовского языка. Как он многократно отмечал, мордовский язык по своей структуре и средствам выражения стоит ближе к прибалтийско-финским языкам. Он исследовал ограничения именного сказуемого или так называемого предикативного спряжения мордовского языка, синтаксис местных падежей, особенно вхождения и исходного. Им написан ряд статей о склонении определения и обозначении падежа прямого дополнения в мордовском языке. Наряду с волжскими языками А.Алхониеми постоянно интересуется также системой местных падежей финского языка.

В 1981 г. Алхо Алхониеми удалось первому из западных лингвистов попасть в Марийскую АССР, куда он вернулся для продолжения исследования в 1983 г. Осенью 1990 г. он вместе со своими студентами отправился в Мордовию, в 1992 г. — в Марий Эл. В обеих республиках имелась возможность проводить исследования на месте и, таким образом, получить непосредственный контакт с носителями исследуемых языков.

---

* *От ред.*: Автор не упоминает докторскую диссертацию А.Алхониеми «Über die Funktionen der Wohinkasus in Tscheremissischen» (О функциях направительного падежа в марийском языке, 1967).

От исследовательской организации «Финский род» до Центра исследования отечественных языков

В период работы профессора Матти Раполы в университете Турку был основан исследовательский архив «Финский род». Инициатором его создания был Эмиль Нестори Сетяля, занимавший в тот период пост канцлера университета. Он вынашивал эту идею начиная с 1890-х годов. Свою деятельность архив начал в мае 1930 г. Ближайшей его задачей было составление финского этимологического словаря. Материал для его создания собирался по заданию Э.Сетяля с 1913 г. В год основания штат служащих архива вырос до шести человек. Главный редактор словаря Эркки Итконен приступил к этой работе будучи студентом в качестве ассистента осенью 1934 г.

После смерти Э.Н.Сетяля в 1935 г. руководителем архива «Финский род» стал Ю.Х.Тойвонен. Коллекции материалов архива были перевезены из Ярвенпяя в здание Финского литературного общества в Хельсинки. Государство выкупило библиотеку и коллекции Э.Сетяля и подарило архиву «Финский род». В 1956 г. в Хельсинкском университете была основана финно-угорская кафедра, при которой архив функционировал до 1976 г., когда его соединили с созданным Центром исследования отечественных языков, находящимся в прямом подчинении Министерства просвещения. Важнейший результат работы архива «Финский род» — семитомный этимологический словарь финского языка «Suomen Kielen etymologinen sanakirja», последний том которого вышел в свет в 1981 г.

В 1980-е гг. «Финский род» был преобразован в отдел родственных языков, руководителем которого был назначен специалист по мордовскому языку лиценциат Мартти Кахла, кстати, он подготовил и издал в 1977-1981 гг. последние V-VIII части «Mordwinische Volksdichtung» (Собрания мордовского фольклора). Начинания Хейкки Паасонена по составлению большого диалектного словаря мордовского языка поддержал и продолжил М.Кахла, под руководством и при прямом участии которого изданы три части словаря, охватывающие буквы A-R, последняя часть («H.Paasonens Mordwinisches Wörterbuch») подготовлена к печати. Рукопись словаря досталась от Кайно Хейккиля в хорошо подготовленном виде, в работе принимали участие профессор Ханс-Херманн Бартенс из Геттингена и носители языков кандидат филологических наук Григорий Ермушкин из Москвы и профессор Александр Феоктистов из Москвы и Саранска.

Совместная деятельность кафедры финно-угроведения и редакционной коллегии этимологического словаря плодотворно длилась до конца 80-х годов. Отделения Центра исследования отечественных языков были в то время расположены по разным адресам и появилась потребность поместить их под одной крышей, что было осуществлено в 1988 г. До этого Финно-угорское общество подарило Центру исследования свою богатую библиотеку.

Завершив выпуск этимологического словаря, его редакторы приступили к составлению статей для исправленного и дополненного издания. Новые этимологии слов предлагаются постоянно. Первая часть словаря, вышедшая в 1955 г., уже содержала значительное количество устаревших сведений; с другой стороны, в словаре отсутствовало много слов, и статьи были сжатыми. Выработаны другие принципы редактирования с целью превратить новый вариант в более доступный для рядового читателя. Первый том издания под названием «Suomen sanojen alkuperä», включающий буквы А-К, вышел в 1992 г. Его главными редакторами являются академик Эркки Итконен и доцент Улла-Майя Кулонен. Статьи составляли также профессор Аулис И.Йоки и магистр Рейно Пелтола.

Саамский язык

Возможность обучения саамскому языку имеется также при университете г.Оулу в рамках дисциплины «Саамский язык и культура саамов» при кафедре финского и саамского языков. Профессор предмета — прекрасный лапполог Пекка Саммаллахти (*1947), который с 1977 г. является также доцентом финно-угорских исследований в Хельсинкском университете.

Венгерский язык в Хельсинкском университете

Обучение венгерскому языку началось в Финляндии с назначением Августа Алквиста профессором финского языка и литературы Хельсинкского университета в 1863 г. В 1869 г. доцентом финского и венгерского языков был назначен Оскар Бломстет (1833-1871). В 1881 г. внештатным лектором венгерского языка стал Антти Ялава. В этой должности он служил до 1909 г., т.е. до конца своей жизни. Вслед за А.Ялава венгерский язык преподавал профессор исследования финно-угорских языков Юрье Вихмани, читавший также лекции по литературе.

Штатная должность лектора венгерского языка в Хельсинкском университете была выделена лишь в 1925 г. Первым лектором стал доктор Дюла Вереш, который занимал эту должность до 1942 г. По мере того, как лекторат стал получать из Венгрии книжные дары,

появилась необходимость в открытии кафедры венгерского языка (иначе библиотека не могла бы функционировать самостоятельно). Кафедра венгерского языка, основанная в 1928 г., является, таким образом, одной из старейших гуманитарных кафедр Хельсинкского университета.

Летом 1959 г. между Финляндией и Венгрией был подписан новый договор о культурном сотрудничестве, что знаменовало начало нового периода также в истории кафедры венгерского языка. На основании включенного в договор пункта об обмене лекторами, той же осенью в Хельсинкском университете приступил к работе новый лектор венгерского языка доктор Эдэн Лавотан. Одновременно начался и обмен стипендиатами. Позднее лекторами были Иштван Ниркош, специалист по общей уралистике Ласло Сабо, исследователь мордовского языка Ласло Керестеш, самоедолог Тамаш Марк, доктор Валерия Ревай, исследователь языков обских угров Марта Чепреги, Каталин Марк и в настоящее время с 1994 г. — Йожеф Мате. Преемственность обучения обеспечивала длительное время преподаватель-почасовик Эва Геревич-Коптеф, специалист в области литературы, истории культуры и искусства.

Следующим значительным событием в истории кафедры венгерского языка явилось учреждение должности помощника профессора в 1983 г. Это позволило с осени 1985 г. изучать венгерский язык и литературу в виде самостоятельной дисциплины, а не как дополнительные предметы. В качестве основной дисциплины венгерскую филологию студенты могли избрать с 1990 г. Все профессора этой дисциплины являлись исследователями литературы: Иштван Сатмари, Андраш Гэрэмбеи и Ласло Имре. С 1989 г. доцентом венгерской литературы работает критик и переводчик Ханну Лаунонен (* 1911).

Под серией Castrenianumin Toimitteita, именуемой Folia Hungarica, в 1981-1994 гг. вышли семь выпусков, в том числе изданы монографии профессоров Иштвана Сатмари «Fejezetek a magyar költöi stilus történetéből» (1990) и Андраша Гэрэмбеи «A magyar irodalom rövid története» (1992).

Разнообразие в содержание преподавания вносят спецкурсы, проводимые специалистами: осенью 1994 г., например, предлагался курс Шандора Чуча по вопросам синтаксиса венгерского языка. Между университетами Хельсинки и Будапешта существуют довольно интенсивные контакты: обмен студентами, лекторами-визитерами и учебными экскурсиями.

Венгерский язык в университете г.Турку

Преподавание венгерского языка в г.Турку началось в период работы профессора Мартти Раполы. Доктор Арни Пентгиля (1889-1971) читал в 1923-1932 гг. лекции по венгерскому языку в качестве преподавателя-почасовика. Затем профессора Пааво Равила и Осмо Икола читали курс лекций по венгерскому языку в период занимаемой ими должности.

Лекторат венгерского языка при университете г.Турку был основан в 1960 г. Первым лекторскую должность занимал до 1966 г. доктор теологии Рудольф Молнар. Впоследствии лекторами являлись исследователи языка: в 1966-1970 гг. — исследователь истории венгерского языка Ласло Якаб из Дебрецена, в 1970-1976 гг. — исследователь удмуртского языка Шандор Чуч из Будапешта, в 1976-1981 гг. — Петер Симончич из Будапешта, в 1981-1987 гг. — науковед Гизелла Лабади из Сегеда, в 1987-1991 гг. — доктор Магдолна Ковач из Будапешта и с 1991 г. — специалист по волжским языкам Юдит Варга из Будапешта.

Студентам предлагаются в летнее время языковые курсы в Дебрецене и стипендии на более длительный срок в Будапештский университет.

Новые политематические научные предметы.

Исследование саамов

С осени 1993 г. в Хельсинкском университете появилась возможность заниматься на курсах продолжительностью в 5, 10 или 20 учебных недель по изучению саамов (Saamentutkinus). Инициатором этого была энергичный лектор саамского языка финно-угорской кафедры Ирья Сеуруярви-Кари. Курсы дают общее представление об истории саамов, их современном положении, языке, культуре, религии, общественном строе и среде их обитания. Содержание курса может быть свободно составлено в соответствии с потребностями и интересами студентов; экзамены можно сдавать на финском, шведском, английском и саамском языках. Целью занятий является приобретение знаний для разнообразной деятельности, связанной с Лапландией и районами калотта. Налаживаются также более широкие международные связи: саамы в качестве единственных аборигенов скандинавских стран принимают активное участие в работе Всемирного совета аборигенов (WCIP). Сама Ирья Сеуруярви-Кари как представительница аборигенов бывала официальным представителем на всех континентах земного шара и даже выступала с речью в ООН. Курс лекций организован финно-угорской, теологической и археоло-

гической кафедрами. С полевыми условиями знакомились на биологической станции Килписъярви. Для чтения кратких периодических курсов по культуре и языку саами приглашаются специалисты из Лапландии и скандинавских стран. Имеется опыт дистанционного чтения лекций с использованием средств телекоммуникации.

В 1994-1995 учебном году предлагался курс исследователя литературы Вуокко Хирвонен по текстам саамских рун и литературы, курс профессора Юха Пентикяйнена о северных культурах и шаманизме, курс исследователя Мартти Линколы «От северного оленя к мотосаням» (материальная культура саамов), лектор саамского языка университета Умео доктор Микаэл Свонн читал курс о языковых контактах и двуязычии, курс археолога Кристиана Карпелана касался истории саамской материальной культуры и курс двух профессоров-юристов Ларса Д.Эриксона и Мартина Шейнина был посвящен правам национальных меньшинств и аборигенов. Настоящей пробой сил стал проведенный в марте 1995 г. англоязычный семинар, посвященный правам аборигенов. Помимо докладчиков от саамов и других уральских народов, на семинаре присутствовали представители и других аборигенов, включая Аргентину и Австралию. Семинар был уже вторым, первый был проведен почти всецело отечественными силами в феврале 1993 г. Прочитанные на семинаре тексты лекций с добавлением двух статей были изданы в 1994 г. под названием «Johdatus saamentutkimukseen» (Введение в исследование саамов).

Проект Хунгарология

Осенью 1990 г. при университете Ювяскюля был создан перечень политематических научных предметов по хунгарологии. В его составлении и претворении в жизнь участвовало шесть кафедр: финского языка, истории искусства, музыковедения, этнологии и литературы (последняя является ответственной). Вначале предмет соответствовал краткому курсу, однако следующей осенью он расширился до среднего уровня и в настоящее время планируется курс высшего уровня в области двух предметов: венгерского языкознания и венгерской литературы. Хунгарология при университете Ювяскюля, в отличие от других университетов, не включает в себя финно-угристику и даже сам не связан прочно с нею, в ней не претворяется традиционное филологическое мышление о четком значении языка и литературы для обучения. Хунгарология понимается там как широкое исследование всего того, что присуще венграм, и обучение этому, включая географию, народные танцы и даже венгерскую кухню. Таким образом, в Ювяскюля не готовят хунгарологов, а занима-

ются подготовкой специалистов различных областей хунгарологии. При этом естественным компаньоном по совместной работе являются также другие университеты за пределами Венгрии, изучающие и преподающие присущую венграм самобытность.

Merya Salo

TEACHING AND RESEARCH IN THE FINNO-UGRISTICA (IN PARTICULAR – OF THE DISTANTLY COGNATE LANGUAGES) IN FINLAND

The researchers from Russia can't always get access to the materials connected with research and teaching of the Finno-Ugric languages in Finland. Taking this fact into account, we try to acquaint the readers of "Finno-ugrovedeniye" (study of the Finno-Ugric peoples) with the brief history of researches and teaching of the distantly cognate languages in Finland.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Светлана Червонная
Москва

ВЫРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ МАРИЙСКОГО НАРОДА В СОВРЕМЕННОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

К эпохе стагнации 1970-х годов восходит формирование того направления в искусстве многих народов бывшего Советского Союза, прежде всего Российской Федерации, которое мы условно можем назвать неоромантическим. Оно отличалось от классического романтизма, через который прошло русское искусство и искусство многих нерусских народов империи прошлого века, ибо формировалось как своеобразная проекция творческой фантазии (мечты, игры воображения художника) на реальный мир, при которой всегда сохранялось ощущение дистанции между вымыслом (золотым царством снов, отвлеченным идеалом, сказочной декорацией, которую не следовало воспринимать всерьез) и действительностью, не столько преображенной в романтическом духе, сколько отстраненной от того воздушного пространства, в котором возводились чисто фантастические конструкции неких идеальных царств, сотканные из лунного света причудливого творческого воображения.

Это искусство не порывало с официальным направлением «социалистического реализма», внешне даже не противоречило ему, оно формировалось в его недрах, сохраняя принцип имитации жизненного правдолюбия. Визуальные концепции романтиков не выходили за пределы того, что называлось «реалистической школой», впрочем, в 1970-х годах толкуемой уже достаточно расширительно и либерально, с допуском разного рода стилизаций (чаще всего разыгрывались вариации художественного лубка, народного «примитива») и условностей. Однако при внешней «реалистичности», привязанности к «подлинному» жизненному эпизоду, бытовому или историческому мотиву, конкретному пейзажу (образу «родной природы»), это искусство не соприкасалось с реальностью. Оно функционировало в ирреальной среде, оно жило в потоках фантазии, в мечте о будущем, в ностальгии об утраченном прошлом, в стремлении к недостижи-

мому идеалу и предлагало современникам и соотечественникам этнически окрашенные мифологемы, противопоставляемые духовному и социальному убожеству эпохи застоя.

Это противопоставление не было заявлено прямо, не было озвучено в каких-либо творческих манифестах, порою даже не было осознано самими художниками, которые и самих себя — вместе со зрителями — ставили под прессинг гипноза. И те, кто воспринимал это искусство со стороны, и те, кто создавал его, и те, кто снисходительно принимал и показывал подобные вещи на официальных республиканских, зональных, российских и всесоюзных выставках, и те, кто формировал вокруг него общественное мнение через средства массовой информации, должны были этому искусству как бы поверить, не ставя под сомнение, что так может быть на самом деле, и одновременно понимая, что так на самом деле не может быть никогда. Это было нечто вроде веры в собственные сны, абсолютной до тех пор, пока человек не проснулся и не осознал, что все виденное — только сон. И соответствовало это искусство именно тому состоянию этнического самосознания, которое формировалось в условиях общего летаргического сна нации и первого, робкого, подсознательного предчувствия скорого пробуждения.

Это искусство было нацелено на утверждение идеалов добра, благородства, красоты, совершенства и мирозданья, и природы, и человека, на идеализацию национальной истории и современности. В условиях нарастающей экологической опасности оно воспевало природу родного края (в марийской живописи и графике формировался, можно сказать, культ марийских лесов, березовых рощ, чистейших источников, волжских просторов и далей, цветущих лугов многотравного великолепия). На фоне обнищания колхозной деревни, падения нравственных устоев жизни, повального пьянства, социальной коррозии оно создавало — в голубых и розовых тонах какого-то детского праздника — чудесные картины дружных сенокосов, жатв, сплошных хороводов народного труда и гулянья, но это была не настойчивая ложь «коммунистической агитации и пропаганды», а нечто ирреальное, призрачное, по-своему очень искреннее, порою даже неуловимо-печальное, неуловимо-ироничное, бесконечно далекое от грубой действительности, иногда (при исполнении в лубочной манере) как бы не совсем серьезное, словно пьеса-сказка кукольного театра.

Здесь надо вспомнить целый ряд картин Николая Токтаулова, который вошел в марийское искусство 1970-х годов своими живописными лубками-сказками о марийской деревне. Среди них — «В деревне», «Сестры», «Север» (1972), «Лето» (1974), «Сенокос» (1975),

«Время свадеб» (1976-1977). Программные установки творчества Токтаулова, последовательно претворяемые в жизнь на протяжении последующих двадцати лет, раскрылись уже в дипломной работе молодого художника — первого из луговых марийцев выпускника столичного (Москва) Суриковского института. Это задуманная как эскиз стенной росписи композиция «Лето» (1975). Она нарядна, декоративна, сказочна. Высокая, яркая, удивительно плотная и тугая радуга над золотисто-зеленой землей вырастает, словно арка распахнутых ворот, приглашая зрителя войти в мир добрых чудес и легенд, которые при желании можно принять за реальные картины сельской жизни. Все эти маленькие живописные новеллы составляют сложный плюралистический ряд внешне не связанных друг с другом эпизодов, сплетенных, как венок разноцветных полевых цветов. Здесь и танцы на лужайке, и лирическая сцена у колодца, и купание в озере загорелых ребятишек, и паренек с удочкой, и девочка на качелях, и множество других изящных миниатюр, которые можно перебирать по одной, как бусинки яркой и длинной цепи полубылей-полусказок. В реальность этих персонажей необязательно верить, хотя и сомнению она вроде бы не подвергается. Главная реальность этой живописи — та сельская идиллия, которая, может быть, никак не укладывалась в параметры действительной колхозно-совхозной трудовой жизни в Марийской АССР, но глубоко и тонко соответствовала затаенным чаяниям, надеждам, неутраченным комплексам народной памяти и социальной мифологии, пока еще смутным символам национального возрождения, этническим представлениям: мы — такие (такими были, такими можем, хотим быть). Самую активную роль в витализации такого рода идиллий играли этнографические изображения костюмов, предметов старинного обихода, традиционных музыкальных инструментов и вариации лирического пейзажа (прекрасная, нежная, согретая теплым солнцем) родной земли.

Уязвимая сторона такой живописи, явно обозначившаяся к концу 1980-х годов, заключалась не только в ее отказе от жизненной правды во имя хрупкой мечты или смутной ностальгии о недостижимо прекрасных далях покоя и счастья (которого на самом деле был лишен марийский народ), но и в опасной близости к тому явлению поздней «социалистической культуры», которое мы могли бы условно обозначить как салонное искусство. Малейшая утрата чувства меры, вкуса превращала идиллическую картину в слащавую пастораль, апеллирующую к мещанской сентиментальности. Именно на этом пути и обрывается творческое начало в живописи Н.Токтаулова, чьи поздние работы, исполненные в оливково-золотистой тональности («Вечерний звон», 1989, и другие) не столь-

ко открывают, сколько тиражируют тему «марийских красот», превращая их в расхожий и дешевый штамп «провинциального очарования».

Надо подчеркнуть, однако, что романтическое, или идиллическое направление в марийском искусстве имело особо длительную протяженность в развитии, может быть, особенно благодатную почву в самой ментальности марийского народа, а также в геополитическом положении марийской культуры, определенная оторванность, изолированность которой от магистральных путей развития агитационно-тематической живописи промышленно-транспортной зоны «Большая Волга» обернулась для нее неожиданно ценными завоеваниями. Здесь создалось поле относительной творческой свободы. Здесь ничто не мешало эмоциональной открытости, лирической проникновенности почти независимого от официальных установок искусства, которое совершило свой беспримерный «уход в леса». Удивительные «охотничьи» сюжеты и анималистические мотивы живописи Сергея Подмарева претворились в панораму сложного, таинственного, прекрасного мироздания, пронизанного пульсирующим светом духовности. Его картины «Крик в ночи», «Бег красной цапли», «Вечный зов. В лунную ночь», главными персонажами которых стали дикие обитатели — звери и птицы марийских лесов — оказались возможными, как совершенно необычное для российской живописи 1970 — 80-х годов явление, в исключительных условиях Марий Эл, где художник был ближе к природе, чем к власти, где народ не утратил языческого восприятия одушевленной, обожествленной природы, мифологизированной фауны.

Картина-сказка об обитателях марийского леса занимает значительное место в творчестве горномарийского художника Зосима Лаврентьева, хотя его творчество, сформировавшееся еще в 1960-х годах, может быть, более подвержено общероссийским художественным штампам (жанровой, портретной живописи), чем более самостоятельное и самобытное искусство марийских художников более молодых поколений.

Ярко заявил о себе с конца 1970-х годов молодой горномарийский художник Измаил Ефимов. Его ранние живописные полотна и эскизы монументальных росписей — из горномарийского крестьянского быта и провинциальной жизни Козьмодемьянска («Ночь в Березово», «Праздник в горномарийской деревне» и многие другие) обрели неповторимое очарование сельской идиллии, проникнутой тональностью розовато-сиреневых туманных рассветов или серебристым блеском звездных ночей.

В мире эстетических ценностей, созданных в живописи Ефимова 1970-х — первой половины 1980-х годов, образы современной («колхозной») действительности, крестьянской жизни, воспринимаемой по непосредственным наблюдениям или воспоминаниям художника о своем детстве, и картины далекого прошлого, мотивы исторического жанра, явления фантастического вымысла и бытовой реальности существовали как некие идеалы, как устойчивые мифологемы, достаточно отвлеченные и далекие от какой бы то ни было жизненной правды вчерашнего или сегодняшнего дня. Выразительны в этом плане «Праздник цветов и песни» (1977), «Провожают на фронт» (1979), «День прошедший» (1983), «Дедушкин очаг» (1984), «Новый дом соседу» (1985). Это был своего рода нравственный императив, опрокинутый в прошлое или обращенный к современному национальному сознанию, выражение в искусстве своеобразной идеальной утопии: «так могло бы быть, так должно бы быть, такими — светлыми и добрыми — мы, марийцы, можем быть, будем, были...». С реальной действительностью это, пожалуй, не имело ничего общего, хотя такого рода разрыв почти никак не осознавался, во всяком случае не декларировался ни самим художником, ни критикой.

И.Ефимов. В день праздника. 1979 г.

Первые признаки выражения в искусстве иной грани национального самосознания, иной тональности личного (а за этим личным и общенародного) восприятия окружающего мира и социальной действительности обнаружились в творчестве Измаила Ефимова уже тогда, когда он писал картину «Смерть большого дерева» (1982-1984), но это был еще робкий, нерешительно выраженный протест против насилия над родной природой, еще смутное ощущение неблагополучия, в котором находится Марийская земля.

Последовательным выражением нового мировосприятия, нового типа и нового уровня национального самосознания, нового, критического подхода к действительности, адекватного тому отчаянию, что звучало в первых заявлениях формировавшегося в те годы массового движения «Марий ушем», стала картина Измаила Ефимова «Шествие» (1991), впервые показанная на зональной выставке «Большая Волга» в Казани и определившая перелом всей прежней художественной ментальности.

Вспомним это печальное «шествие»: зловещие фигуры безликих организаторов всенародного крестного хода — блюстителей порядка с красными нарукавными повязками; фосфоресцирующие бледные тени нищих и калек, заставляющие вспомнить легенды о слепом, который ведет за собой слепого, и классические темы слепцов над бездной в мировой живописи; весь горестный облик обгорелой, обугленной земли с искалеченными остовами деревьев и крутыми извивами-рытвинами единственной проложенной колеи, по которой полагается идти народу «к светлому будущему». Искусство создавало ощущение причастности (и художника, и зрителя) к ужасной и мучительной народной доле, вызывало протест против насилия, безнаказанно вершимого над родной землей.

Надо признать, что уже вполне сложившаяся к тому времени мягкая, лиричная манера живописи Ефимова никак не соответствовала жесткому замыслу этой картины. Ни острый социальный гротеск в типаже соотечественников, ни мрачный «антимир» пейзажной стихии не давались живописцу, чья тонкая кисть была более привычна к бытоописанию светлых праздников горномарийской деревни, к нежным колерам розовых рассветов над Волгой или зеленовато-серебристому мерцанию звездных ночей. Но, видимо, так велико было отчаяние от сознания бессилия и покорности «шествующего» в неизвестность народа, незащищенности вползающей в экологическую катастрофу, теряющей свои живые краски природы, что даже художник мирного, лирического склада становился мятежником, духобором, идеологом поднимающегося и ширящегося «народного фронта», национального движения.

Искусство на этой стадии подъема марийского национального самосознания в высшей степени политизировалось, обращалось к острым политическим темам, будоражило и беспокоило общественное мнение своими сигналами бедствия, драматическими интонациями, трагическими мотивами.

Характерна в этом отношении эволюция живописи Зосима Лаврентьева — мастера с установившимися представлениями о «советской» истории и действительности, никогда не подвергаемой им сомнению в «правильности», художника, от которого никто не ждал каких-либо выпадов и протестов. Тем не менее мучительная трещина сомнений прошла и через его творческий мир. В 1991 году он создал «Портрет А.В.Григорьева», представляющий собой совершенно новое прочтение жизни национального героя (художника-коммуниста, борца за «социалистический реализм», революционера конца 1910-х и советско-партийного деятеля 1920-х годов), который выглядит здесь не традиционным «борцом», но мучеником за веру, как бы причисленным к лику святых христианского мира.

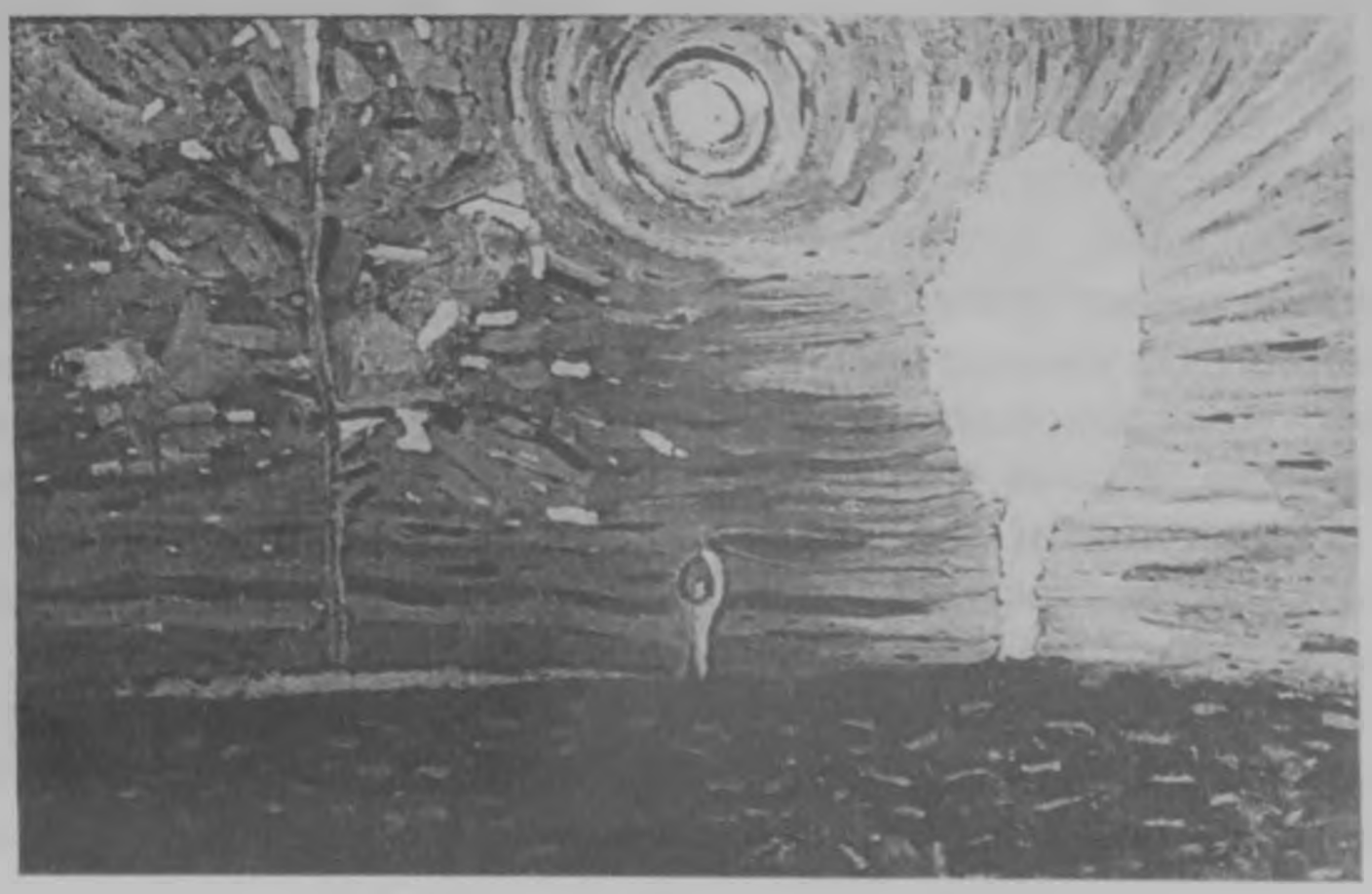
Обращаясь к традициям средневековой живописи, стилизуя современную картину под парсуну и под чинный образ церковного иконостаса, живописец в характере своего героя, в его жизни акцентирует возвышенное и трагедийное начало, некую просветленную духовность и обреченность, жертвенность. Этому способствуют и золотой фон, и готический излом вытянутой, почти бестелесно-хрупкой фигуры, и печаль бледного лица, и вся ритмика окружающих фигуру «клейм» со сценками из многострадального жития художника-каторжника. Две стороны марийского национального самосознания, отчетливо проявившиеся к началу 1990-х годов, определили мировоззренческую концепцию этой живописи: негативное отношение к «этапам большого пути» советской истории, воспринимаемой как единое болевое поле ГУЛАГа, и пробуждающаяся религиозность, вполне адекватная и христианской морали, и христианской философии, и типу православной культуры.

Известно, однако, что в марийском национальном пробуждении и самосознании обращение к вере было не только и не столько оживлением христианской религиозности, сколько возрождением древних языческих культов, «чистой веры» предков («ошмарий-чимарий»). Марийцев не без основания называют сегодня «последним языческим народом Европы» (См.: Сергей Филатов, Александр Шипков. Сотая епархия. Последний языческий народ Европы // Независимая газета, 1994, 17 марта. С. 5.). В «священных рощах», защищаемых сегодня марийским республиканским законодательством, возобновились в 1990-х годах массовые моления и

жертвоприношения, Марийский Религиозный Центр «Ошмарий-Чимарий» является одной из видных общественных организаций республики.

Марийское искусство по-своему откликнулось на эти изменения национальной ментальности. Отчасти именно оно — искусство — способствовало этим изменениям, формировало их, предлагая марийскому общественному сознанию оживление древних пантеистических представлений, эстетизируя языческую мифологию.

На начальном этапе оно опиралось при этом на те эстетические эталоны, иконографические типы и формы, которые можно было почерпнуть из археологического наследия древнемарийского языческого искусства. Не только мастера ювелирного дела, вышивки или декоративной резьбы по дереву шли по пути стилизации и витализации древних мотивов языческого искусства с его магической языковой системой и особенной полузабытой фольклористикой (изображения коней, водоплавающих птиц, солярных и астральных знаков). В живописи и пластике также нарастала стилизаторская тенденция, ориентированная на археологический материал, на языческую символику и эстетику древнемарийского искусства. Вспомним в этой связи картину молодого художника Юрия Таныгина «Колыбельная» (1991). Ее сложная многоплановая фольклористика включала и мотивы народного творчества, лубочного примитива (златорогий олень настенных ковриков), и элементы очень древней художественной архаики. Фигурка младенца в этой чисто марийской «Колыбельной» напоминала бронзового «идольчика» из погребений ананьинской культуры.

Ю. Таныгин. Плюс-минус. 1989.

Однако сначала, на первых порах, марийское искусство, перебирая драгоценную пряжу своего археологического наследия, еще не поднималось до философской интерпретации древних кодов, символов и всей визуальной системы языческой архаики.

Прорыв в этом плане произошел ближе к середине 1990-х годов. Мы рассмотрим его на примере творчества Измаила Ефимова, которое своим «новоязыческим духом» особенно интересно, хотя оно не является исключением из общего русла развития национальной культуры, и поиски в этом направлении идут в творческих мастерских разных художников (одна из самых богатых и ярких мастерских такого рода — мастерская Ивана Ямбердова, живопись которого — по сравнению с очень строгим, логическим миром Ефимова — более эмоциональна).

Целый ряд композиций, созданных Ефимовым в 1990-е годы, свидетельствует об открытии им совершенно новой изобразительной системы, которую можно назвать и орнаментальной, и декоративно-узорчатой, и просто абстрактной, однако эти характеристики еще не затронут ее сущности, ибо сущность эта — в возрождении пантеистического восприятия мира. Сказочные персонажи, смутно различимые в его фантастических визуальных построениях, несомненно принадлежат миру марийского — и шире — утро-финского — фольклора, навеяны еще не разрушенной природой, уникальной флорой и фауной марийских лесов, согласованы с традиционной стилистикой народного искусства. Но все это предстает уже не на поверхности художественной стилизации, а в философско-религиозном переосмыслении. Синтез средств современной живописной выразительности и высокой профессиональной, чисто европейской культуры с очень древними основами народного искусства выводит эту новую живопись Ефимова на новый неожиданный простор.

От реконструкции археологических ценностей художник переходит к свободному, независимому мифотворчеству, вызывая к жизни и заклиная новых духов и богов, чьи контуры, конечно, соответствуют основным узорам древней языческой мифологии, но чье поле действия, поле влияния на зрителя — не музейно-реставрационное пространство, а сама жизнь с ее бурями и страстями, с ее социальными потрясениями и нравственными поисками духовной опоры. Колоссальная внутренняя энергия, скрытая в ритмике геометризованных построений, в цветовой динамике густых бордовых, синих, таинственно-лучезарных зеленоватых тонов, превращает эту живопись в гипнотизирующую, завораживающую зрителя силу. Творческий акт сам становится частью шаманского языческого действия.

Эти работы Ефимова — полотна и акварели (большинство без названий), впервые показанные на выставке в Венгрии в 1993 году, определили переход марийского искусства к новой методологии, обеспечивающей и более глубокое проникновение в сферу этнической психологии, и более активное воздействие художника на народное сознание.

Svetlana Tchervonnaya

THE EXPRESSION OF ETHNIC SELF-CONSCIOUSNESS OF THE MARI PEOPLE IN MODERN FINE ARTS

In 1970s, the time of stagnation, lie the roots of the trend in art culture of many peoples of the former Soviet Union, and especially of the Russian Federation, which we can call neo-romantic.

It differed from the classical romanticism, through which the arts of the Russian and many other peoples of the Russian Empire had gone in the 19th century, because the neo-romanticism was formed as a specific projection of creative imagination (the dream, the fantasy of an artist) on the real world, when there permanently existed the feeling of a distance between the fiction (the golden kingdom of dream, the abstract ideal, the fairy decoration, which was not to be taken seriously) and the reality, not so much transformed romantically as distanced from the space, in which an artist was creating purely fantastic pictures of ideal kingdoms from shining staff of his imagination.

Now the Mari art is passing to a new methodology, which provides deeper penetration in the sphere of ethnic psychology and more active influence of an artist on the national consciousness.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Сообщения

Петер Домокош
Будапешт

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУР МАЛЫХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ*

Международный конгресс финно-угристов, в городе Ювяскюля в Финляндии, с участием почти тысячи человек, — это уже восьмое большое мероприятие в изучении родственных народов. На таком уровне деятели отдельных отраслей финно-угристики впервые встретились тридцать пять лет тому назад, в 1960 году. За этот период уже восьмой раз читаем мы доклады и по вопросам литератур, свидетельствуя этим развитие, мотивированность исследований, достижения духовных, словесных и письменных явлений.

Несмотря на это, к сожалению, мы должны доказывать перед определенными кругами, считающими себя облеченными привилегиями решать, кому можно и кому нельзя выражать свои суждения, правомерность своей работы, даже документировать существование литератур так называемых «малых финно-угорских народов». Речь идет об упрямой и агрессивной преемственности и господстве взглядов и догм, унаследованных от недавнего прошлого. Представители этих кругов стоят под защитой академий, других научных учреждений и злоупотребляют их авторитетами. Не буду больше останавливаться на данном вопросе, который можно назвать щекотливым, надеюсь и убежден, что история и наука всё расставят на свои места.

В данной публикации я вынужден ограничивать себя и не буду говорить, в частности, о ранних проявлениях малых финно-угорских литератур, как например, о марийских и удмуртских стихах XVIII столетия. Речь не пойдет о сущности и истории их языковых памятников, также и о переводах церковных текстов, об изданиях светского характера, об учебниках первой половины XIX века. Однако не могу умалчивать о своем, много раз выраженном мнении, по кото-

---

* Доклад, прочитанный на VIII Международном конгрессе финно-угроведов.

рому упомянутые «письмена» я считаю органической частью данных литератур.

Возникновение так называемой художественной литературы, авторской поэзии, произведений, которые можно связывать с определенным именем (хотя обычно подписывались псевдонимом или издавали свои произведения на русском языке), датируется второй половиной прошлого столетия или рубежом столетий.

Здесь нет необходимости в перечислении данных, известных большинству литераторов. Только важно обратить внимание на то обстоятельство, что основоположники данных литератур почти без исключения были и первыми оригинальными учеными своего народа: этнографами, историками, языковедами и также литературоведами. В последнее время все больше пишется о достижениях литераторов коми И.Куратова, Г.Лыткина и К.Жакова, удмурта Г.Верешагина, марийца В.Васильева-Упымари. (Я должен искренне признаться, что мои возможности исследования в Будапеште не сравнимы со знаниями, информированностью филологов данных народов, живущих на месте. Но это естественно!) Особенно богато прошлое филологии и истории литературы коми народа. Иван Куратов был открывателем своего родного языка в научном смысле (и его певцом). Георгий Лыткин уже показал свой народ и язык в научной обоснованной системе, Каллистрат Жаков дал оценку деятельности своих предшественников и одновременно расширил и углубил перспективы литературы коми. Работы Григория Верешагина об удмуртских книгах, статьи Упымария о марийском художественном слове тоже свидетельствовали о начале развития литературоведения упомянутых народов.

Сейчас не будем говорить о сущности событий 1917 года, тем более давать им оценку. Однако едва ли можно оспаривать утверждение о том, что этот год является историческим рубежом, решающим моментом и в развитии литературы финно-угорских народов. По моему мнению, в культуре так называемой «советской эпохи» самым богатым периодом можно считать двадцатые годы. Относительно национальных литератур, может быть, только в это время правомерно говорить вместо эволюции о революции. Называю только два имени: Василия Лыткина (Илья Вася), который в 1926 году составил содержательную и, с точки зрения филологии, полную антологию под названием «Писатели коми», и Кузебая Герда, статьи которого по удмуртской литературе и фольклору, опубликованные на финском, немецком, венгерском, русском и удмуртском языках, по точности и богатству тоже превосходят уровень своего времени. Деятельность упомянутых двух поэтов-просветителей дает серьезную

надежду относительно духовного будущего своих народов. Однако в начале тридцатых годов этот путь прервался, данные лица были арестованы как руководители так называемого дела «СОФИН». Герда расстреляли в 1937 году, Лыткин смог вернуться в «научную жизнь» и в «детскую литературу» после более чем двадцатилетней тюрьмы, лагерей, ссылок.

Я в рамках данной темы не желаю характеризовать 30-е и 40-е годы в Советском Союзе. (Это я пытался осуществить раньше в нескольких предыдущих статьях и книгах). Эти годы для финно-угорских народов были самыми трагичными. Хотя они потеряли своих лучших сыновей, все-таки тогда выходили сотни книг, открывались школы, вузы, исследовательские институты, театры, типографии, выпускались газеты, журналы — и все это на языках отдельных народов. В учебниках и научных трудах, помимо обзорных, появлялись статьи по литературе и оценочного характера (правда, вульгарно-социологического плана). Однако литературоведы будущего в своей исследовательской работе вряд ли могут отказаться от использования таких журналов, как удмуртский «Молот», коми «Войвыв кодзув», марийский «Ончыко», мокшанский «Мокша», эрзянский «Сятко». Пренебрежение ими было бы точно такой же большой ошибкой, которую допускали местные ученые в период «культа личности».

Время после смерти Сталина принято характеризовать словом «оттепель», а XX съезд КПСС — считать конкретной вехой эпох. С этого времени, благодаря (далеко не всеобщим) реабилитационным процессам, стали медленно оживать изувеченные культуры, литературы. Были написаны первые самостоятельные, хотя под руководством «центра», монографии по национальным литературам огромной страны с единым, преимущественно политическим, взглядом и на русском языке. За серией так называемых «Очерков», весьма полезных и в такой форме, скоро последовали небольшие библиографические справочники, содержащие тоже множество ценных сведений. В это время у данных народов появились настоящие литературоведы, имеющие научную степень и именно они на десятилетия стали определяющими в своей сфере. Здесь я отмечу удмурта Фому Ермакова, коми Константина Микушева, мордвина Николая Черапкина, марийца Кима Васина и карела Эйно Карху. Знаю, что надо бы назвать больше имен, но я не ставлю себе целью перечислять всех.

После такого успешного начала у большинства финно-угорских народов по очереди выходят другие значительные монографии, посвященные отдельным авторам и жанрам, различные обобщающие

работы, полные собрания сочинений, антологии, дающие панораму состояния литературы. В большинстве случаев они издаются на русском языке, но иногда и на национальных языках. В современный период выходят на арену молодые и эрудированные ученые, поэтому стало более заметным проявление самостоятельности в отношении «партийности», «идейности», наблюдаются значительные расхождения во мнениях в литературоведении последних лет. Особенно радует то, что в это время все больше говорится о литературе зауральских народов (манси, ханты, ненцев).

Я не буду пытаться объяснять «объективность» подобных расхождений, скажу лишь о том, что судить и критиковать издалека, извне гораздо легче. Я сам жил в Советском Союзе целых пять лет, правда не при Сталине, а при Брежневе. Фактически знаю, что преследователи впоследствии и сами стали преследуемыми. Даже Солженицын в своих произведениях не смог полностью показать ту атмосферу беспомощности и страха, недоверия, которая сложилась в человеческих отношениях.

Зная обо всем этом, все-таки хочу указать на то, что, по-моему, мало писалось в истории мордовской (мокшанской и эрзянской) литературы о событиях до 1917 года. Во многих регионах сейчас отсутствуют молодые литературоведы, соответствующие уровню марийца Кима Васина, владеющего энциклопедическими знаниями. Появится ли в ближайшем будущем продолжатель дела замечательной пермячки Веры Пахоруковой? Отдельного изучения требуют литературы ханты, манси и ненцев! Каждая из них имеет своих выдающихся представителей. Например, мансийский поэт Юван Шесталов со своими пятьюдесятью томами известен во всем мире. Все-таки недостаточно еще опубликовано работ о процессах, происходящих в культуре и литературе малочисленных финно-угорских народов. Чрезмерно «расплавлены» в «общесоюзном» горне малые народы, достойные пристального внимания и в отдельности.

По нашему мнению, для народов, живших в Советском Союзе, годы «застоя» были более вредны, чем период «культа личности». Данное положение подтвердилось и ситуацией в других районах, например, в странах Восточной Европы.

В период с 1985 по 1991 годы так называемый «социализм» постепенно превратился в ничто, выпало определение «советское». Все мы ждали очень многого от перестройки, от гласности, от конца тоталитарной системы. Несомненно, кое-что получили от нового исторического поворота, от новой эпохи.

В нашей узкой специальности — литературоведении — произошел настоящий «прорыв плотины», хлынул поток документов, деся-

тилетиями считавшихся суперсекретными. Давно не являются сенсацией монографии о Троцком или Бухарине, работы о грехах Ленина и т.д. Многие писатели теперь стали политическими деятелями (или занимаются политикой), но уже сейчас ощущается, что сама культура уничтожается с угрожающей быстротой. Этот процесс охватил национальные литературы, в том числе и финно-угорские. Не составляет исключения даже тысячелетняя литература пятнадцатимиллионного венгерского народа. Поворот оказался настолько крутым, что его следствия и перспективы непредсказуемы. Органы местного книгоиздательства потерпели крах, творческие союзы разваливаются, слаба материальная обеспеченность писателей, ученых, гарантированная раньше государством. Обнищавшее общество не нуждается ни в научных мыслях, ни в художественных произведениях. Появилось множество книг частного издания, но среди них не встретишь ни высокой поэзии, ни подлинной литературы. Что делать? На этот вопрос настоящие творцы знали ответ всегда. Поэтому была, есть и будет литература! Знаю, книги готовятся в издательствах, авторы выстраиваются в очередь.

Я уверен, что финно-угорские литературы (без исключения) имеют будущее. Они должны надеяться жить, беречь и приумножать свое прекрасное наследство: традиции своего народа. Сохранение и развитие родного языка тоже входит в их «задачи».

Приближаемся к порогу третьего тысячелетия. Было бы хорошо дожить до этого момента в мирных условиях, навести порядок в мыслях и душах и вновь встретиться в 2000-ом году на IX Международном конгрессе финно-угроведов с более чистыми взглядами, выяснив все проблемы, признавая достижения всех отраслей нашей науки.

Peter Domokosh

HISTORY OF LITERATURES OF SMALL FINNO-UGRIC PEOPLES

The International Congress of Finno-ugrists, that took place in Yuvy-askyula (Finland) in 1995, summoning about 1000 researchers, was the 8th event of such scale in the history of research of the cognate languages. For the first time the researchers of different branches of the Finno-ugristics met on such level 35 years ago, in 1960. Since 1960 eight times the reports have been made on the questions of the Finno-Ugric literatures, testifying to the development and motivation of the researches of spiritual and language phenomena.

So there is a confidence in the future of all Finno-Ugric literatures without exception. They must live, preserve and enrich their wonderful inheritance of the folk traditions. Their task is also to preserve and develop the native languages.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Ирина Нуриева
Ижевск

ЭТНОМУЗЫКАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ ФИННО-УГРОВ И КРЕЩЕНЫХ ТАТАР (КРЯЩЕН)

Изучение песенной традиции одного народа вне исторического и этнического контекста не разрешает многих проблем содержания, происхождения, особенностей функционирования произведений народного искусства. Особенно актуален метод сравнительного исследования в т.н. зонах активного контактирования. Одним из таких «полиэтнических» регионов является густозаселенная северо-западная территория Татарии (нижнее течение правобережья Вятки). Значительную часть населения составляют татары, удмурты, кряшены, марийцы. Русские в основном сконцентрированы в районных центрах. Языком межнационального общения является татарский. Старшее поколение, как правило, двуязычно (родной язык и татарский), молодые владеют и русским.

Финно-угры не являются пришлым населением, археологи относят время заселения финно-уграми нижнего течения правобережья Вятки к эпохе энеолита-бронзы (1).

Каждая из этнических групп, имея между собой активные хозяйственные связи, в брачные отношения практически не вступают.

По вероисповеданию все население делится на мусульман (татары) и православных (кряшены, часть марийцев и удмуртов). Если православие в среде кряшен имеет давние и прочные традиции, то финно-угры были подвергнуты массовой христианизации в XVIII в. В настоящее время сложилась довольно сложная, неоднозначная ситуация: часть удмуртов и марийцев считают себя крещеными, держат в доме иконы, носят христианские имена, другие считают себя язычниками, соответственно икон в доме не держат. И, пожалуй, на этом все отличия между крещеными и некрещеными финно-уграми, за исключением некоторых малозначительных деталей, и заканчиваются. В целом, переход в православие не оказал значительных изменений на жизненный уклад как удмуртов, так и марийцев: все свои национальные праздники, ритуалы крещеные и некрещеные проводят совместно, в

одни и те же сроки (за исключением Троицы у крещеных и некрещеных удмуртов).

Вполне закономерно, что идеи христианства за столь длительный период успели проникнуть в сознание финно-угров. Во-первых, на формальном уровне, календарные праздники, языческие корни которых очевидны, приурочены к православному календарю, хотя некоторые из них и имеют свои собственные национальные названия: Акашка у удмуртов и Кутече у марийцев на Пасху. Далее, характерен выбор из языческого пантеона божеств одного верховного бога. В итоге в среде финно-угорского населения сложилась такая система религиозного мировоззрения, при котором христианское православие и языческие культы мирно сосуществуют и взаимодополняют друг друга.

Принадлежность к двум разным конфессиям (православие и ислам) явилась одним из основных отличительных признаков, определяющих особенности жизненного уклада, в том числе проводимых обрядов. Единственным совместным праздником всего населения является Сабантуй (праздник плуга), проводимый в начале лета после посевных работ и в настоящее время ставший официально-административным праздником. Все остальные обряды, моления проводятся локально: от двух-трех близлежащих деревень до узкого круга семьи.

В целом система народного календаря соседей-единоверцев (удмуртов,марийцев, кряшен) почти полностью совпадает. Ниже приводим сравнительную таблицу календарных обрядов за 1992 г.

обряды	удмурты	марийцы	кряшены
святки (январь)	—	шортиол	—
масленица (март)	вӧй дюон	уярня кече	—
Пасха (26 апреля)	Акашка	Кутече	Пасха
Троица (14 июня)	Семык (некрещенные — 11 июня) (крещеные — 14 июня)	Семык (7 июня) Троица (11 июня) поминки (12 июня)	Семик
Петров день (12 июля)	Петрол нал	Петро кече	Петров день

Как видно, в этом регионе широко развит весенний цикл обрядов, и по содержанию, и по форме имеющих ряд общих признаков.

Например, Пасха у удмуртов и марийцев — это обряд выхода на пашню, подготовка к полевым работам. Общими моментами в обрядах являются моление в доме, хождение из дома в дом. Троица у удмуртов, марийцев и кряшен — день поминок всех умерших родственников. Обязательным моментом обряда является поминание на кладбище. И эти этнографические параллели можно продолжить.

Результатом длительных контактов можно объяснить некоторые явления общности музыкального языка этих этнических групп, интонационный словарь каждой из которых имеет своеобразные «поля пересечения». Проблема взаимовлияния и взаимодействия народно-песенных культур удмуртов, марийцев и кряшен не изучена, не исследованы типологические формы народных песен, поэтому сравнительная характеристика народной музыки дана здесь в плане постановки проблемы (2).

Наиболее ярко тождество в песенном фольклоре этих народов выражено в форме поэтического стиха:

1) как правило, это четырехстрочник, часто основанный на принципе двучленного параллелизма;

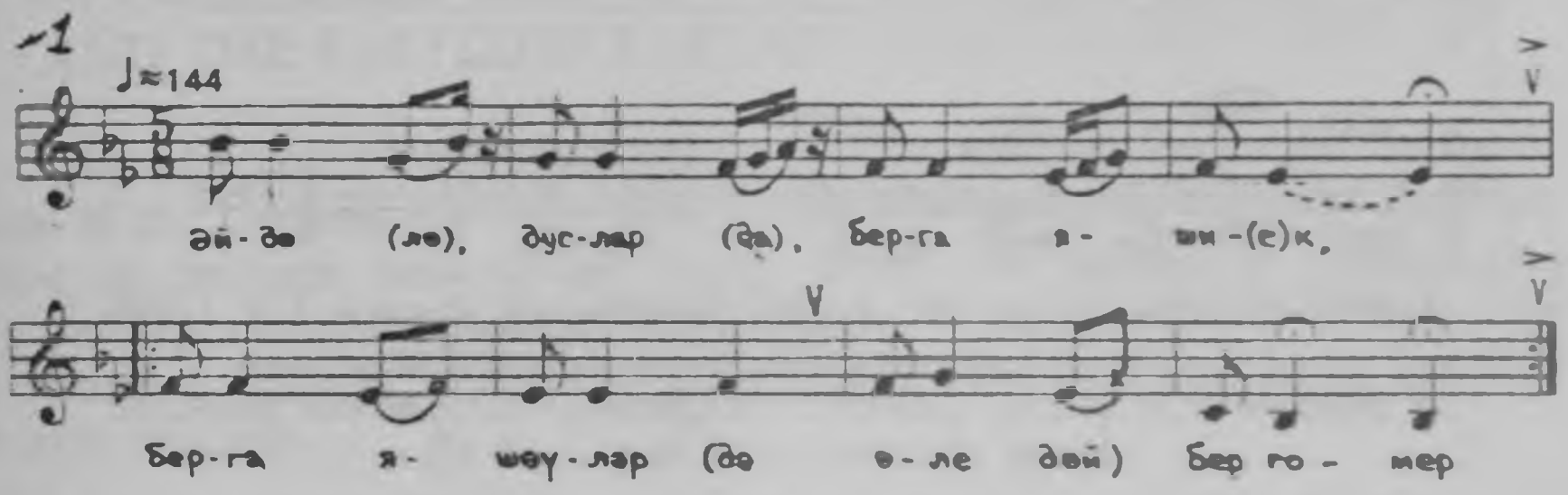
2) преобладание свободного соотношения поэтического текста и мелодии;

3) вышеуказанные особенности способствуют определенному способу взаимодействия неизменного ритмического стержня мелодики к изменяющимся от строфы к строфе слогочислительным нормам стиха, приводя к явлению, известному в марийской песне как «напевная ритмичность», или как «безразличные мелодии к числу слогов» в верховой чувашской песне (3).

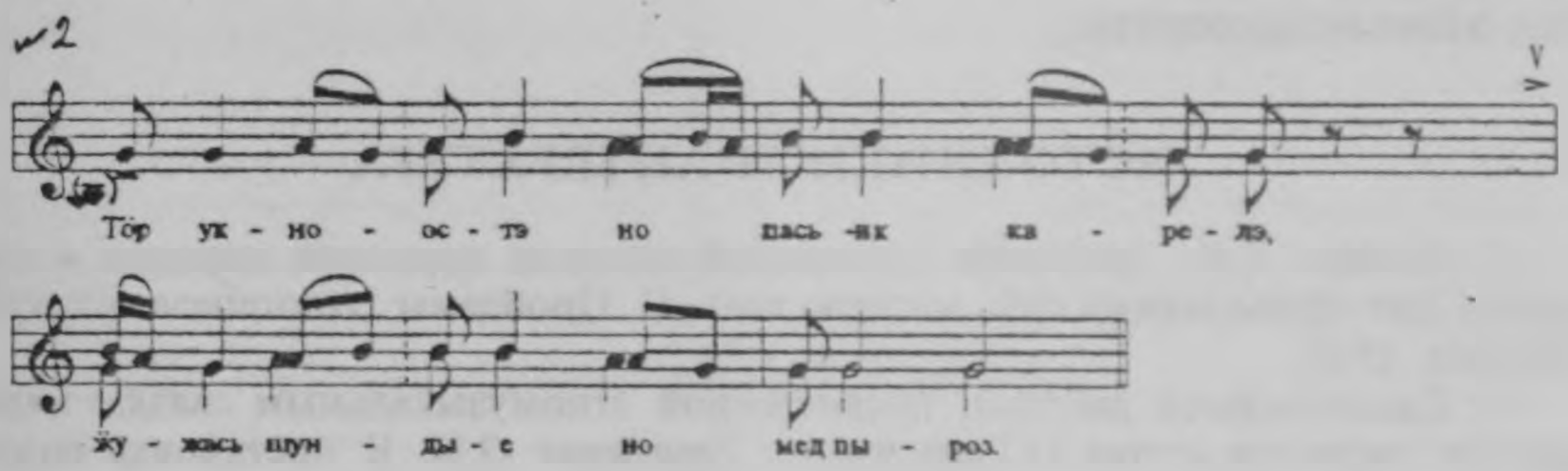
Точкой соприкосновения в музыкальном языке исследуемых этносов, относящихся к ангемитонно-пентатоновым культурам, является звукоряд, основанный на трихорде в кварте (до ре фа), который татарские музыковеды относят к «древнейшей ладовой организации татарской музыки» (4). Не оспаривая характерность данного вида звукоряда для тюркской народно-песенной культуры, необходимо отметить значительный слой обрядовых песен, имеющих в основе трихорд в кварте, в удмуртском и, особенно, в марийском музыкальном фольклоре.

Музыкальное мышление удмуртов, марийцев, татар (кряшен и мусульман) принципиально монодийно, хотя на практике при ансамблевом пении допускаются отклонения в виде терции и более терпких созвучий.

В области ритма некоторые песни удмуртов и кряшен объединяет ямбизм, причем ямбический ритм (его разновидности ♪.𝅗𝅥; ♪.𝅗𝅥𝅗𝅥; ♪.𝅗𝅥𝅗𝅥𝅗𝅥) в песнях кряшен исследователь татарской народной музыки М.Нигмедзянов выделяет в качестве наиболее характерного признака (4, с. 206). Сравним два примера — гостевую песню кряшен, записанную в Чуре Кукморского района, и обрядовую гостевую песню балтасинских удмуртов «зоут», целиком и полностью основанные на ямбическом монoритме ♪.𝅗𝅥.

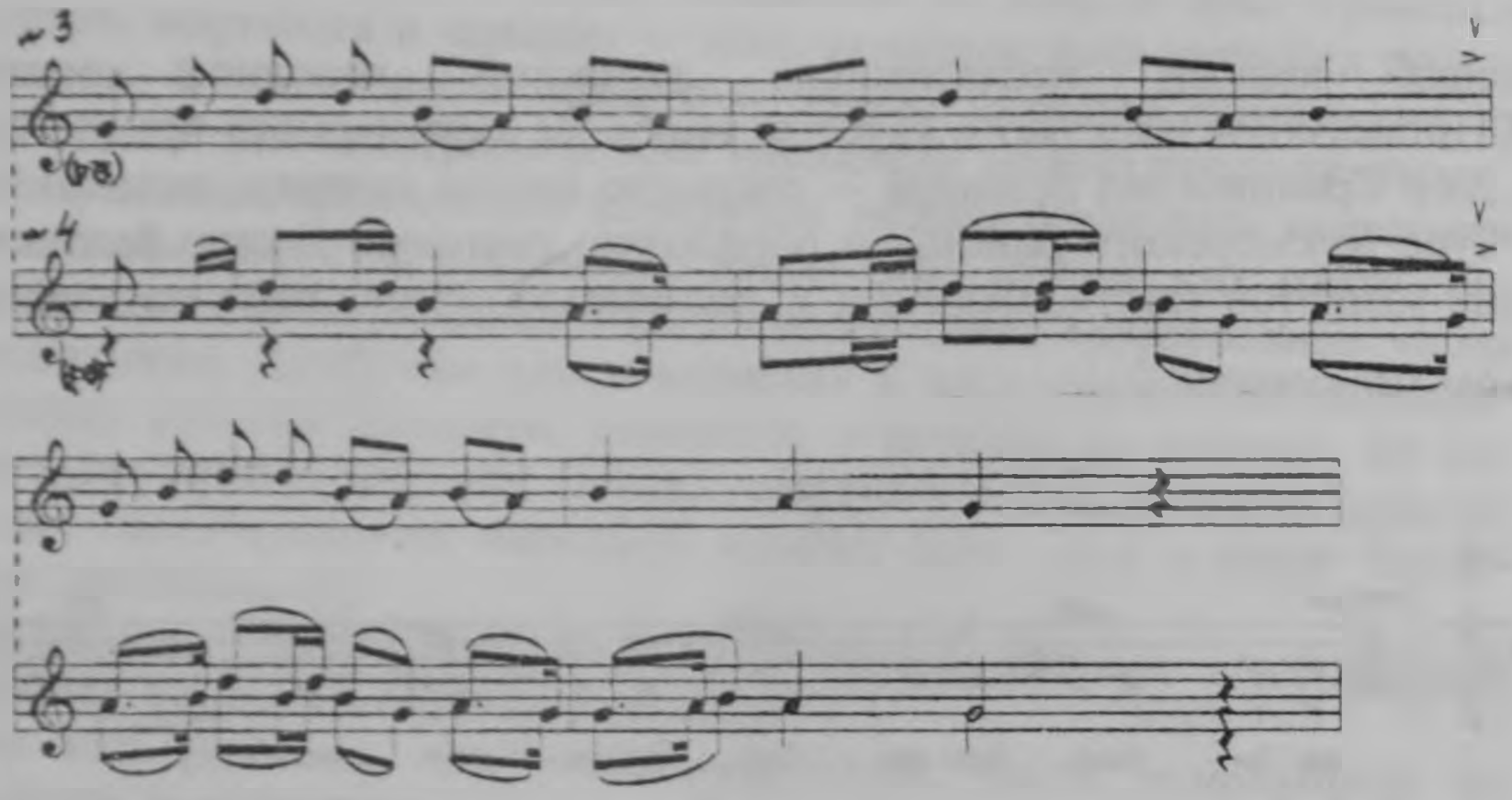

М.Нигмедзянов. Татарские народные песни. Казань, 1976. № 36.

РФ УПИЯЛ — 90, оп. 1Н, д.808. Записана от Максимовой З.М. (1932) и Максимовой Е.С. (1926) в д. Старая Турья Балтасинского района. Нотировка автора.

И, наконец, находим прямые мелодические параллели — марийская святочная песня (шортйол муро) и удмуртская качельная (ӟечыран сям):

3. РФ УИИЯЛ — 92. оп. 2Н. д. 900. Записана от Исаевой Е.Н. (1908) в д Старая Кня Кукморского района. Нотировка автора.
4. Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов // Удмуртский фольклор. Песни. Ижевск, 1995. Вып. 1. № 67.

Таким образом, этномузыкальные связи удмуртов, мари, кряшен, как и историко-культурные, глубоки и разноплановы. Полностью раскрыть эту проблему помогут совместные конкретные исследования этномузыкологов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Голдина Р.Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

2. Единственной работой, посвященной этномузыкальным связям мари и кряшен, является статья О.Герасимова: *Герасимов О.М.* К постановке вопроса об этномузыкальных связях елабужских мари и кряшен // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллинн, 1980.

3. *Куторов Н.И.* Мариское стихосложение. Йошкар-Ола, 1976; *Кондратьев М.Г.* О некоторых параллелях между чувашскими и марийскими народными песнями // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллинн, 1980.

4. *Нигмедзянов М.* Татарские народные песни. Казань, 1964.

Irina Nuriyeva

ETHNO-MUSICAL PARALLELS IN THE SYSTEM OF FOLK CALENDAR OF THE FINNO-UGRIC PEOPLES AND THE BAPTIZED TARTARS (THE KRYASHCHENS)

The comparative-historical method let the researchers of the folk cultures of the Udmurt, the Mari and the Kryashchens (the baptized Tartars), living on the right bank of the Volga, reveal the likeness in carrying out the the folk calendar festivals. The language of music also shows a number of common features, caused by long-time contacts as well as by possible genetic relations.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Иван Плосков
Сыктывкар

МАТЕРИАЛЫ ПО ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЮЖНЫХ КОМИ (ИЗ ВЯТСКОГО АРХИВА)

В прошлом столетии вопросы духовной культуры народов, проживающих в Вятском крае, а также соседствующих с ним, были в поле зрения Вятского музея, губернского статистического комитета. При этом члены губернского статистического комитета (председателем которого, как известно, был вятский губернатор), с исследовательскими целями бывали в соседних Вологодской и Пермской губерниях (в 1850-1860 годах).

П.В.Алабин на открытии вятского музея, в частности, отмечал наличие этнографической экспозиции, показывающей культуру «племен, населяющих ... край», выражал уверенность, что музейное «собрание» «послужит живым и полным выражением степени былой и ... современной цивилизации этих племен, лучшим вспомогательным средством для изучения истории...» (1, с. 17-18). П.В.Алабин в своих работах указывал на необходимость «доставлять сведения о древних памятниках, находках древних вещей, сказания и легенды, связанные с ними, в местную печать или в музей» (2, с. 35). Члены Вятского губернского статистического комитета (П.В.Алабин, М.С.Косарев и др.) обращались и к коми культуре. Они изучали духовную культуру коми (по вятской терминологии — «пермяков»), проживающих по рекам Летке и Лузе, при этом населенные пункты (по реке Летка), расположенные южнее с.Летки, относились тогда к Вятской губернии. Самым крупным «вятским» селением по реке Летке было с. Слудское (относилось к Орловскому уезду Вятской губернии).

В «Отчете Вятского губернского статистического комитета за 1864 г.» упоминается работа М.С.Косарева «Пермяки Вятской губернии» (3, с. 29, 32). В Государственном архиве Кировской области, в фонде Вятской ученой архивной комиссии хранится рукопись, имеющая название «Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда» (4). Как уже отмечалось, автор данной рукописи М.С.Косарев был членом статистического комитета. В 1828-1830

годах он состоял слушателем Казанского университета, позже состоял на преподавательской работе в Глазове, в Вятке и т.д. (5, л. 1-5). Рукопись («описание») была выполнена в Вятке. В Вятском архиве также хранится рукопись М.С.Косарева «Материалы к истории развития пермяков» (6). Она, а также другие рукописи Косарева, так или иначе, связаны с упоминаемой работой «Пермяки Вятской губернии...» и содержат различные сопоставительные материалы, зафиксированные у летских и прилузских коми (в селениях Слудском, Прокопьевском, а также в Ношуле, в Объячеве). В рукописях М.С.Косарева имеются сведения об обрядах и обычаях у летских, ношульских, объячевских «пермяков» (коми), о песенном фольклоре и танцах, о детских играх и пр.

Исследователь отмечал о различном (в тех или иных регионах) сохранении традиционной культуры, а также о знании «пермяками» (коми) русского языка и русской культуры. Примерно в середине прошлого столетия было сделано следующее своеобразное наблюдение о «языковой ситуации» и культуре прилузских и летских коми: «Ношульские и Объячевские пермяки, вследствие административных, общественных и родственных связей с устьсысольскими зырянами, почти совершенно потеряли свою народность и говорят уже по-зырянски. Летьковские (летские — *И.П.*) же пермяки, отделенные значительным пространством от зырян и соседственные с вятскими пермяками Орловского уезда, удержали свой язык и обычаи народные» (4, л. 4, 66). В последнем случае обращается внимание на «языковую ситуацию» и сохранение традиционной культуры населением большого села Летки и окружающих деревень и починков (которых было, по воспоминаниям, в этих местах более полусотни). И все-таки последнее утверждение (о замене «пермяцкого говора »на «зырянский») проблематично. При этом в языкознании, как известно, выделяется летский, или лузско-летский диалект коми-зырянского языка (7, с. 14-16).

О знании русского языка южными коми (очевидно, в основном в русско-коми пограничье) отмечалось: «В настоящее время (в середине прошлого века — *И.П.*) большая часть пермяков обоего пола умеет говорить по-русски; весьма немногие не говорят, но понимают русских, и только некоторые, живущие в глуши, женщины и дети знают один свой пермяцкий язык. Из числа умеющих говорить по-русски большинство говорит с более или менее сильным пермским акцентом..., речью, отличающейся от общеупотребительной местной русской речи более или менее значительными отступлениями» (4, л. 66). В другом месте Косарев делает такое исправление (в более поздней рукописи): «...Орловские и ношульские пермяки, которые не

только не утратили свой язык, но и по-русски говорят неправильно, да и немногие; ... многие из мужчин, особенно не занимающихся транзитом в Ношуль (на Ношульскую пристань на р.Лузе — *И.П.)* и вовсе не говорят по-русски, не говоря уже о женщинах. А их религиозные взгляды, поговорки, пословицы не показывают ли, что они более сохранили свою национальность, чем пермяки глазовские?» (9, л. 8).

В архивных рукописях, как уже указывалось, говорится о различных заимствованиях, и некоторые из них обнаружены в свадебном обряде: «...Очевидно, что большая часть свадебных обычаев, обрядов заимствованы пермяками от соседей их русских. Притом описанные обряды свадебные исполняются все точно только у богатых или зажиточных. У бедных, например, орловских пермяков Видзись (Видзысь — *И.П.*) не избирается, и все приготовления делаются проще. Притом песни, причитания и прибайки не поются, а говорятся, и — по-русски, хотя большею частью ношульские и орловские пермяки... (плохо — *И.П.*) еще говорят по-русски, а из женщин многие и вовсе не умеют. Глазовские пермяки только более обрусели. Там уже реже слышится пермяцкая речь, потому что они живут в селениях смешанно с русскими» (8, л. 8).

Упоминается в рукописях Косарева о коми песнях: «Песни записаны со слов пермяков, одни в деревне Прокопьевской (Орловского уезда), а другие присланы из Зюздина (Глазовского уезда) от бывшего писаря... волости. И нигде не напечатаны варианты их...» (9, л. 12).

Уже говорилось о «религиозной жизни» пермяков, и исследователи не раз возвращаются к этому вопросу. Вятские исследователи отмечали: «Описания некоторых религиозных обрядов пермяков показывают явные следы язычества, сохранившиеся в понятиях... этого народа» (9, л. 5-6). Этот вопрос интересовал Косарева и других вятских исследователей.

М.С.Косаревым зафиксированы представления, так или иначе связанные с языческой (древней), и более поздней христианской культурой «орловских» коми. Данные материалы характеризуют их мировоззрение. Имеется, к примеру, такое описание перехода в новый дом: «...избрав для перехода какую-либо ночь, все ложатся спать, но лишь только «пропоют первые петухи», все встают и одеваются в вседневное рабочее платье. Старшая хозяйка накрывает скатертью стол, приносит на него хлеб, соль, а старший хозяин... (ставит — *И.П.*) свечу перед иконами. Все молятся богу. Взяв с божницы икону и положив за пазуху, хозяин переходит к голбцу, отворяет подполье и, наклонившись, говорит: «Суседушко, братушко, пойдем в новый дом; как жили в старом доме хорошо и благо, так будем жить и в новом, — ты люби мой скот и семейство». Сказав

это, хозяин берет в руку петуха и курицу; хозяйка нагружается хлебом и квашней; прочие семейшики берут соль, скатерть, чашки, ложки и другие на первый раз необходимые... вещи. Если в новый дом переходят не все, а отделяемый сын, то отец и мать, после молитвы, благословляют его с семейством иконой... Переходяшие отправляются в новый дом. Заходят в сени. Хозяин выпускает в избу петуха с курицей, и спустя несколько (времени — *И.П.*) входит сам с семейством; иногда же остается в сенях, пока пропоет... петух. Хозяин ставит икону на божницу и пускает в голбец суседка, говоря: «Проходи-ко, суседушко-братушко»; а хозяйка накрывает стол скатертью и кладет на него хлеб-соль. Тогда все вошедшие молятся Богу. После молитвы размешают по принадлежности прочие принесенные из старого дома вещи; хозяйка затапливает печь, хозяин пригоняет из старого дома скот... Через несколько времени после перехода пермяк справляет новоселье или «входины» (4, л. 61-63).

Автор в дальнейшем обращается к христианской культуре коми. В рукописи «Пермяки Вятской губернии...», в частности, отмечено, что «орловские» (летские) «пермяки» в половине августа месяца ходят в часовню «с иконою Спасителя», находящуюся в 6 верстах от г. Орлова по тракту в Вятку (4, л. 80-83). Указывается, что «орловскими пермяками уважается память о Пророке Илии». Приведу следующий фрагмент из вятской рукописи: «...И здесь при часовне, в 6-ти верстах от Слудки, при деревне Зимнинской, совершается моление...», и далее: «Но важнейшею религиозною обязанностью почитается у орловских пермяков сходить в село Великорецкое Орловского уезда и помолиться явленной близ этого села, под горою, на берегу р.Великой, Чудотворной иконе Святителя Николая. Икона эта хранится в Вятском Кафедральном соборе, но по старинному обычаю ее каждогодно из Вятки носят в с.Великорецкое и потом место ее явления в 1 версте от села... Тут ныне находится большая каменная часовня. Внутри и вокруг нее... служат молебны Святителю Николаю... Село Великорецкое в расстоянии от пермяцких селений от 40 до 50 верст. Такое близкое расстояние и набожное усердие пермяков заставляет каждого из них считать непременною обязанностью сходить на Великую реку, как обыкновенно называется это путешествие...» (4, л. 43-45).

Упоминаемая рукопись М.С.Косарева «Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда» в свое время рассматривалась членами комиссии, составленной в Вятском губернском статистическом комитете (3, с. 32). Сохранились фрагменты из рецензии П.В.Алабина (9). Небезынтересно привести несколько положений из отзывов. Рецензент обращал внимание на необходимость дальнейше-

го обращения к материалам коми фольклора: «...Косарев говорит..., что у пермяков своих песен нет, «за весьма малыми исключениями». Стало быть, есть как исключения, а они-то для нас и драгоценны» (9, л. 4).

П.В.Алабин хотел бы видеть в работе не только своеобразный песенный (фольклорный) материал, но и «сравнительный» словарь к рукописи (9, л. 4, 12). (Как видно по архивным материалам, М.С.Косарев изучал коми язык). Косарев отвечал на это письменно: «Сравнительный словарь не приложен потому, что он, по моему мнению, не совсем полон. Каков же есть, не премину в скором времени добавить» (9, л. 12).

П.В.Алабиным высказывалось и такое пожелание по отношению к рукописи Косарева: «...Озаглавив свою статью «Пермяки Вятской губернии», Г. (господину — *И.П.*) Косареву, мы полагаем, надлежало бы в подробности определить место жительства и приблизительно численность всех пермяков Вятских, как он это сделал относительно только пермяков Орловского уезда» (9, л. 1). Не согласны друг с другом были автор и рецензент в необходимости дальнейшего углубленного исследования «пермяцкого» язычества. П.В.Алабин указывал, в частности, на необходимость изучения древнейших коми («пермяцких») обрядов, говорил о том, что желательно определять материалы, показывающие древнее мировоззрение финно-угорского населения края. Косарев же высказывался таким образом: «Исследование происхождения некоторых суеверных обрядов, показывающих следы язычества, я не почитал прямою обязанностью...» (9, л. 12). Тем не менее, как было показано, в рукописи Косарева содержится определенная характеристика мировоззрения южных коми прошлого столетия.

В одной из вятских архивных рукописей начала нынешнего столетия, в частности, отмечено об изучении истории и об организации соответствующей музейной экспозиции. В документе 1911 года указывается о предложении «... принять участие духовенству епархии в устроении Архивной комиссией в городе Вятке Историко-Археологического музея образованием отдела церковных древностей...» (12, л. 21). При этом также имеют место следующие материалы: «...Первое место в музее должны занимать памятники старины, характеризующие прежний быт Православной церкви и Православного народа Вятского края, за ними идут памятники, характеризующие религиозный быт проживающих в пределах Вятского края иноверцев, каковы: раскольники всевозможных толков, католики, лютеране, англичане, евреи, магометаны, и особенно местные язычники-вотяки, черемисы, чуваши, пермяки и т.п.; «... музей помеща-

ется в представленных Епархиальным начальством и съездом духовенства комнатах в Епархиальном доме...» (12, л. 31-33). Очевидно, в последнем случае в основном указывалось на древнее язычество ряда восточных финно-уторских народов. Работы М.С.Косарева свидетельствовали и о пережитках, и о соответствующей «религиозной жизни» южных коми прошлого столетия.

Вятские материалы прошлого и начала нынешнего столетия зафиксировали, таким образом, разнообразные этнографические материалы, принадлежащие южным (летским и прилузским) коми. Отдельно следует сказать, что в них обозначены различные исследовательские позиции, в частности, имеющие место в крутах Вятского губернского статистического комитета, работавшего в Вятке еще задолго до учреждения Вятской ученой архивной комиссии (10, с. 56; 11, с. 431).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Открытие Вятского публичного музея. Вятка, 1866.

2. *Ванчиков В., Сенникова Л.* Искатели древностей // По родному краю. Киров, 1991.

3. Отчет Вятского губернского статистического комитета за 1864 г. Вятка, 1865.

4. Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда // Государственный архив Кировской области. Ф. 170, оп. 1, д. 130.

5. *Косарева Е.* Несколько слов о М.С.Косареве // Государственный архив Кировской области. Ф. 170, оп. 1, д. 190.

6. Материалы к истории развития пермяков // Государственный архив Кировской области. Ф. 170, оп. 1, д. 131.

7. *Бараксанов Г.Г., Мартынов В.И.* Развитие коми филологической науки. Сыктывкар, 1975.

8. Обычаи при свадьбах и похоронах пермяков глазовских // Государственный архив Кировской области. Ф. 170, оп. 1, д. 133.

9. О заключении на статью г. Косарева о пермяках Алабина // Государственный архив Кировской области. Ф. 170, оп. 1, д. 134.

10. *Чудова Г.Ф.* В те далекие годы. Киров, 1981.

11. *Плосков И.А.* Вятский исследователь финно-угорской культуры М.С.Косарев // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров, 1994.

12. Переписка с местными организациями о концентрации исторических памятников // Государственный архив Кировской области. Ф. 170, оп. 2, д. 27.

Ivan Ploskov

MATERIALS ON THE SPIRITUAL CULTURE OF THE SOUTHERN KOMI (FROM VYATKA ARCHIVES)

This article investigates a number of documents connected with the spiritual culture of the Southern (mostly Lets) Komi of the 19th — the beginning of the 20th centuries. The documents belong to the funds of the Vyatka Scientific Archive Commission of the Kirov Region's State Archive. The article touches upon some questions concerning the researches of the Komi culture and upon the points of view of some Vyatka researchers of the Eastern Finno-Ugric culture.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Маина Лапина
Ханты-Мансийск

ТРАДИЦИОННАЯ ХАНТЫЙСКАЯ ЭТИКА*

Тема «Этикет народа ханты» не была до сих пор отдельным предметом изучения учеными. Однако, описание отдельных этикетных ситуаций у ханты встречается в трудах Кастрена М.А., Регули А., Алквиста А., Руденко С.И., Зуева В., Лукиной Н.В., Кулемзина В.М., Соколовой З.П., Зибарева В.А., Головнева А.В., Карьялайнена К.Ф., Шатилова М.Б. и других.

В трудах исследователей ханты характеризуются немногословными, сдержанными, доверчивыми, честными. Еще в 1715 году миссионер Григорий Новицкий писал, что «... сей народ остяцкий добр, храняши естества закон и многие на семь утверждаху добродетели, не слышится ибо между има крадеж, убийства иных обид друг другу содевающих...».

В адрес сибирских народов много положительного в своих трудах писал финский ученый Матиас Кастрен. Он говорил о хантах: «Все остяцкое племя славится строгой честностью, необыкновенной услужливостью», добродушием и человеколюбием...». М.Кастрен же писал, что остяк никогда не покинет в нужде своего ближнего и не захлопнет двери просящему, он уделяет охотно все, что имеет...».

О гостеприимстве остяков М.Кастрен пишет: «В праздничных одеждах остяки, казалось, были веселее и чистосердечнее обыкновенного; их гостеприимство и радушие превосходили всякое ожидание. Они выбегали на берег, прежде, чем пристанешь, притаскивали к нему судно, настилали деревья в топких местах или переносили нас через таковые на руках. Из опасения не угодить, в юртах нам ничего не предлагали, но при отъезде обременяли всевозможными остяцкими лакомствами: свежей и сушеной рыбой, ягодами, пирогами из ягод и т.п.».

Кастрен отмечает и скрытность характера остяка: «... некоторая степень скрытности действительно есть в характере остяков, все

---

* Доклад, прочитанный на VIII Международном конгрессе финно-угроведов.

остальное: мелочная хитрость, крайнее смирение и жалость, вид — маска, надеваемая при случае и вскоре сбрасываемая, и тут остяк становится простым, угрюмым, грубым, упрямым. Этой шероховатости характера соответствует и внешность: выдающиеся скулы, значительно утлубленные глаза, широкие плечи, коренастый неуклюжий стан, черные стоячие волосы и т.д. Несмотря однакож на все это, уверяют, что никто не превзойдет бедного остяка в доброжелательстве, услужливости и других качествах доброго сердца. И самая грубость, неповоротливость и неуклюжесть смягчается некоторым образом принадлежащими всему финскому племени добродушным юмором, который русские называют вострotою». Так характеризуются основные черты хантыйского народа.

Неписаные законы были направлены на взаимовыручку, уважение друг к другу. Поступив так или иначе, человек знал, что как сделает для других он, так же ему сделают другие. Ханты веками вырабатывали свои нормы поведения, общения между собой, с другими народами. Эти нормы помогали в обществе формированию личности, передаче из поколения в поколение законов, принятых во всем хантыйском сообществе, а также правил, принятых в небольших поселениях, среди родственников, в кругу одной семьи.

Многие этикетные ситуации нашего народа непонятны другим народам. Например, почему хантыйская женщина никогда не перешагнет через вещи, особенно мужские, детские, почему она прячет лицо от родственников мужа? А наши женщины с ужасом смотрят, как женщина, представительница другой народности, поднимается на чердак или крышу дома.

Среди традиционных этикетных ситуаций у ханты выделяются этикеты, связанные с приемом пищи, гостевой, застольный, трудовой, религиозный, этикет общения и др.

Потребность в общении — одна из основных социальных потребностей — свойственна каждому с младенческого возраста. У хантов были выработаны свои нормы в общении друг с другом, с родственниками, с детьми, природой, духами.

В повседневной жизни было не принято собираться вместе для праздного общения. Если и собирались по какому-то поводу, то чаще мужчины общались между собой, а женщины между собой.

Не прилично было обращение к взрослым по имени, обращались друг к другу по степени родства. Обращение по-родственному считалось наивысшим знаком уважения к человеку. Поэтому в хантыйской лексике очень много терминов родства, обозначающих одного и того же родственника разными терминами. Своеобразно ханты общались со своими родственниками. Каждый из членов семьи вы-

полнял в ней определенную роль. К старшему в семье относились с почтением. Но, в свою очередь, старшие в семье являлись хранителями традиций и воспитывали своих членов семьи по общепринятым законам своего народа. Если старики уже не могли добывать пищу, то оставались с детьми; здесь-то и дедушки и бабушки передавали внукам мастерство изготовления той или иной традиционной вещи, делали им игрушки, рассказывали сказки.

Невестка, придя в дом мужа, играла совершенно другую роль, чем дома. Здесь она должна была всю жизнь соблюдать обряд «избегания» (емлты) от родственников мужа по мужской линии: отца и братьев мужа, закрывая платком свое лицо. А женщина, выдавшая замуж свою дочь, закрывалась, в свою очередь, от отца мужа дочери (по-русски, свата). Хотя, когда они еще не были родственниками, то могли ходить друг к другу, общаться, не соблюдая этих обрядов.

Те, кто выполнял в семье «обряд избегания», обращались друг к другу в третьем лице. Например, свекр, обращаясь к жене сына, говорил: «Пусть она (невестка) позовет ребенка». И она тоже с ним разговаривала в третьем лице, например: «Его (свекра) зовет сын помочь ему». Не принято было просить о чем-то женщине (теще) у мужа дочери (зятя) и наоборот, мужчине (зятю) у матери жены (тещи). По возможности этих просьб старались избегать, чаще всего посредниками между ними были дети или еще кто-то.

При старших в семье молодые никогда не проявляли открыто своих чувств друг к другу, боялись «сглаза».

Многие молодые родители первое время стеснялись открыто проявлять свои чувства к своим детям. Женщина не кормила грудью детей в присутствии посторонних, а также тех, кого «избегала».

При разговоре с собеседником люди в упор друг друга никогда не разглядывали, считалось, что долго смотреть в глаза друг другу — пожелать недоброе. При разговоре только мельком поглядывали на собеседника. Вспоминаются такие случаи, когда в национальной школе ребенка заставляют смотреть в глаза учителю, а ребенок упрямится, не смотрит, его за это наказывают. А ребенок и не виноват, просто он рос в другой среде, а к нему предъявляют требования согласно меркам культуры другого народа. Такие этнопедагогические ошибки ломают психику ребенка еще в раннем возрасте.

Общение было также «немым», то есть через определенные знаки, символы. Например, во время траура женщина носила одежду, платок наизнанку, волосы до определенного времени были распущены или заплетены в две косы, но между собой косы не связаны и спущены вперед. Обрезанный сзади пучок волос, привязанная бусинка на левой ноге — все это говорило о том, что у женщины траур

по очень близкому человеку. Другой человек никогда не потревожит человека в трауре, не задаст неуместных вопросов, не обидит. Когда человек в трауре, он ведет себя сдержанно при других, не участвует в общественных мероприятиях.

Встретившись, два незнакомых человека могли по символам прочесть почти все друг о друге. По покрою одежды, по орнаменту, способу изготовления саней и упряжи. Мужчины на поясе носили необходимые предметы-символы. Эти вещи говорили о многом, например, что человек — охотник, добыл несколько медведей или, что он — оленевод, имеет большое стадо. Приезжего человека хозяева никогда не расспрашивали первым. Терпеливо ожидали, когда гость сам расскажет о себе.

Своеобразным является хантыйский застольный этикет. Он неотделим от образа жизни хантов и их духовных представлений, мировоззрения. Традиционный застольный этикет мало изучен. Имеются общие сведения о трапезе в хантыйских семьях. У большинства исследователей-североведов описано внешнее впечатление о трапезе в хантыйских семьях: то, что наиболее всего их поразило, — как ханты едят сырую рыбу, мясо, пьют горячую кровь животных. Известно сейчас, что без сырой рыбы и мяса на Севере жить сложно. Это те же витамины, как фрукты, овощи на юге.

Традиционный хантыйский дом делится на мужскую и женскую половины. Невысокий столик для еды ставят к нарам между женской и мужской половинами или посредине дома. Все рассаживаются вокруг стола на нары и небольшие скамеечки, стульчики. На стол накрывает хозяйка, ей помогают старшие дочери, сыновья в женские дела не посвящаются. После еды все убирали и сам столик со стульями ставили в сторону.

Если во время еды заходил гость, его обязательно сажали за стол. Он не имел права отказываться от еды. Если он отказывался, то хозяева, отвернувшись в сторону, говорили: *Лыйм вай йлмн унл вусэн элты ат метшалайн* «Пусть тебе на том свете рот заткнут подстилкой от гнилых кисов». Так они выражали свою обиду за отказ от их хлеба и соли.

Если даже гость не хотел есть, он должен был выпить чашечку чая. Человек, закончивший пить чай, должен был перевернуть чашку, иначе ему снова и снова будут наливать чай, т.к. не принято было у гостя спрашивать, будет ли он еще пить чай. Чашка у гостя должна была быть всегда полной.

Пока не закончат есть, из-за стола никто не выходил, а тем более, не принято было уходить из дома во время еды. Если все же нужно было кому-то уйти из-за стола, уходящий говорил: *Пасанен*

катлап! «Стол держите!». Если хозяева и присутствующие при этом не держали стол, то считалось, что уходящий уносит с собой пищу и вкус еды этого дома («Лэтот вуртлал панан тулайт»).

Если гость утошал хозяев своей едой, то он не должен был есть эту еду, а утощался едой хозяев, иначе, придя домой, мог получить укус от своей собаки («И лув амплн пурла»). Посуда, в которой приносилось утошение, никогда не возвращалась пустой, иначе и хозяину вернут пустую посуду. Так поступали потому, чтобы еда никогда не кончалась.

После еды нельзя было говорить, что объелся, а принято было, выходя из-за стола, сказать, что слава богу, дескать, наполнил одну половину своего желудка, а вторую половину наполнит, когда будет еда в следующий раз («И хон сун пелкем ши тэкнса»). Иначе считалось, что духи услышат о перенасыщении и не дадут еды в следующий раз, такие установки свидетельствовали о страхе хантов перед голодом.

Заканчивая есть, старались не оставлять свой кусок хлеба, мяса, а все доесть, иначе его *юрл, сюнл* («сила и счастье») перейдут к тому, кто будет доедать кусок, и этот человек сможет прочесть его мысли.

Иногда взрослые, особенно дедушки и бабушки, специально откусывали от мяса и хлеба и давали внукам или детям с приговоркой: *Ма юрэм, ма исем нанен ат питл!* «Пусть моя сила и мой век перейдут к тебе!».

У хантов не принято было наказывать едой. Еду приравнивали к священнодействию. Недаром духам всегда в первую очередь ставили нетронутую пищу. Сытый человек был всегда добрей и лучше. Ханты считали, что через еду духи давали силы для добрых дел. А это было основной нормативной установкой у хантов.

За праздничным столом полагалось говорить друг другу различные пожелания и тосты. У тоста *Ояна-пищана* «Счастья-веселья» всегда есть ответ *Исана нуптуна* «Долгой памяти». Желали друг другу *Талан ёш, талан кур* «Целых рук, целых ног». Известны и такие пожелания: *Шунь вуша!* «Счастье, здравствуй!» *Ям вуша!* «Хорошее, здравствуй!» *Ям нумасн* «С хорошими мыслями!» Застольный этикет бывает различным, в зависимости от того, связан ли он со свадебными или похоронными, священными обрядами. С застольным этикетом переплетается гостевой этикет, где встреча гостя сопровождается утошением и пиршеством.

Ханты жили в тесном контакте с природой. Любой мог прочесть следы зверей. Опытный охотник, взглянув на след лося, мог сделать вывод, догонит он этого лося или уже поздно за ним идти.

Священные места ханты — это настоящие заказники. В старину без надобности люди там не бывали. На святых местах нельзя было трогать землю, громко разговаривать, ловить рыбу, пить воду. Даже дрова для священного костра приносили с собой. Чтобы не помять, не поранить землю во время священнодействий подошвы ног оборачивали берестой.

К зверям и птицам относились уважительно, особое отношение было к медведю, т.к. он считался священным животным. Если встречался в лесу свежий след медведя, нужно было положить волос на след медведя и сказать: «Волосом закрываюсь, чтоб ты меня не заметил». О медведе говорили уважительно и иносказательно. Даже зимой, когда Он спит, если кто-то вспоминал о Нем, Он «записывал» на своей лапе то, как о Нем отзывались. Если кто-то отнесся к Нему непочтительно, то обязательно летом медведь наказывал этого человека. Такие поверия воспитывали любовь к природе, уважение к животным, живущим рядом. Складывались определенные уважительные взаимоотношения с природой, которая давала все для жизни человека.

После зимы, когда в первый раз садились в лодку, обязательно мочили голову речной водой и приговаривали: *Нови лов шаш элты, питы лов шанша омсум. Поть. Поть!* «Со спины белой лошади пересел на спину черной лошади. Поть. Поть!» Этот обряд выполнялся с той целью, чтобы дух воды знал, кто к нему хорошо относится. Люди как бы оберегали себя и своих близких от трагедий на воде.

В период сбора ягод, если высыпались ягоды, их не собирали обратно. Считалось, что лесному духу угодно оставить ягоды у себя. Многие виды этикета народа сохранились и по сегодняшний день. Они строго соблюдаются людьми старшего поколения, живущими традиционной жизнью, ведущими традиционное хозяйство. Почти не изменился религиозный этикет. Другие же виды этикета с изменением условий жизни, ведения хозяйства соблюдаются частично. Это наблюдается в этикете общения, трудовых отношений. В современную жизнь ханты вошли этикетные формы других народов: русских, коми, ненцев. Они уживаются вместе с традиционными формами этикета народа. Соблюдение их вырабатывает новые нормы поведения между людьми.

Все эти обычаи, запреты являлись нормой жизни хантыйского народа, они включали в себя набор универсальных человеческих ценностей: почтительное отношение к старшим, родителям, женщинам, гостеприимство, скромность, благожелательность и др. Они помогали жить в согласии с окружающей средой, а также способствовали выживанию и продолжению рода в сложных условиях Севера.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остяцком, сочиненное в 1715 году. СПб., 1884.

2. Нарымский край. Сост. Н.Костров. Томск, 1872.

Maina Lapina

TRADITIONAL KHANTY ETIQUETTE

This work is devoted to the traditional Khanty etiquette. Many elements of the etiquette are still observed by the elder generation. The religious etiquette is still preserved. But due to the changes in life conditions some forms of etiquette are changing.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Татьяна Миннияхметова
Уфа

МАЛЕФИЦИЙ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБРЯДАХ ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ*

Культура закамских удмуртов представляет собой весьма своеобразное явление. Проходя через различные исторические эпохи, вступая в экономические и политические отношения с различными народами, сознание этой группы удмуртов аккумулировало в себе элементы различных культур. В их самобытнейшей культуре отражены древний мифологический пласт, поздние религиозные наслоения, связанные с христианизацией этой группы, и многие изменения, происходящие в современном мире. Но, несмотря на предполагаемый комплексный характер, она хранит в себе многие черты, присущие лишь данной этнической группе — закамским удмуртам — и характерные для удмуртов в целом.

Примером, раскрывающим одну из сторон этой сьоеобразной культуры закамских удмуртов, является так называемый малефиций — распространенное явление в традиционных обрядах и быту исследуемой группы удмуртов. Малефиций известен человечеству давно, а в последние десятилетия, на удивление, он начинает вызывать неиссякаемый интерес самых широких слоев общества. Даже представители научных кругов, которые до недавнего времени в основной своей массе игнорировали эту проблему, сегодня не только не отрицают существование издревле известных паранормальных явлений, но и принимают участие в их изучении.

Малефиций был связан с языческой верой: язычники поклонялись природе, которая, по их представлениям, давала силу, энергию. Информанты-язычники говорят о чудесных проявлениях подобной энергии. К тому же и сама эта религия не отрицает существование сверхъестественных сил, способных совершать аномальные поступки, воздействовать на природу и человека. Исключительные способности, свойственные некоторым людям, в последние годы получили многочисленные научные подтверждения.

---

* Доклад, прочитанный на VIII Международном конгрессе финно-угроведов.

Малефиций, по литературным источникам, — это черная магия, или же «колдовство с помощью адских сил, дьявола» (1); творить малефиций, значит причинять «вред здоровью, жизни и имуществу людей» (2). Он имеет место в представлениях различных народов, как волшебство, магия, колдовство, чародейство, или же как сверхъестественная способность при посредстве ритуала воздействовать на мир человека. В низшей мифологии этой способностью наделялись люди, заключавшие «союз с нечистой силой, дьяволом — ведьмы, колдуны, оборотни»: заклинаниями (заговорами) и магическими действиями они насылали порчу на людей и скот, губили урожай (2, с. 661). Обычно в народном представлении они имеют облик антропоморфных существ, покрытых черной шерстью, с рогами, хвостами и копытами или же — горбатых, уродливых старух с клыками, растрепанными волосами и перекинутыми через плечи грудями. Они отличаются от прочей «нечисти» свободой передвижения, способностью менять облик и устраивают сборища, называемые «шабаш». Таковы *Вегин (Вединь)* у удмуртов; *Убыр* у казанских татар, татар-мишарей, западно-сибирских татар и башкир: *Вуверкува* у восточных марийцев; *Волкодлаки* у славян; *Агызмал* у абхазов: *Босоркань* у венгров; *Рагана* у литовцев.

По представлениям закамских удмуртов, обладающие способностью творить черную магию схожи в чем-то с вышеназванными, но в то же время имеют некоторые различия. По словам информантов, внешне они ничем не отличаются от обычных людей, но якобы наделены потребностью ежедневно творить зло, более же значительное зло они совершают в определенное время суток, недели, года. Например, благоприятны для подобных мероприятий переходные состояния времени: полночь и сумерки, из дней недели — среда (реже — суббота), в году — весна и осень. Основным носителем малефиция была женщина, хотя такими же способностями, по народным представлениям, обладали и некоторые мужчины.

В исследуемом регионе людей, которые якобы владели темной силой, называли по-разному: ведон (ведьма), веднаськись (ведающий), тодэмо (со знанием, имеются в виду знания о темных деяниях), тодисьвалась (знающий-понимающий), сорись (портящий), уйин ветлись (странствующий ночью), потась (выходящий, т.е. покидающий пределы своего владения, могилу), бутатись (умеющий), бертась (возвращающийся с кладбища). Кроме этого, в разговоре часто можно услышать термины, более обобщенно характеризующие эти существа. Это — шайтан, убыр, жин, пэри — все они заимствованы из тюркских языков. Здесь следует оговориться, что эти перечисленные названия принадлежали не злым духам, бытующим в мифологических представлениях народа, а

реальным людям. Зло, которое они творили, это чаще всего не месть кому-то за что-то, а это их «потребность» и «призвание». По народным представлениям, если они не будут совершать вредных поступков, то им «будет невыносимо жить, будет плохо».

В данном сообщении предлагаются для рассмотрения материалы о порче, исполнителями которых, по народным представлениям, являлись «наделенные потребностью творить черную магию» (в отличие от практикующихся «понаслышке»). Для удобства нами будет использоваться только одно слово — ведьма — в качестве термина, обозначающего людей, способных творить малефиций.

Основой данной работы служат полевые материалы, собранные у информантов, возраст которых различен (от 20 и более лет).

По традиционным представлениям, не принято открыто говорить о людях, обладающих «нечистой силой»: «ведьмы не любят сплетни и строго наказывают распространяющих слухи о них». Сами же способные творить чудеса не признаются в этом и ссылаются на незнание о их существовании, но при упоминании лишь невольно соглашаются с бытующим мнением других. Причину утаивания, естественно, раскрыть не удалось. Возможно, это связано с опасением преследований или же существует некий запрет говорить об этих вещах.

Внешне определить людей, умеющих творить малефиций, почти невозможно, хотя принято считать, что их обычно выдают глаза, которые блестят. Также говорят, что при встрече и последующем разговоре они не смотрят в глаза собеседника. Иногда ведьм можно узнать при их замешательстве перед каким-либо препятствием, специально подготовленным кем-то для защиты от них. Например, чтоб проверить, действительно ли ведьма присутствует в помещении, над дверью прикрепляют рябиновую ветку, после чего ведьма якобы не может выйти оттуда. Об одном из способов распознавания ведьм было написано еще в начале нынешнего столетия Б.Мункачи: «Когда ведьму сажают за стол кушать, то ей подают рябиновую ложку, которой она не в состоянии есть, бросает ее под стол, просит другую» (3). В случае, если ведьма идет на «дело» в облике другого человека и по дороге ей кто-то встретится, то последний, «расстегнув пуговицу или развязав узел на одежде, может вернуть ведьму в нормальный вид». В результате ведьма выдает имя того, к кому она направлялась или кого уже успела «попортить», а поймавший ведьму может снять порчу с пострадавшего.

В исследуемом регионе, по этнографическим материалам, ведьмы подразделяются по силе и уровню способностей на несколько условных групп. Часть из них «владеет способностью насылать неду-

ти, болезни на человека, животных, растения, предметы (камни, столбы и т.п.)»; другие «занимаются порчей отношений между людьми, сеют раздоры в семье и среди родственников»; наиболее сильные, якобы, могут быть оборотнями, т.е. «превращаться в животных, птиц»; самые могущественные даже возвращаются с «того света» после смерти.

Способности ведьм (т.е. что, как и где навредить) и соответствующие им названия варьируют в зависимости от локальных особенностей. Например, в одном из населенных пунктов всех умеющих творить малефиций принято называть «веднаськись» (т.е. ведающий), независимо от того, сильный он или слабый в своем искусстве.

Исходя из предложенной классификации, к первой группе можно причислять малефиций, воздействующий на физическое состояние избранного для порчи объекта. Распространенными способами в народе принято считать следующие:

— сглаз: чтобы сглазить человека, животное или растение, ведьме необходимо лишь окинуть его взглядом, легче всего это достигается спереди, т.к. больше уязвимых точек находится в передней части тела. Сглазить можно также, похвалив человека из-за зависти. После этого начинается недомогание, переходящее потом в страшные страдания;

— заколдованная пища (кроме хлеба), в основном, это напитки: проще всего наговорить на пищу, предназначающуюся для порчи кого-то; часто в нее что-то добавляют, например, воду, которой мыли покойника. Поэтому во время похорон строго следят за тем, чтоб никто посторонний не присутствовал при выливании этой воды. Другой пример: видимо, одной женщине добавили в еду порошок из высушенных кузнечика и лягушки, после чего она перестала спать по ночам, а до утра «пела песни, подобно этим природным существам». Известно еще одно средство, способствующее понижению или лишению половой потенции мужчины. С такой целью в пищу добавляют насекомых, обитающих на листьях сирени (сирень папа);

— деньги, красивые предметы (бусинки, лоскутки ткани, ленты и т.п.) подбрасывают на дорогу, где обычно ходят люди. Если кто-то подберет эти вещи, непременно заболеет;

— если золу или землю с кладбища подсыпать у ворот, случайно наступивший, якобы, заболеет и через некоторое время умрет;

— закопанные предметы, заранее заговоренные; процесс их гниения отражается на здоровье того, для кого предназначалась порча. Так, у одной женщины было три сына. Как-то летом они копали ямы для столбов и обнаружили в земле два осиновых кола. Не придав этому значения, они выкинули их вместе с мусором. Когда хо-

зяйка рассказала о находке соседке, та посоветовала ей искать третий кол, предупредив ее, что тут не чисто. Женщина не послушалась соседки, ничего не предприняла. Через два месяца заболел ее младший сын. Врачи не обнаружили ничего подозрительного в организме страдающего молодого человека, не смогли поставить никакой диагноз. Когда обращались к знахарям, у тех был однозначный ответ: порча. Но вылечить, сказали, уже поздно и пострадавшие сами в некоторой степени виноваты в этом, т.к. вовремя не прислушались к советам. Через два года парень скончался. И лишь после такого несчастья мать от горя решилась искать третий осиновый кол и после недолгих поисков обнаружила его гнилые остатки;

— кража вещей, смазывание кровью предметов быта и одежды, вырезание отверстий на них. В тех случаях, когда на ночь оставляют сушить белье, всякую утварь, читают заклинания-обереги.

Вторая группа включает малефиций, разрушающий добрые отношения между людьми в семье, роду, коллективе и т.п. В этом случае также распространенным считается воздействие через пищу. Например, добавляют смесь крови собак и кошек с пожеланием, чтоб люди так же стали относиться друг к другу, как эти животные. Был случай, когда с такой же целью в колодец сбросили кошку с собакой. В доме или на пороге оставляют запутанные волосы и нитки.

Чтоб поссорить жениха с невестой, на свадьбе тайно втыкают в одежду одного из них ежовую иголку или же расставляют обувь меняя местами, т.е. правую ставят на место левой. Чтобы породнившиеся стороны ссорились между собой, в свадебный поезд прячут два куриных яйца, острыми концами ставя одно к другому.

В 50-е годы произошло невероятное событие в жизни одной женщины — моего информанта. Вскоре после свадьбы ей пришлось разводиться с мужем. Когда она с родителями приехала за своим приданым, мать мужа выбрасывала ее вещи сквозь карнизное отверстие чердака. После подобных операций в дальнейшем невеста уже не может найти свое место в жизни, становится непригодной нигде и ни для кого, подобно дыму, который также выходит через чердак.

Следующую группу составляют оборотни. По сведениям информантов, чаще всего «ведьмы превращаются или встречаются в облике кошек, собак, свиней, коз, быков, гусей, уток».

Так, один мужчина, работавший киномехаником, обычно после сеансов возвращался домой после полуночи. Часто ему встречались подозрительные объекты в виде птиц. Однажды зимой домой шел он с соседями, и вдруг под ноги им упал гусь, ударившись об электрические провода. Механик предложил побить птицу, т.к. не раз она уже попадается ему, что и было им исполнено. Наутро скончалась в

деревне старуха, которая считалась ведьмой, и она была в синяках и с поломанными конечностями.

В 1976 году летом три девочки, 10, 12 и 14 лет, возвращались из леса домой. На дороге, ведущей к дому, примерно в ста метрах от них, стоял незнакомец; через 10-15 секунд они вдруг обнаружили на его месте мальчика и девочку — одноклассников самой младшей спутницы — и радуясь предстоящей встрече, вскоре зашагали к ним. Внезапно мальчика с девочкой не стало, а на их месте появился заяц величиной с человека. Спутницы стали громко кричать, и заяц медленными прыжками поскакал в лес.

Пожилые люди рассказывают, что раньше ведьмы не снимали нагрудных украшений из серебряных монет, когда шли на «дело». Тогда их было слышно, хотя и не видно.

Последняя группа состоит из ведьм, определяемых народом как самые сильные: они возвращаются домой после смерти. Очевидцы рассказывают удивительные истории, случившиеся в их жизни, когда им встречались в обычном виде люди, уже умершие. Таких «ведьм чаще всего обнаруживают в местах обитания человека и животных во время сумерек, в полночь и рано утром». Чтобы подобного не происходило, еще на похоронах в одежду ведьмы втыкают иглу. Но в случаях их «выхода» из могилы у ног покойного на кладбище вты-

кают осиновый кол.

Представленная классификация является далеко не полной, она не охватывает многих необъяснимых явлений и поступков, совершенных ведьмами. Говорят, что сильные ведьмы могут навредить слабым. Одна женщина, не заметив того, призналась, что ее мать, будучи слабее одного ведуна-мужчины, никогда не поддавалась ему. Распространено мнение, что ведьмы вынуждены «пройти» ежедневно расстояние 40 км, иначе они «мучаются». «Испортить человека» можно с помощью заговора его следа, оставленного босой ногой. Если же не находят объект для порчи, то насылают ее на деревья, столбы, камни или просто по ветру.

Почему люди обладают этим искусством, каким образом обучаются необычному ремеслу? Принято считать, что это приобретенные навыки, а не природный дар. Как правило, черные маги обучают этому своих потомков через одно поколение: т.е. бабка или дед передают свои знания и умения внукам. Как именно выбирается «ученик» — покрыто тайной и установить это еще не удалось. Сложнее тем, у кого нет наследников. Им приходится искать своих последователей. Избранником становится член семьи, которого недолюбливают, обижают, часто ругают (в основном это дети). И это неудивительно, т.к. люди полагают, что обделенный вниманием ребенок

ничем не защищен от вредных сил и доступ к нему является свободным. Передать же свои способности кому-нибудь перед смертью они вынуждены, иначе, по народным представлениям, им бывает невыносимо трудно уходить в мир иной.

Однако в народе существовала вера в способность и возможность нейтрализовать действие черных сил и вступать с ними в противоборство. Для этого следует знать некоторые правила: носить оберег, в нужное время употреблять предупреждающие и оберегающие молитвы-причитания. Например, ведьмы наиболее активными бывают в весенние и осенние календарные праздники. В ночь на великий четверг (кулон потон жыт) им предоставляется возможность что угодно делать, поэтому предостерегаясь, очерчивают дом и хозяйственные постройки металлическим предметом, всем членам семьи и домашнему скоту вешают обереги из рябиновых веток. В дни поминовений в ворота втыкают можжевеловые или рябиновые ветви, пучок ковыля. И кроме указанных сроков принято вбивать у порога иголку без ушка или прятать над косяком режущие и колющие железные предметы. В повседневной жизни особенно женщины носят булавки, к шее привязывают мешочек с порохом, в карман прячут дольку чеснока или луковицу. Новорожденному пришивают к чепчику или привязывают к руке серебряную монету, раковину каури или яркую бусинку. Опасаясь злых сил, не разглашают имя младенца до обряда свадьбы новорожденного (бэбэй туй/нуны сюан), потому что знание имени дает ведьмам власть над носителем.

Необычные явления, поражающие человеческое сознание, многообразны. В данном случае рассмотренный малефиций — всего лишь один из видов или форм их проявлений, пути проникновения в суть которых еще не выявлены. Этот таинственный мир до сих пор остается непознанным, нераскрытым.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Современный словарь иностранных слов. М., 1993.
2. Мифологический словарь. М., 1991.
3. Volksbrauche und Volksdichtung der Wotjaken aus dem Nachlasse von Bernhard Munkacsi Herausgegeben von D.R.Fuchs. Helsinki, 1952.

Tatyana Minniyakhmetova

MALEFICY IN TRADITIONAL RITES OF THE TRANS-KAMA UDMURTS

The work is devoted to the analysis of field researches of the black magic, carried out among the Trans-Kama Udmurts. The author characterises the rituals conducted with the help of maleficy. The traditional folk methods of protection from the black magic are also examined. But many elements of maleficy are still not properly investigated.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Елена Дубровская
Петрозаводск

ЖУРНАЛ «КАРЕЛЬСКИЕ ИЗВЕСТИЯ» КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАРЕЛ

В результате межнациональных контактов у людей складываются определенные представления друг о друге. Эти представления очень устойчивы, их называют этническими стереотипами. Крайней формой проявления этнических представлений являются этнические предрассудки, которые часто становятся одной из причин межнациональных конфликтов. Изучение историко-этнографических источников, в которых зафиксированы сформировавшиеся в культурах представления об этносах — соседях, — необходимый этап, предшествующий теоретическому обоснованию проблемы этнических стереотипов.

До недавнего времени вне поля зрения отечественных исследователей оставались сложные и интересные вопросы исторического развития населения из пограничных с Великим княжеством Финляндским карельских волостей Кемского уезда Архангельской губернии. Жители этих волостей имели тесные экономические связи с соседними территориями и испытывали заметное влияние финской культуры. Еще менее изученными остаются судьбы карельского населения восточных уездов Финляндского княжества. А ведь среди жителей Выборгской губернии, входившей в его состав, карел было около 20 тыс. человек, т.е. приблизительно столько же, сколько их проживало в Кемском уезде.

В истории карельских уездов Олонецкой, Архангельской и Выборгской губерний события XIX — начала XX вв. стали прологом к развернувшейся накануне Первой мировой войны борьбе двух тенденций в развитии национальных процессов в крае — панфинского движения и усиления русского великодержавия. Та и другая тенденция препятствовали национальному самоопределению карел. Финляндская политика царизма на рубеже веков спровоцировала взрыв антирусских настроений в княжестве, и зачастую недовольство политическим и национальным притеснением переносилось в сферу противоборства лютеранского и православного вероисповеданий.

Отголоски этой борьбы два десятилетия спустя прозвучали со страниц журнала «Карельские известия», который в 1914 — 1917 гг. издавало в Выборге Карельское Православное Братство, представлявшее правительственный лагерь. Именно в Выборге находился центральный совет Братства. Как и в других губернских городах — Петрозаводске и Архангельске, здесь действовало его отделение. В уездных городах существовали особые уполномоченные, в приходах создавались кружки во главе со священником.

В 1913 году «Карельские известия» — «двухнедельный орган по вопросам религиозно-православной, политической, общественной и народной жизни» — увидел свет первоначально как издание православного кружка в с.Салми (Приладожская Карелия) и редактировался местным священником Петром Шмариным. В журнале публиковались статьи на русском языке с переводом их на карельский. Машинописные экземпляры 7 первых номеров журнала удалось обнаружить лишь в библиотеке Университета Хельсинки. Уже в конце 1914 года финляндское отделение Братства в Выборге возложило на себя обязанности по выпуску журнала, а с июля-августа 1914 года при поддержке отделения этот печатный орган издавался в Выборге типографским способом. С 1915 года ежемесячно публиковались 3 номера, их общее количество в год составило 27. С 1917 года «Карельские известия» должны были стать еженедельным органом, до Февральской революции увидели свет 8 последних номеров журнала. На пороге нового 1917 года его редакция во главе с выборгским священником Н.Варфаломеевым предполагала к концу года выпустить 50-52 номера.

Журнал ориентировался на средние слои интеллигенции, местное духовенство и чиновничество, купечество и зажиточное крестьянство Южной Карелии, тяготевшее в своем развитии к Петербургу. На его страницах появлялись сообщения из сел и деревень Карелии, зачастую под говорящими псевдонимами «Карельский», «Тайпальский», «Старый учитель», «Онега», «Карельский странник», «Патриот». Подавляющая масса публикаций в журнале была подчинена главной цели — убедить читателей в пагубности просвещения, идущего из Финляндии, противопоставить ему результаты противолютеранских мероприятий, проведенных Братством.

Известная тенденциозность появлявшихся в журнале публикаций легко объяснима той атмосферой яростных столкновений между православными и лютеранскими просветительскими организациями за влияние на карельское население, которая непосредственно предопределила содержание статей. И все же, несмотря на явную предвзятость в освещении обстановки в карельских уездах, публикации

сохранили множество ценнейших сведений о самых различных сторонах жизни края, в них отразились черты крестьянского быта, содержатся сведения о низком уровне экономического развития северной деревни, прежде всего Архангельской Карелии. Особенно примечательны наблюдения этнографического плана.

В первом же опубликованном в Выборге номере «Карельских известий» появилась статья «Карелы в Финляндии», сообщавшая, что «в широком смысле карелами в Финляндии называют всех вообще финнов, живущих в пределах древней Карелии, некогда обнимавшей собою нынешнюю Выборгскую губернию, большую часть Куопиосской и части губерний С.Михельской и Улеаборгской. Эти карелы (ок. 1 миллиона человек) отличаются от западных финнов некоторыми этнографическими признаками», среди некоторых перечислены «несколько меньший рост, относительно большое число темноволосых и темноглазых, немного более живой характер, немного иной говор». Но по религии, свидетельствует автор статьи, они «сплошь лютеране», и по образу жизни, взглядам и симпатиям составляют с финнами «в сущности один народ». К этой массе финско-карельского населения близко примыкает небольшая группа (около 8-9 тыс. человек) православных карел, живших в двух юго-восточных уездах (Иломантском и Либелицком) Куопиосской губернии, которые «уже почти совсем офиннились» и православное богослужение совершается для них на финском языке. «Православные карелы же Выборгской губернии, — читаем далее — значительно обособлены не только от западных финнов, но и от офиннившихся соплеменников, как по языку, в котором очень много (около 20%) слов русского происхождения, так и по укладу жизни, одежде, обычаям, на коих сказалось давнее и сильное русское влияние». Они наиболее сохранили «свои отдельные племенные черты и всего ближе подходят к обрусевшим карелам Архангельской и Олонецкой губерний». В заключение автор отметил, что под карелами в узком смысле «разумеются ныне в Финляндии только православные карелы Выборгской губернии», которые занимают весь Салминский уезд и разбросаны по разным селениям в других прилегающих к Ладожскому озеру уездах: Сердобольском, Кроноборгском, Кексгольмском..., таких православных карел около 30 тыс. человек, из около 25 тыс. живут в Салминском уезде, где они составляют три четверти всего населения».

Наряду с публикациями такого рода в журнале появлялись заметки об обычаях и традициях карел. Среди них наиболее примечательно описание похоронных обрядов в русской Карелии в № 23 журнала за 1914 год. Автор заметки, подписавшийся инициалами

И.Р-в, сетовал на то, что «еще и теперь вся жизнь карела насквозь пропитана разными языческими суевериями и обрядами. Однако приведенное им наблюдение над похоронно-поминальной обрядностью начала века свидетельствует о бытовавших тогда обычаях, связанных со смертью человека. Как отметил автор, «тотчас после смерти члена семьи хозяин дома или старший в роде идет в хлев и там усердно молится богу скота Власию, чтобы тот сохранил любимую лошадь или корову от возможных посягательств на нее со стороны усопшего».

Петрозаводская исследовательница Н.А.Лавонен описала этот же обычай, сохранившийся до сегодняшнего дня, со слов современных жителей южно-карельской деревни Улялега Пряжинского района: «Сразу же идут в хлев и, похлопывая корову, овец рукой, приговаривают: «Это моя, это моя, это моя...» Зачастую так «делили» — оберегали не только домашний скот, но и детей (1, с. 32-33).

Автор «Карельских известий» упомянул и о хорошо известных ученым элементах традиционного погребально-поминального обряда карел: «Рот умершего закрывают чистой тряпкой, чтобы в него не мог войти диавол. Рядом с телом усопшего ставят чашку с водой (чтобы душа, вышедшая из тела, могла сразу же обмыться), мыло, использованное для обмывания покойника, бросали в реку или применяли при различных магических действиях. Тело часто обкуривали ладаном, в гробу делалось окошечко, куда вставляли стекла, «на то место, где до положения в гроб лежал умерший, ставят кочергу, а в самый гроб кладут костыль», в момент погребения в могилу бросали деньги, «выкупая место». Но автор заметки привел и другое услышанное им объяснение последнего обычая: «говорят, что деньги нужны покойнику для уплаты за проезд через какую-то огненную реку... По возвращении с погоста, при входе в дом, все участники похоронной процессии касаются рукой печки».

Особый интерес представляет публиковавшийся в журнале в 1914 — 1916 гг. «Дневник карельского миссионера» и путевые заметки, оставленные помощником синодального миссионера иеромонахом Исаакием. В разных номерах печатались подобные описания около 10 миссионерских поездок по приходам с православным карельским населением, которые совершил епископ Киприан, а после его смерти — преемник Киприана на посту епископа Сердобольского и главы Карельской миссии Владыка Серафим. На протяжении 6 лет Исаакий неизменно участвовал в таких поездках. Владея карельским языком, он стремился «подробно ознакомиться с жизненным бытом карел».

Во время первой миссионерской поездки в декабре 1913 года по маршруту Выборг — Йоэнсуу — Нурмес — Куухмо — Аконлахти — Костомукша — Вокнаволок — Поньгогуба — Войница — Ювялакша — Ухта — Малвиайнен — Тихтозеро и обратно по Беломорской Карелии путевые заметки вел не только Исаакий, но и его спутник из числа сопровождавших Киприана. Оба источника были опубликованы «Карельскими известиями», что позволяет критически сопоставить сведения по социально-экономической и этнической истории карельского народа, содержащихся в них. В дневниках, привезенных из каждой поездки, Исаакий подробно перечислял количество дворов в деревнях и селах на пути следования миссии, типы школ, действовавших в них, наличие земских больниц или, наоборот, отмечал бросавшиеся в глаза отсутствие почтовых станций и бездорожье, особенно в Архангельской Карелии.

Большое значение имеют упоминания «Дневника» о национальном составе населения в том или ином пункте. Сделав запись о жителях 15 дворов деревни Канабра во время поездки миссии осенью-зимой 1915 года из Сердоболя (Сортавала) в Приладожскую Олонию, автор отметил, что среди них «половина карел русских и половина карел финских граждан», село Пряжа охарактеризовано им как «карельская местность, но сильно обрусевшая».

В результате 500-верстного путешествия в феврале-марте 1915 года из Сердоболя в Петрозаводск через крупные села Кязнажи, Колатсельгу, Тулмозеро, Корбинаволок, Шеккилу, Крошнозеро, Салменицы, Корзу, Эссойлу, Сямозеро, Вешкелицы и глухие деревни Исаакий заключил, что в Южной Карелии, тяготевшей к Петербургу, почтовое дело было поставлено не намного лучше, чем в Беломорской Карелии, по которой в 1916 году миссия вторично проделала маршрут в 2000 верст.

В «Дневнике» описывался характер сельскохозяйственных занятий жителей сел и деревень, разновидности промыслов, в частности, неоднократно упоминается занятие коробейничеством населения Северной Карелии: «почти все хозяйства промышляют в Финляндии, принося оттуда тамошний жизненный уклад». Исаакий отметил, что огородничества и садоводства здесь не было совершенно, хотя для выращивания овощей благоприятствовали и почва, и климатические условия. По мнению автора «Дневника», «карел рассчетлив в своих трудах и на слово не поверит», поэтому для укоренения огородничества в крестьянском хозяйстве он рекомендовал соотечественникам добиться получения здесь первых наглядных практических результатов, благодаря которым «карел поймет и оценит, что такое овощи».

Просветительская деятельность православных церковнослужителей не сводилась, таким образом, лишь к вопросам вероучения, а иногда имела результатом и практические советы населению. Силами духовенства и учительства проводилась работа по сбору краеведческого материала, связанного с прошлым и настоящим не только карельских уездов Олонецкой и Архангельской губерний, но и всего Русского Севера.

На основе анализа опубликованных в «Карельских известиях» материалов процесс формирования этнических представлений и наблюдений выглядит следующим. Основными чертами этнического сопоставления авторов статей были выбраны внешность, язык, специфические черты национального характера. Несмотря на абстракцию, свойственную стереотипам, авторы довольно верно схватывали характерные антропологические черты карел. Однако направления, в которых они работали, во многом определялись политической обстановкой в России, что особенно ярко выразилось в борьбе с «панфинской опасностью» и в стремлении доказать, что карельский народ по своим антропологическим признакам, языку, характеру ближе к русским. Так, в самом начале поездки по Беломорской Карелии иеромонах Исаакий отмечал: «Карел-мужчина почти ничем не отличается от русского, такой же приветливый, живой», «мужчины и женщины очень гостеприимны и услужливы. Это их отдельная и похвальная черта. Замечается наклонность к религиозности и любовь к духовенству». Автору «Дневника» свойственно опоэтизированное отношение к карелам, сохранившим свои нравственные качества в первозданной чистоте.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Лавонен Н.А.* Из наблюдений о бытовании погребально-поминального обряда в Южной Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1993.

Elena Dubrovskaya

MAGAZINE "THE KARELIAN NEWS" AS A SOURCE OF INFORMATION ON THE ETHNIC HISTORY OF THE KARELIAN

"The Karelian News" was published in 1914-1917 and expressed two tendencies in the development of national processes in the Karelian uyezds (districts). The magazine reflected the struggle between the Orthodox and the Luterane enlightener organizations. It covered different questions of the religious, political, social and folk sides of life of the Karelian. This magazine is one of the most precious sources of information on the ethnic history of the Karelian.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Игорь Жеребцов
Сыктывкар

ЭТАПЫ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАРОДА КОМИ В XI – XX вв.*

К настоящему времени стало возможным предпринять попытку обобщения имеющихся в материалах писцовых и переписных книг, ревизий и переписей населения, в опубликованных трудах данных об этнодемографическом развитии коми с времен формирования древних коми (перми вычегодской) до современности и, в частности, дать периодизацию этого развития. Автор настоящей работы видит свою задачу в том, чтобы выделить основные этапы этнодемографического развития народа коми в XI — XX вв., исходя из трех критериев: 1) изменения в территории расселения коми, 2) изменения в численности коми, 3) изменения в национальном составе населения, проживавшего на этнической территории коми.

Древние коми (культура перми вычегодской) сформировались в XI в. По данным археологов, древние коми (пермяне) населяли Вычегду, Вымь, Вишеру, Сысоль, Лузу и Вашку (1). Этнограф Л.Н.Жеребцов полагал, что на Вашке древние коми появились несколько позже, чем в остальных перечисленных районах. По предположению Л.Н.Жеребцова, пермяне первоначально жили также на верхней Вятке и ее притоках, Юге и Малой Северной Двине, а затем (вероятно, в конце XI — 1 половине XII в.) их поселения появились на берегах нижней Сухоны, верхней Ваги, Устьи и Северной Двины ниже устья Вычегды (2).

Первые полтора столетия существования перми вычегодской (XI — середина XII в.) составляют первый этап этнодемографического развития древних коми, который можно назвать этапом первоначального расселения. Не исключено, что (согласно гипотезе Л.Н.Жеребцова) в это время происходило некоторое расширение территории расселения пермян в западном направлении. В XI — начале XII вв. в бассейне Северной Двины (в западной его части, не занятой пермянами, — низовья Северной Двны, верхняя Сухона)

---

* Доклад, прочитанный на VIII Международном конгрессе финно-угроведов.

появились первые русские переселенцы, но массового притока мигрантов с Руси в земли древних коми не было.

Постепенно приток первых русских переселенцев в бассейн Северной Двины усиливался. Этому способствовал более теплый климат первой половины II тысячелетия н.э. (малый климатический оптимум), благоприятствовавший развитию на Севере земледелия. Э.А.Савельева датирует XII столетием начало активной древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока (3). Особенно большое значение имело основание в конце XII — начале XIII в. Гледеня и Устюга, сыгравших огромную роль в присоединении к Русскому государству земель по Малой Северной Двине, Югу, нижней Сухоне, Лузе и низовьям Вычегды. Поэтому конец XII в. можно считать началом нового, наиболее длительного этапа этнодемографического развития народа коми, продолжавшегося до конца XVII столетия.

Это был этап постепенно нараставшего этнодемографического кризиса. Он состоял из двух периодов. В течение первого периода (конец XII — середина XVI в.) кризис затронул только западную часть расселения древних коми и был связан с усиливавшейся русской колонизацией европейского Севера и Северо-Востока. Приход численно превосходившего иноязычного населения с иным культурно-бытовым и хозяйственным укладом создавал очевидные трудности для дальнейшего развития коми этноса, и в первую очередь для функционирования традиционного охотничье-рыболовческого хозяйства коми. По мнению Л.Н.Жеребцова, именно в результате усиления притока иноэтничных переселенцев жившие на нижней Сухоне, Юге, Ваге и Северной Двине пермяне были, за небольшими исключениями, ассимилированы русскими. Некоторая часть древних коми могла под давлением русских переселенцев отойти в районы, расположенные севернее территории первоначального расселения. В частности, Л.Н.Жеребцов полагал, что в XIII в. пермяне появились на Вашке и Пинеге (4). В XIII — XIV вв. русские переселенцы начали колонизацию низовьев Лузы и Вычегды. Даже в самом центре Коми края, близ устья Выми, возникло русское поселение — Усть-Вымский городок. В конце XV — XVI вв. после освоения нижней и средней Мезени и низовьев Вашки русские появились в низовьях Печоры, где возникли Пустозерский городок и Усть-Цильма. В этот же период русские стали большинством населения на Пинеге и Нижней Вычегде — до р.Яренги и д.Межог (на нижней Вычегде коми, однако, жили еще в XVII в.).

Сохранение в последующее время подобных темпов продвижения русского населения на земли коми могло бы привести к скорому

обрусению прилузских, вычегодских, а затем и остальных групп коми народа. Но благодаря присоединению во второй половине XVI в. Казанского, Астраханского и Сибирского ханств к Русскому государству у русского крестьянства появилась возможность уходить на более удобные по сравнению с Коми краем земли. Период активной русской колонизации Европейского Северо-Востока в основном завершился. Наибольшее число русских переселенцев с этого времени направлялось в Поволжье, Прикамье и за Урал.

В конце XVI в. наступил заключительный период II этапа этнодемографического развития коми народа. Кризис усилился, охватив всю территорию края. Если первоначально он выразился в сокращении этнической территории коми на западе, то в конце XVI — XVII вв. он проявился в замедлении прироста населения, а в ряде случаев — и в сокращении числа жителей Коми края. В это время возникли трудности в развитии традиционного охотничье-рыболовческого хозяйства коми. Начался перепромысел зверя, птицы и рыбы; популяции их не успевали восстанавливаться; рентабельность охотничьего и рыболовного промыслов упала.

Ликвидации относительной перенаселенности старожильческих земель могли способствовать миграции в соседние незаселенные районы. В середине XVI в. часть вымских коми переселилась на верхнюю Мезень, другая группа вымичей во второй половине XVI в. — на Ижму; сысольцы в XVI в. стали осваивать район близ устья Сысолы. В XVII в. началось заселение Летки, верхней Вычегды и верхней Печоры. Но к трудностям в развитии охоты и рыболовства в конце XVI — XVII вв. добавились катастрофические по своим последствиям неурожаи зерновых культур. С наступлением малого ледникового периода, пик которого (климатический минимум) пришелся на вторую половину XVI — первую половину XVII в., климат стал холоднее, неустойчивее, возросло число экстремальных природных явлений (засухи, летние заморозки и др.). Результатом частых стихийных бедствий были сильные и длительные неурожаи (в частности, в 1590-х, 1601-1603, второй половине 1630 — первой половине 1640-х гг.).

Из-за неурожаев и голода 1630-40-х гг. население края сократилось с примерно 30 тыс. коми и русских (в середине 1620-х гг.) до 25,3 тыс. в 1646 г. В 1625-1645 гг. на 80% уменьшилось количество жителей Вычегодской Перми, на 47% — Лузской Перми. В 1629-1646 гг. население Выми сократилось на 42%, Сысольской земли — на 22%, Удоры — на 11%, Усть-Вымской вотчины — на 7%, Вычегодской земли — на 4%(5). Во второй четверти XVII в. из Коми края ушли 1052 чел. (в том числе за Урал — 833, в Вятско-Камский край

— 188 чел.), и еще 407 чел. переселились «безвестно» (значительная часть их также ушла за пределы края) (6). Это был пик демографического кризиса в Коми крае.

Во второй половине XVII в. воздействие климатического минимума несколько ослабло. Уменьшилась смертность населения, сократился отток жителей за пределы края. К 1678-1679 гг. население возросло до 31 тыс. чел., из них 18-20 тыс. коми, остальные — русские (в пределах современной Республики Коми, впрочем, жили 1,5-2 тыс. русских, остальные обитали в соседних районах со смешанным коми-русским населением при преобладании последнего). Но климат оставался неустойчивым, что показали неурожаи и голод конца 1670-х — начала 1680-х гг. и 1690-х гг., вызвавшие бегство и высокую смертность населения. Развитие товарно-денежных отношений, имущественное и социальное расслоение «выталкивали» из деревни часть населения, причем наименее обеспеченную. Этот фактор стал играть более значительную роль в демографическом развитии во второй половине XVII — начале XVIII в.

В XVIII в. наступил третий этап — этап стабилизации этнодемографического развития народа коми, продолжавшийся до конца 1920-х гг. Численность населения Коми края в целом стала постоянно увеличиваться. В 1725 г. в Яренском, Пустозерском уездах и в Прилузье проживало примерно 52,5-53,5 тыс. чел., из них в современных границах Республики Коми — 38-39 тыс. коми и 2,5 тыс. русских. В последующее время жившие в низовьях Вычегды и в некоторых других районах коми окончательно растворились среди русских; этническая граница между коми и русскими на Лузе, Вычегде, Вашке и Мезени окончательно стабилизировалась в местах ее современного проживания. В 1745 г. в Коми крае (в пределах современных границ республики) насчитывалось 42-42,5 тыс. жителей, в 1763 г. — 48,5-49 тыс. жителей, в 1782 г. — 55-56 тыс. жителей (из них 51, 5-52 тыс. коми и 3,5-4 тыс. русских). Уменьшилось количество переселенцев, навсегда покидавших Коми край, все большее значение стал приобретать временный уход на заработки.

Стабилизация этнодемографического развития в Коми крае в XVIII в. носила еще относительный характер, поскольку в отдельных районах края временами складывалась неблагоприятная ситуация. Продолжало в некоторой степени сказываться воздействие малого ледникового периода (выражавшееся в колебаниях климата и стихийных бедствиях), однако оно носило локальный характер. Так, в 1745-1763 гг. население Прилузья увеличилось на 26,5%, верхней Вычегды — на 26%, Сысолы — на 20%, Вычегды (ниже устья Сысолы) — на 10% и т.д. Ниже других были темпы роста на северо-западе

края — на Вашке и Мезени, где население увеличилось только на 5%. В последующие десятилетия, к 1782 г., численность жителей Сысолы увеличилась на 13%, Прилузья — на 9.1% и т.д., а на Вашке и Мезени население сократилось на 10%. В первой половине XIX в. климат стал теплее, малый ледниковый период окончательно остался позади. Численность населения Коми края в середине XIX в. возросла до 75 тыс. коми и 8 тыс. русских. В 1929 г. в Коми автономной области (образованной в 1921 г.) насчитывалось 234.7 тыс. жителей, около 90% которых составляли коми. Абсолютное большинство населения проживало в сельских населенных пунктах. Приток инонациональных переселенцев в Коми край на этом этапе был незначителен.

В то же время местное население активно осваивало соседние районы, и этническая территория коми заметно расширилась. Наибольшие изменения произошли в бассейне Печоры. Много поселений возникло в верховьях Лузы и Летки (главным образом, во второй половине XIX — первой четверти XX в.) (7). Во второй половине XIX — начале XX в. сформировались локальные группы коми на Карельском полуострове, нижней Оби, Иртыше, в Алтайском крае.

На рубеже 1920 — 1930-х гг. наступил новый, четвертый этап этнодемографического развития коми, продолжающийся до настоящего времени. Его отличительными чертами стали, во-первых, прекращение расширения этнической территории коми и переселений их в Сибирь и другие регионы. Во-вторых, сократилась территория, заселенная коми. В пятидесятых-семидесятых годах перестали существовать населенные пункты на р.Кобра; на Летке к настоящему времени запустело большинство поселений, основанных там во второй половине XIX — начале XX в. (8). В-третьих, изменилась система расселения: появились новые города и поселки; городское население в 1993 г. составило 933, 7 тыс. чел., сельское — 312 тыс. чел.

Но самыми главными отличительными чертами этого этапа стали сокращение доли коми населения на этнической территории коми вследствие массового притока иноязычных переселенцев; механический прирост населения стал превышать естественный. В конце 1920-х гг. в Коми область начали направлять заключенных. В 30-40-е гг. сюда прислали несколько десятков тысяч спецпереселенцев, раскулаченных, депортированных. В послевоенный период в Коми АССР прибыли сотни тысяч рабочих для лесной, угольной и нефтегазовой промышленности. В результате коми в 1959 г. составляли 30,4% населения республики, в 1989 г. — 23,3% (русские — 57,7%). В то же время абсолютная численность коми в республике

увеличивается: 245 тыс. чел. в 1959 г., 281 тыс. чел. в 1979 г., 291,5 тыс. чел. в 1989.

В конце 80 — начале 90-х гг. вследствие нараставшего в стране социально-экономического кризиса наметились изменения в демографическом развитии Республики Коми. Приток мигрантов в республику перестал быть фактом, определяющим это развитие (9). С 1987 г. отток населения из нее стал превышать приток переселенцев. В последние годы замедлился естественный прирост в 2,2 раза. За эти годы общая численность населения республики уменьшилась с 1264,7 до 1245,7 тыс. чел. К 1 января 1995 г. количество жителей Республики Коми сократилось до 1206, 1 тыс. чел. Демографы полагают, что возможно углубление негативных тенденций в демографическом развитии республики (10).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Савельева Э.А.* Пермь вычегодская. М., 1971.

2. *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

3. *Савельева Э.А.* Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. Сыктывкар, 1995.

4. *Жеребцов Л.Н.* Формирование этнической территории коми (зырян). Сыктывкар, 1977.

5. *Жеребцов И.Л.* Динамика населения Коми края в эпоху феодализма. Сыктывкар, 1987.

6. *Жеребцов И.Л.* Миграции населения Коми края в период феодализма. Сыктывкар,1989.

7. *Жеребцов И.Л.* Где ты живешь. Сыктывкар, 1994.

8. *Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б.* Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX — XX вв.) Сыктывкар, 1993.

9. *Фаузер В.В.* Проблемы формирования населения Республики Коми. М., 1993.

10. *Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В.* Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. Сыктывкар, 1994.

Igor Zherebtsov

THE STAGES OF ETHNIC-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE KOMI PEOPLE IN THE XIth – XXth CENTURIES

Now it has become possible to make an attempt to generalize the facts, scattered in different census books and manuscripts, connected with the ethnic-demographic development of the Komi since the time when the Ancient Komi folk (Vytchegodskaya Perm) had been formed, and to give a periodic classification of this development.

The main periods of the Komi's ethnic-demographic development in the 11th-20th cent. are distinguished on the basis of 3 criteria:

1) changes in the territory of settling;

2) changes in the number of the Komi;

3) changes in the natonal structure of the population living on the ethnic territory of the Komi.

Thus, 3 periods of the Komi's ethnic-demographic development are distinguished:

1) until the end of the 12th century;

2) end of the 12th cent. — end of the 17th cent.;

3) since the 18th cent.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Алексей Петерсон
Тарту

О ПРОБЛЕМАХ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕПСОВ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ФИННО-УГОРСКИМИ НАРОДАМИ*

Материальное культурное наследие малых финно-угорских народов, в том числе вепсов, изучено сравнительно мало. Особенно мало монографий в этой области. В отношении же материальной культуры эстонцев, финнов и венгров опубликовано много работ по отдельным вопросам, особенно по народной одежде, постройкам. Очень много экспедиций к финно-угорским народам в царской России провели финские ученые. До революции в России этнографы собрали богатый материал для пополнения музейных фондов. В первую очередь здесь следует отметить исследование А.О.Хейкеля — его докторскую диссертацию «Rakennukset tšeremisseilä, virolaisilla ja suomalaisilla» (1887). Это своеобразная типолого-аналитическая работа о постройках марийцев, эстонцев и финнов. Из финских авторов я поставил бы на первое место У.Т.Сирелиуса, работы которого о материальной культуре финно-угорских народов выделялись в сравнительно-типологическом отношении. У.Т.Сирелиус бывал в продолжительных полевых поездках у обских угров и пермяков, собирая этнографические предметы, фотографируя и делая зарисовки, а также ведя записи о быте этих народов. Это был этнограф с необычайными способностями, очень результативный пополнитель музейных фондов. Образцом его типолого-аналитических работ является, например, исследование о простейших постройках финских и угорских народов «Über die primitiven Wohnungen der finnischen und obugrischen Völker» (1906-1911) и диссертация «Über die Speerfischerei bei den finnisch-ugrischen Völker» (1906) — о запорном рыболовстве финно-угорских народов. Не менее важным являются и его более поздние исследования о финской народной культуре (Suomen kansanomaista kulttuuria. I-II 1919, 1921). В своих лекциях в Хельсинкском универ-

---

* Доклад, прочитанный на VIII Международном конгрессе финно-угроведов.

ситете У.Е.Сирелиус подчеркивал необходимость исследования именно материальной культуры финно-угорских народов.

В 1909 году был основан Эстонский национальный музей. Одной из его задач было собирание и изучение народной культуры родственных народов. Работа в этой области прервалась с началом I мировой войны, позднее революция в России закрыла границы эстонским и финским этнографам для собирания этнографического материала. Первый директор Эстонского национального музея, финско-эстонский этнограф И.Маннинен положил начало исследованиям эстонской этнографии и научной организации собирательской работы, он стремился комплектовать музейные фонды материалами других финно-угорских народов, однако советские власти препятствовали и проведению экспедиций.

Этнографическое исследование материальной культуры финно-угорских народов и пополнение фондов в Советском Союзе развернулось после войны в 50-х годах под эгидой московских этнографов. Основательно изучали материальную культуру финно-угорских народов В.Н. Белицер, Г.А.Крюкова, К.И.Козлова и др. В 1960-70-х годах этнографические исследования стали проводить Карельский, Коми, Удмуртский и Мордовский исследовательские институты, в составе которых работали или начали работу этнографы. Более плодотворными в работе и написании монографий были этнографы из Йошкар-Олы и Карелии.

Начиная с 60-х годов собиранием предметной культуры для музеев автономных республик занялся ряд местных краеведческих музеев. Поскольку дело касалось музеев с разносторонними целями, в них собирали различный исторический, краеведческий, а особенно связанный с революцией материал, этнографический материал и его комплектование оставалось на втором плане. Часто полевые работы этнографического характера просто не проводились.

Новым этапом в собирании материальной культуры финно-угорских народов стала экспедиционная работа в Эстонском национальном музее с начала 60-х годов, эта работа продолжалась постоянно в течение 30 лет, причем ежегодно на полевые работы к родственным народам выезжало 3-4 группы, состоящие из нескольких человек. Проводились также более основательные этнографические экспедиции, когда в группу непременно входили фотограф, художники, а также и кинооператор. Часто такие комплексные поездки совершались к вепсам и удмуртам, а также и к другим народам, но кинокамерой пользовались не всегда. Проводились видеосъемки трудовой деятельности и быта удмуртов, а также марийцев, коми и ханты. В связи с этим я остановился бы вкратце на собирательской

работе вепсского материала и необходимости сравнительно-типологического изучения материальной культуры. Вепсская материальная культура до последнего времени изучена относительно мало. Отметим, что кроме Эстонского национального музея, коллекции комплектовали Российский этнографический музей и в известной степени Карельский краеведческий музей. Был открыт также вепсский музей в Шелтозеро. В 1960-1980 годы собрания Эстонского национального музея пополнились в результате 19 собирательских поездок к вепсам: поступило 1024 предмета, 3690 фотографий и 1042 рисунка. Добавим, что по своему техническому осуществлению и содержательной информативности особого внимания заслуживают фотографии и рисунки. В 1966 году на 35-мм пленку начали снимать быт вепсов. Запечатлели старые постройки, бытовые сцены и т.д. В 1967 году засняли уборку урожая, изготовление однодеревки, молотьбу цепами и мытье в печке. В 1969 году снимали сенокос, пивоварение и троицын день в Сидорово. Позднее у вепсов снимали изготовление кровельной дранки и пастушьего рога, а также ритуальный плач. Из этих кадров смонтировали озвученные документальные фильмы «Однодеревка» (1980) и «Южные вепсы в начале XX века» (1981).

Итак, в Эстонском национальном музее собран очень разносторонний и систематизированный материал о предметной культуре вепсов, что создает возможности и предпосылки не только для детального изучения отдельных вопросов материальной культуры вепсов, но и для составления сравнительно исторических трактовок культуры других финно-угорских народов на основании вепсского материала. До сих пор не устарели исследовательские методы У.Т.Сирелиуса, их использование в типологическо-культурологическом контексте.

Уже Э.Н.Сетяла и в меньшей степени И.Маннинен полагали, что наряду с языковой общностью финно-утров существует старое культурное наследие, «имеются общие черты в фольклорном наследии». В течение последних тридцати лет отказались от исследования культурной общности финно-утров. В этнографии начали вводить в научный оборот мысль, что синтетического и генетического единства финно-угорских народов не существует, особенно в области материальной культуры. Однако вышел ряд интересных исследований по этнографии вепсов и других финно-утров, где отдельные явления материальной культуры одного определенного народа рассматриваются в зависимости от языкового материала и соответствующего источникового материала соседних народов. Назовем здесь в связи с вепсами работы В.Пименова «Вепсы» (1965), А. Косменко «Народное

изобразительное искусство (1984) и З.Строгальщиковой «Традиционное жилище Межозерья 1900-1960» (1986).

Сейчас в распоряжении исследователей имеется обширная информация, полученная в ходе полевых работ, а также ряд монографий и содержательных статей о материальной культуре финно-угров, что создает возможность сравнительно-аналитического изучения проблем и публикации результатов. В качестве так называемого «базового источника» хорошо подходит вепсский материал для сравнения с народами, находящимися в близких природно-климатических условиях — карелами, водью, ижорцами, финнами, эстонцами, марийцами, удмуртами и мордвой. Исходя из сравнительного историко-типологического метода, мы имеем в виду в первую очередь древнюю хозяйственную деятельность, например, земледелие. В свое время финно-угры, проживавшие в лесной зоне Восточной Европы, обрабатывали землю одинаковыми способами. Можно провести сравнительно-типологическое исследование древнего подсечного земледелия, характерного для многих финно-угорских народов, занимавшихся земледелием. Небезынтересно изучить использование земледельческих орудий труда, конкретнее: начало использования и генезис сохи. Отдельной проблемой является изучение посева зерновых культур, а также орудий уборки урожая осенью и ручной молотьбы цепами.

Относительно построек народов Восточной Европы вышел ряд монографических и более коротких исследований, в первую очередь о постройках русских. История развития построек финно-угорских народов рассмотрена в тесной связи с русской строительной культурой. Однако имеется ряд более древних культурных наслоений, которые были характерны для вепсов, волжских финнов и пермяков до того, как славяне расселились по соседству с финно-угорскими народами. Например, интересно проследить развитие жилища: у вепсов *pert'*, у финнов *pirtti* и у марийцев *pört*. В этом отношении проследить следует также историю очагов и надворных построек, строительных конструкций и деталей — и это на основании сравнительно-типологического метода. Ведь занимавшиеся земледелием финно-угорские народы пользовались однородными хозяйственными постройками — это амбар, баня, летняя кухня, овин.

В данной связи невозможно даже вкратце перечислить проблемы, связанные с культурой вепсов и других финно-угорских народов. В сравнительно-типологическом изучении нуждаются также охота, рыболовство, лесное хозяйство, транспорт, различные проблемы, связанные с рукоделием, и т.п. Существенно, что в настоящее время

имеется возможность и существует необходимость этнографического исследования прежних культурных контактов финно-угорских народов на основании материальной, вещевой культуры.

И, наконец, в своей работе об этнографии родственных финнам народов «Soome sugu rahvaste etnograafia» И.Маннинен отмечал в 1929 году, что несмотря на то, что наши родственные народы живут раздельно, в их древнем наследии имеются общие черты. Если И.Маннинен нашел новые пути изучения материальной культуры, то К.Вилкуна отказался от этнографического исследования единого культурного наследия финно-угорских народов. Однако у нас есть все основания вновь обратиться к методам трактовки единой культуры финно-угорских народов, особенно материальной, например, к сравнительному историко-типологическому методу.

Alexey Peterson

ON THE PROBLEMS OF RESEARCH OF THE VEPSY MATERIAL CULTURE IN COMPARISON WITH THE OTHER FINNO-UGRIC PEOPLES

Recently there have been published a large number of researches connected with different problems of ethnography of the separate Finno-Ugric peoples. But there are much fewer comparative-typological works on the material culture of the Finno-Ugric peoples, which reflect the general and the specific features in the traditional mode of life of these congeneric ethnoses. The author stresses the necessity to carry out investigations to reveal the common roots in the culture of the Finno-Ugric peoples, to continue the historical-typological researches in this sphere started by famous Finnish scientists A.O.Heikel, U.T.Sirelius, I.Mannin.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Анатолий Ракин
Сыктывкар

ОСТЕОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ
(диахронический анализ)*

Остеонимия является одной из четырех важнейших отраслей народной анатомической лексики, она служит для обозначения костей человеческого тела и их соединений. Общая картотека остеонимической лексики пермских языков, отражающая как словарный состав трех литературных языков, так и диалектов, состоит из 572 лексических единиц, из них коми-зырянскому языку принадлежит 309, удмуртскому — 146, коми-пермяцкому — 110 лексических единиц. Коми-зырянские остеонимы относятся к 111 объектам номинации, удмуртские — к 63, коми-пермяцкие — к 65. Вся совокупность остеонимической лексики в зависимости от принадлежности к соответствующей сфере обозначаемых объектов распределяется следующим образом: 1) 95 номинативных единиц, являющихся общепринятыми обозначениями, относятся к костной системе человеческого тела в целом: кз. кп. удм. *лы* 'кость', кз. кп. *гӧч* 'хрящ', *корпа* 'скелет', удм. *ёзви* 'сустав' и т.д.; 2) к области черепа относится 147 номинативных единиц, например: кз. *юр лы* 'череп', удм. *йырбер лы* 'затылочная кость', кп. *рожабан коскаэз* 'лицевые кости черепа' и т.д.; 3) к области костей туловища относится 126 номинативных единиц, например: кз. *морӧс куд* 'грудная клетка', *сирин* 'крестец', удм. *вандос лы* 'атлант', *урдлы* 'ребро', кп. *сюрді* 'позвоночник', *быдзан* 'копчик' и т.д.; 4) к области костей конечностей относится 293 номинативные единицы, например: кз. *ки-сой лыяс* 'кости верхней конечности', *кок зьӧм лыяс* 'кости предплюсны', удм. *гырпум лы* 'локтевая кость', *пыдессин* 'коленная чашечка', кп. *ки-кок коскаэз* 'кости конечностей', *кок вапа лыэз* 'кости стопы' и т.д.

Сердцевину остеонимической лексики пермских языков составляют исконные названия. Иноязычный компонент занимает в ней незначительное место. Ранние заимствования, индоиранские и древ-

---

* Доклад, прочитанный на VIII Международном конгрессе финно-угроведов.

небулгарские, характерные, например, для сомонимии и сплахнонимии, здесь отсутствуют. Поздние заимствования относятся к периоду самостоятельного развития пермских языков, они представлены названиями из четырех источников: прибалтийско-финского, самодийского, русского, тюркского. Русские заимствования встречаются во всех пермских языках. Часть из них перешла через устно-разговорную сферу общения и употребляется в основном в диалектной речи: уд. *моз* 'мозг в костях', ср. рус. *мозг*; кп. *коска* 'кость', ср. рус. *костка* 'тж'; *козонок* 'костяшка (сустав пальца)', ср. рус. *козон, козанок* 'сустав, суставчик пальца'; удм. *лодйга* 'лодыжка, щиколотка', ср. рус. *лодыга* 'щиколотки' и т.д. Проникновение другой части русских заимствований связано с распространением научных знаний и происходит через книжно-письменную сферу общения, например, кп. *сустав, крестец, ребро* и т.д., удм. *грудной клетка, лучевой лы, фаланга* и т.д. Не все русские заимствования являются единственными обозначениями соответствующих объектов номинации, многие из них выступают в качестве дублетов исконных названий, ср. кп. *сустав* и *йӧзви* 'сустав', удм. *грудной клетка* и *гадькӧлеб* 'грудная клетка'. Прибалтийско-финские и самодийские заимствования распространены в коми языке, в системе остеонимической лексики они представлены единичными примерами: *нибля* 'бедренная кость', ср. ф. *nivel* 'сустав', *райна лы* 'ключица', ср. ненец. *райна' пя* 'поперечная перекладина на мачте'. Тюркские заимствования характерны для удмуртского языка, к ним относятся остеонимы башкирского, татарского, чувашского происхождения: *бакал* 'лодыжка', ср. башк. *бәкәл* 'щиколотка (у человека)', *сӱйак* 'кость', ср. тат. *сөяк* 'кость'; *калаклы* 'лопатка', ср. тат. *калак сөяге* 'лопатка'; *моклок* 'мосол', ср. чув. *мāкла* 'комолый'.

В этимологических исследованиях, в которых рассматривается или фигурирует пермская лексика, содержится 57 остеонимических названий, в том числе 36 коми-зырянских, 12 удмуртских, 7 коми-пермяцких, 2 коми-язьвинских остеонима. 27 названий выступают в качестве исходных, т.е. рассматривается этимология именно этих слов. Остальные названия используются в качестве вспомогательного или дополнительного материала для выяснения происхождения таких слов, которые зачастую к сфере анатомической лексики не относятся, например, кз. *кок гум* 'бедренная кость' привлекается для выяснения происхождения слова *гум* 'полый стебель'. Для целого ряда исходных остеонимических названий этимологический анализ завершается реконструкцией допермской и общепермской праформ. Эти названия уральского, финно-угорского и финно-пермского про-

исхождения, как правило, хорошо сохранились в современных пермских языках, например, *вем* 'мозг, костный мозг', *лы* 'кость', *ан* 'челюсть'. Для трех названий реконструируется только допермская форма. Отличительной чертой таких слов является то, что исходный материал сохранился не во всех пермских языках, чаще всего только в одном из них, например, кз. *рӧч* 'сустав', удм. *тыбыр* 'позвоночник', или же вообще не сохранился, например, прауральское название *n'ɐrkɜ* 'хряш', которое было заменено в прапермском языке другим обозначением. Отсутствие близкородственных параллелей, действительно, не позволяет вводить общепермскую этимологию. Однако, если идти в обратном напрвлении, т.е. сравнивать первоначальную (допермскую) форму слова, выведенную на основе дальнеродственных соответствий, с современной и учесть фонетические изменения, которые произошли в процессе развития исследуемого слова, то промежуточная ступень, в данном случае общепермский архетип, становится вполне закономерной и реконструируемой, например, ф.-у. *tuppɜ* 'спина, позвоночник' > прап. *tup-* > удм. *тыбыр* 'спина, позвоночник', ф.-у. *räćɜ* 'штука, кусок, часть' > прап. *rӧć* 'часть, кусок, сустав' > кз. *рӧч* 'бутор, угол, кусок, сустав'. Для названий *ордлы* 'ребро', *сюрса* 'позвоночник', *тшегыр* 'мосол, крупная кость' дается общепермская этимология. Эти названия характерны в основном только для современных пермских языков, хотя в некоторых случаях приводятся соответствия и из других финно-угорских языков. Для слова *корпа* 'ключица' дается общекоми праформа. Для остальных остеонимических названий, содержащихся в этимологических работах, праформа не реконструируется. Так, в отношении пяти остеонимов исследователи ограничиваются простым сопоставлением с примерами из других языков: *вотшлы* 'ключица' и *черлы* 'челюсть' сравниваются с марийскими словами (*вачыш* 'ключица', *чыре* 'лицо'), *кадж* 'крестец' и *лутш* 'сустав' сопоставляются с саамскими примерами и т.д. Для названия *юрчась* 'череп' вместо этимологического производится структурно-морфологический анализ (сложное слово: *юр* 'голова', *чась* 'чаша'). Следует отметить, что подобного рода составные конструкции занимают значительное место в системе остеонимической лексики пермских языков. Причем, большинство таких названий распространено либо во всех пермских языках, либо в двух из них. В нашем исследовании мы даем архетипы для всех общепермских остеонимических названий, состоящих из двух и трех компонентов, и в их составе выделяем следующие типы: 1) позднепермские названия типа 'кз. + кп. + удм.': кз. *кымӧс лы*, кп. *кымӧс лы*, удм. *кымес лы* 'лобная кость', 2) позднепермские названия типа 'кз. +

удм.': кз. *карнан лы*, удм. *карнанлы* 'ключица', 3) позднепермские названия типа 'кп. + удм.': кп. *син гöп*, удм. *сингоп* 'глазница', 4) общекоми названия типа 'кз + кп': кз. *морöспань*, кп. *мороспань* 'нижний конец грудины', 5) общекоми названия типа 'кз. + кя.': кз. *сiтан кадж*, кя. *сiтан кадж* 'копчик'.

Учитывая все вышеизложенное, рассмотрим систему праформ остеонимической лексики. Допермский фонд остеонимической лексики состоит из 12 названий. Три из них относятся к уральскому праязыку, четыре — к финно-угорскому праязыку, пять — к финно-пермскому праязыку. Допермские праформы обозначают 11 объектов номинации. Два архетипа имеют неанатомическое значение: *räc'з* 'штука, кусок, часть', sǫŋke-(*šäŋke-*) 'ствол (дерева), сухое дерево, твердая часть дерева', остальные являются самостоятельными остеонимическими обозначениями. Допермские праформы относятся к следующим разрядам остеонимической лексики: 1) общепонятийные обозначения: *luwe* 'кость', *jäse* (*j äsne*) 'член, сустав', *säsз* 'костный мозг', *wiδз (-me)* 'костный мозг', *n'erkз* 'хрящ'; 2) обозначения костей черепа: *äпз* 'челюсть'; 3) обозначения костей туловища: *tuppз* 'позвоночник'; 4) обозначения костей конечностей: *polз-lü* 'плечевая кость', *kün'ǧr-* 'локтевая кость', *c'äje-rз* 'большеберцовая кость'. Допермский лексический фонд послужил основным источником формирования остеонимических систем всех современных уральских языков. Из его состава в прапермский язык перешло 11 названий. При этом произошли следующие изменения: названия *räc'з* и *šgŋke-* приобрели анатомическое значение и также стали употребляться для обозначения остеонимических объектов: *röč'* 'сустав', *šeg* 'лодыжка', и наоборот, *kün'gr* (> *gur-*), получив значение 'часть руки до локтя', перешло из остеонимической в сомонимическую систему.

Прапермский остеонимический фонд состоит из 10 названий, унаследованных из допермской остеонимической системы (*lü* 'кость', *jöz-* 'сустав' *röč'* 'сустав', *sgz* 'губчатое вещество кости', *vem* 'мозг, костный мозг', *aŋ-* 'челюсть', *tup-* 'позвоночник', *č'зг* 'большеберцовая кость', *šeg* 'лодыжка', *puli-lü* 'плечевая кость'), и 4 названий, являющихся новообразованиями прапермской эпохи. Новообразования прапермской эпохи являются исконными названиями. Одно из них появилось вместо утраченного допермского остеонима: ур. *n'erkз* 'хрящ' >< прап. *göč'* 'хрящ'. Остеоним *büз-* 'крестец, копчик' возникает для обозначения объекта номинации, который раньше не имел названия. Остальные два названия составили синонимическую пару

с остеонимами допермского происхождения: *s'qr* 'позвоночник' (ср. *tup-* 'тж'), *l'ekz* 'лодыжка' (ср. *śeg* 'тж').

В позднепермский период остеонимическая лексика пополняется еще 14 названиями. 12 остеонимов обозначают объекты номинации и их понятия, для которых раньше не имелось названий: *lu-s'qm* 'скелет', *jur-lu* 'череп, кости черепа'. *jur-bзr-lu* 'затылочная кость', *pel'-diŋ-lu* 'височная кость', *kumes-lu* 'лобная кость', *nur-lu* 'носовая кость' *baŋ-lu* 'скуловая кость', *s'in-gop* 'глазница, *ord-lu* 'ребро', *kaman-lu* 'ключица', *pel'-pqn-lu* 'плечевая кость, ключица', *piž'es-lu* 'коленная чашечка'. Два остеонима (*jöz-vij-* 'сустав', *lu-vqm* 'костный мозг') появляются в качестве синонимов для ранее возникших названий. В общекоми период продолжается процесс образования остеонимов для костей тела, которые раньше не имели обозначений, например: *veź-vem* 'желтый костный мозг', *gord-vem* 'красный костный мозг', *jur-lqman* 'роднички черепа', *mores-pan'* 'нижний конец грудины', *kok-gum* 'бедренная кость'. Синонимическую систему остеонимии пополнили *korpa* 'скелет', *bal'a-boź* 'копчик', *sitan-kaž* 'копчик', *gol'a-lu* 'ключица', *piž'es-pon* 'коленная чашечка', *kok-śeg* 'лодыжка'. В удмуртском языке многим остеонимам соответствуют свои, собственно удмуртские названия: общек. *jur-loman* и удм. *йырнебыт* 'роднички черепа', общек. *kok- śeg* и удм. *пыдлёг* 'лодыжка' и т.д.

Остеонимическая лексика пермских языков характеризуется высокой степенью древности и исконности. Иноязычное влияние она начинает испытывать на поздних этапах своего развития, лишь после распада пермской языковой общности. Самые древние исконные названия восходят к уральскому, финно-угорскому и финно-пермскому праязыку. С начала своего возникновения допермский пласт относился ко всем четырем разрядам остеонимической лексики и хорошо сохранился до наших дней. Лишь один допермский остеоним был утрачен и впоследствии заменен прапермским обозначением. Значительное пополнение остеонимической лексики происходит за счет неологизмов прапермской, позднепермской и общекоми эпохи. Новообразования позднепермского и общекоми периодов являются преимущественно двухкомпонентными и трехкомпонентными структурными единицами. В результате преобразования допермского наследия и появления новаций, отличающих прапермскую лексику от праязыковых систем других ветвей финно-угорских языков, складываются специфические особенности остеонимической системы пермских языков. На последующих этапах, в процессе обособления и самостоятельного развития, в каждом из пермских

языков вырабатываются индивидуальные черты, которые отделяют их друг от друга.

Anatoly Rakin

OSTEONYMIC VOCABULARY OF THE PERM LANGUAGES (DIACHRONIC ANALYSIS)

The osteonymic vocabulary of the Perm languages is characterised as very ancient and indigenous. It began to experience the influence of foreign languages on the later stages of its development, only after the desintegration of the Perm language community. The most ancient indigenous names are dated back to the Ural, the Finno-Ugric and the Finno-Perm parent language. From its very coming into existance the pre-Perm layer appeared in all 4 categories of the osteonymic vocabulary and is still well-preserved. Only one pre-Perm osteonym had been lost and later substituted with a parent-Perm name.

The osteonymic vocabulary was enriched with neologisms of the parent-Perm, the late-Perm and the common-Perm epochs. The neologisms of the latter two periods are mostly structural units of 2 and 3 components. As the result of the pre-Perm vocabulary's transformation there appeared the innovations, which distinguish the parent-Perm vocabulary from the parent-language systems of other branches of the Finno-Ugric languages, and the specific features of the Perm languages' osteonymic system were formed.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Юрий Шабаев
Сыктывкар

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ И СТАТУС НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА*

Одной из важнейших этнических характеристик является этническое самосознание, а точнее, его состояние и специфические особенности.

Как известно, этническое самосознание групповое по своей природе, ибо сущность национальной психологии состоит в противопоставлении «мы — они», но проявляется оно прежде всего на личностном уровне. В связи с этим данные массовых опросов являются наиболее приемлемыми для анализа этнического самосознания. На них мы и опираемся в данном докладе.

Из наблюдений исследователей XIX в. явствует, что коми-пермяки уже в прошлом столетии активно ассимилировались русскими, и это было в частности связано с ослаблением их этнического самосознания. Процессы этнической эрозии, начавшиеся в прошлом столетии, продолжались и в XX в.,. и особенно интенсивно они шли, начиная с 50-х гг. Следствием этих процессов стало серьезное ослабление национальной лояльности коми-пермяков. Уровень этой лояльности достаточно низок и особенно это характерно для городского населения и младших возрастных групп. Так, только 30,5% городских коми-пермяков заявили, что они «безусловно гордятся» своей национальной принадлежностью (в целом среди коми-пермяков таковых 39,6%). Еще более показательным является характер самоидентификации коми-пермяков. Здесь очевиден явный дефицит национальной идентичности, и опять же в наибольшей мере это свойственно горожанам и молодежи. В городе лишь чуть более пятой части респондентов заявили, что они ощущают себя стопроцентными коми-пермяками, остальные либо считают себя коми-пермяками и русскими в равной мере, либо больше русскими, чем коми-пермяками, либо вообще отвергают национальную маркировку или затрудняются с ответом. Среди сельских жителей доля осознаю-

---

* Доклад, прочитанный на VIII Международном конгрессе финно-угроведов.

щих себя именно коми-пермяками и не кем иным выше, но ситуация достаточно сложна, поскольку северные коми-пермяки по характеру самоидентификации близки к горожанам, а южные более склонны отождествлять себя с собственным этносом. Именно сельская среда юга Коми-Пермяцкого округа в наибольшей мере способствует сохранению этнической культуры, и поэтому не случайно от горожан, которые являются выходцами с юга округа, были получены ответы типа: «Я чувствую себя коми-пермяком только тогда, когда приезжаю в свою родную деревню». Городская среда сугубо сельским этносом, каковым являлись и являются коми-пермяки, воспринимается как иноэтническая или деэтнизированная. В этой среде весьма быстро утрачивается этническая специфика и происходит переход на иные стандарты поведения и культурного потребления.

Коми-пермяцкая диаспора, которая составляет 38% этноса, в наибольшей мере деэтнизирована,и даже те коми-пермяки, которые вновь возвращаются в округ, порой уже не отождествляют себя с коми-пермяками, и в отношении представителей собственного этноса эти люди пользуются не местоимением «мы», а местоимением «они» («они, эти коми-пермяки, совсем не могут за себя постоять»).

Необходимо отметить, что наряду с дефицитом этнической идентичности весьма показателен и автостереотип, который характерен для коми-пермяков, т.е. их представления о собственном народе. Анализ того, каким видится коми-пермякам собственный народ, показывает, что у городских коми-пермяков позитивный образ этноса уже практически разрушен, а сельское население сохраняет его, но в недостаточной мере для того, чтобы создавался благоприятный психологический фон для нормального этнокультурного воспроизводства. Не случайно 11,0% коми-пермяков во время опроса заявили, что их ничто не сближает с собственным народом (в городе - 21,3%), а примерно треть не смогла определить, что их может с ним сблизить. Среди тех, кто заявил об имеющемся у него чувстве общности с этносом, большинство эту общность видят в языковом родстве. Значение языка как основы национальной идентификации характерно для всех народов, даже для наиболее урбанизированных.

Каково же положение коми-пермяцкого языка сегодня? Если, согласно материалам переписей населения, в 1959 г. родным назвали язык своей национальности 92% коми-пермяков, то в 1989 г. — лишь 70,1%, причем в самом округе — 82,9%. Но более точные результаты обычно дают итоги массовых опросов. Проведенный нами в 1992 г. опрос показал, что 67,6% коми-пермяков округа считают родным язык своей национальности, а 30,2% — русский, остальные не смогли «определиться». В целом сейчас пермяки знают русский

язык лучше, чем родной, особенно это касается чтения и письма. Разговорным коми-пермяцким языком различные группы населения владеют в разной степени, и по округу ситуация со знанием родного языка чрезвычайно разнообразна. В наибольшей мере пользуется родным языком сельское население двух южных районов — Кудымкарского и Юсьвинского. Однако даже здесь (в Юсьвинском районе) имеются отдельные деревни, где население уже на протяжении нескольких поколений пользуется в быту только русским языком. В трех северных районах коми-пермяцкий язык функционирует значительно в меньшей мере, особенно в лесных поселках и райцентрах. Городское население значительно меньше, чем сельское, привержено родному языку. Так, в Кудымкаре лишь 43,8% наших респондентов заявили, что считают родным язык своей национальности, 48,6% — считают родным языком русский, а 7,6% затруднились в определении родного языка. При этом 62,9% респондентов горожан свободно владеют коми-пермяцким языком (94,3% соответственно русским), и только 3% совсем не понимают родного языка. Дети знают родной язык гораздо хуже, нежели взрослые. Из ответов наших респондентов следует, что только у 18,4% из них дети свободно говорят на коми-пермяцком, у 23,4% плохо знают его, у 39,1% понимают, но не говорят, и у 29,3% совсем не знают родного языка. Причем, чем меньше возраст детей, тем больше среди них доля слабо владеющих или совсем не владеющих этим языком.

С чтением и письмом на родном языке ситуация примерно одинаковая во всех возрастных группах: около половины респондентов не владеют навыками чтения и письма на родном языке, подавляющее их большинство предпочитает для этого пользоваться русским.

Охарактеризованная ситуация усугубляется положением в сфере народного образования и в системе средств массовой информации. Национальная школа в округе практически отсутствует, а родной язык и литература преподаются как предмет лишь в половине школ. Все средства массовой информации полностью русскоязычны. Надо также отметить, что семья сейчас не всегда служит транслятором языкового опыта и не поддерживает знание родного языка, особенно это касается городских семей, где очень незначительна доля семей, где говорят преимущественно на коми-пермяцком языке. Следует также иметь в виду, что субъективно русский язык воспринимается иерархически как язык первого уровня и интервал отставания коми-пермяцкого от него очень значителен. Кроме того, следует учитывать, что культурные ориентации, которые свойственны ныне коми-пермякам, смещены в сторону русских культурных ценностей.

Положение в языковой сфере во многом обусловлено состоянием этнического самосознания коми-пермяков. Только небольшая часть коми-пермяцкой интеллигенции обращает сегодня внимание на положение родного языка, призывает принять меры с целью укрепления его позиций, повышения его авторитета и социального статуса. Однако, попытки привлечь внимание к этому вопросу законодателей не увенчались успехом.

В 1992 г. идея придания коми-пермяцкому языку статуса государственного была отвергнута на съезде депутатов всех уровней, где большинство депутатов составляли коми-пермяки. В декабре 1994 г. уже новый состав местного законодательного органа — Законодательного собрания — принял «Устав Коми-Пермяцкого автономного округа», где было сказано, что государственным языком на территории округа является русский. Таким образом, идея повышения статуса коми-пермяцкого языка была вновь отвергнута. При этом следует подчеркнуть, что доля коми-пермяков в населении округа равна 60%, а коми-пермяцкий язык в 1927 г. уже объявлялся государственным. В соседней Коми Республике, где доля коми составляет всего 23%, в 1992 г. был принят Закон «О государственных языках», который признал государственными языками республики коми и русский. Несмотря на более неблагоприятную этническую ситуацию, в которой находятся коми, их этническое самосознание остается более стабильным и не подвергается такому разрушению, как у коми-пермяков. Это позволяет добиваться более значительных успехов в деле решения проблем, чем это имеет место у коми-пермяков.

Короче говоря, эрозия этнического самосознания коми-пермяков ведет к неизбежной эрозии всей их этнической культуры и в первую очередь ослабляет позиции национального языка.

Yuri Shabayev

ETHNIC SELF-CONSCIOUSNESS OF THE KOMI-PERMYAKI AND THE STATUS OF THE NATIONAL LANGUAGE

One of the most important ethnic characteristics is the ethnic self-consciousness, or - more precisely - its state and specific features.

The degradation of self-consciousness of the Komi-Permyaki leads to the inevitable degradation of their whole ethnic culture, and in the first place weakens the positions of the national language.

«Финно-угроведение», 1996. № 1.

Галина Харючи
Салехард

СОСТАВЛЕНИЕ КАРТ СВЯЩЕННЫХ МЕСТ – ОДНА ИЗ ЗАДАЧ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НЕНЦЕВ*

К самодийской группе уральской языковой семьи относятся ненцы — коренной народ севера России. Общая численность ненцев — 34190 человек. В 1929-1930 годах было создано три национальных округа: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Долгано-Ненецкий. Ненцы оказались искусственно разделенными на три группы. В Ямало-Ненецком автономном округе проживает 21 тысяча ненцев.

Я представляю самую северную группу ненцев, проживающих на Гыданском полуострове. Сегодня там проживает 3 тысячи человек, из них 250 — ненцы. Для данного региона наблюдается высокий уровень онкологических заболеваний, в особенности наибольший процент падает на ненцев, проживающих на территории острова Олений. Заметный рост данных заболеваний выявился после ядерных испытаний 1961 года на Новой Земле. У ненцев не существует даже названия этой болезни и ее называют «вэва», «хабця» — плохая, страшная болезнь. Это еще один «дар» цивилизации гыданским ненцам, помимо общеизвестных проблем.

Сегодня жизнь ненцев трудна, так же как и много лет назад. Что же помогало и помогает выжить ненцам и поддерживает их, особенно сейчас и, будем надеяться, даст силы для дальнейшей трудной жизни. В чем секрет духовной силы целого народа? Я думаю, это умение крепко держаться за корни национальной жизни, исконные традиции и обычаи. А эти жизненные корни крепки, потому что наши предки умели хранить и передавать весь многовековой опыт и практику своей жизни.

Современные ненцы по-прежнему почитают духов, которым была подвластна природа: небо, солнце, земля, вода, огонь. Хотя в современных верованиях исчезло многое, что-то видоизменилось, что-то позаимствовано у соседних народов. Приуральские, отчасти и

---

* Доклад, прочитанный на VIII Международном конгрессе финно-угроведов.

ямальские ненцы, почитают и русского бога. Во время жертвоприношений рядом с родовыми или семейными идолами ставится икона. Он тоже бог, пусть помогает нам, считают старики, в основном крещеные ненцы. До гыданских ненцев христианизация не дошла, хотя есть и крещеные ненцы, в основном те, кто попадал в молодые годы в Обдорск (ныне Салехард). В священной нарте моего отца есть икона, но она никакого значения не имеет для него.

Самым главным божеством является *Нум* — дух неба, природы. Злое начало ненцы представляют в образе *Нга* — духа болезни и смерти. Всю жизнь ненца от рождения до самой смерти везде сопровождают невидимые духи: *Нум* — дух неба, природы, от него все живое. *Я мюня* — дух земли. *Нд ерв* — дух воды, *Ту ерв* — дух огня. Каждое озеро, река, сопка имеют своего духа. Важное место в чуме занимает *Мяд пухуця* — хозяйка чума, покровительница семьи, которая передается по наследству по женской линии. Подземной хранительницей очага является *Я мюня пухуця*.

Дети с малолетства участвуют в обрядах. Мальчик вместе с отцом заботится о священной нарте — *хэхэ хан*, где хранятся предметы культа рода, семьи. Священная нарта всегда стоит позади чума.

Многочисленным духам, от которых зависели успех и неудачи в промыслах, ненцы приносили жертвы. Считается, что благополучие и здоровье человека полностью находятся в руках духов: они насылают болезни на людей, оберегают или, наоборот, могут разрушить семейный очаг, расстроить свадьбу или способствовать родам и т.д. Почитание названных духов было совершенно естественно для населения, основными занятиями которого с давних пор являлись оленеводство, рыболовство, охота, и вся жизнь зависела от природы. На их базе сформировались промысловые культы. Всем духам приносятся жертвоприношения кровные и бескровные, в случае надобности в жертву приносят *хан*, специально посвященного оленя или оленя подходящей масти. Хан может быть посвящен не только духам во время болезни члена семьи, но и в честь приезда дорогого гостя или детей из интерната.

Особо следует сказать о священных местах ненцев — *хэбидя я*. В каждой семье имеются олени, посвященные какому-то определенному родовому святому месту. В этих местах устанавливаются идолы — *хэхэ, сядэи, яля пя* — антропоморфные изображения, сделанные руками, или просто камни причудливой формы, устанавливаются рога и черепа жертвенных оленей, морских зверей.

Среди множества объектов национальной культуры важное место принадлежит различного рода культовым памятникам, изучение которых дает богатый материал для решения ряда вопросов этно-

культурной истории. А священные места, национальные захоронения — это действующие объекты и относятся к категории духовных памятников, так как сформировались на протяжении длительного времени. В этих местах ограничена хозяйственная деятельность человека.

Со времени начала промышленного освоения Севера в округе гусеницы вездеходов перепахивали священные места, национальные захоронения.

В 1992 году в Салехарде состоялась научно-практическая конференция по выработке концепции социально-экономического развития коренных народов Ямало-Ненецкого автономного округа в новых экономических условиях на 1992-2000 годы. Сотрудники лаборатории этнографии и этнолингвистики работали над созданием концепции развития культуры народов Севера в округе. Концепция основывалась на признании того факта, что созданная тысячелетним развитием культура северян представляет собой цивилизацию, равную всем прочим, хотя и иную по своему внутреннему содержанию, характеру и внешним формам. Важнейшим условием сохранения и развития северной цивилизации является сохранение среды обитания, каковой для северян является природа.

В концепции развития культуры есть пункт «разработать и ввести в практику статус особо охраняемых заповедных мест как центров традиционной культуры, обеспечив им охранные меры».

Что означают для ненцев святые и священные культовые места в тундре? Это своеобразные храмы, они служат охранным паспортом оленьих пастбищ, мест гнездовья птиц, являются заповедными территориями. Соблюдение определенных запретов говорит о рациональном природопользовании.

На карту Гыданского полуострова нанесены мною самые крупные, особо значимые места, которые раньше были родовыми. Ненцы давно уже не живут родами, и эти места потеряли свое былое значение, но стали местами паломничества для всех близко живущих ненцев.

На Гыданском полуострове двадцать с лишним лет ведутся газоразведочные работы, но нет пока активного промышленного освоения, найденные месторождения консервируются. Появились и разрушенные геофизиками и геологами священные места.

Ненцы Гыданского полуострова в наибольшей степени сохранили традиционный образ жизни в отличие от других, подвергшихся влиянию европейской цивилизации. Атеистическая кампания не коснулась далекого Гыданского полуострова. Эта работа велась с нами, детьми, только в школе-интернате, где мы жили и учились.

Однако шаманы старались камлать без присутствия иноэтнического населения. Христианизация тоже не дошла до наших мест. Отдаленность и локальность проживания не раз спасали самую северную группу ненцев от «экспериментов» партии и правительства. Сегодня состояние этой группы ненцев не может не вызывать тревогу в связи со всеобщим хаосом в стране и утратой многих духовных ценностей у молодежи.

Для меня составление карты священных мест сопряжено с определенными трудностями, так как не может женщина посещать священное место, кроме специальных женских, которых очень мало.

На самом севере полуострова есть особо почитаемое место *Сотэя*. Это огромная возвышенность — нагромождение рогов, черепов оленей, белых медведей. Чуть пониже находится на склоне *Мяд пухаця хэбидя я* — священное место в честь покровительницы рода, семьи. Когда мужчины приносят жертву Сотэя и совершают обряд, то женщины находятся на своем священном месте. Они исполняют обряд в честь матери (покровительницы), варят мясо жертвенного оленя. Посещение основных священных мест мужчинами объяснялось не только необходимостью совершать кровавое жертвоприношение, чего не могли делать женщины, но и отдаленностью этих мест от стойбищ. Основной целью ритуальных действий на данном священном месте было обеспечение благополучия дома, семьи.

В ходе сбора сведений о местонахождении священных мест накапливаются наши знания о происхождении, назначении, истории культовых мест. Этот аспект может быть предметом научного исследования, вкладом в историческую науку. Для того, чтобы сохранить эти культовые памятники, необходимо придать им статус заповедников. Началось сотрудничество между объединением Надымгазпром и американской нефтегазовой кампанией «Амоко» по Ямальскому полуострову. Не только в России, но и за рубежом приковано внимание к Ямальскому полуострову. Привлечены для научной работы ученые Арктического центра Смитсоновского института Вашингтона. Составлена программа сохранения и возрождения культуры коренных народов «Живой Ямал». Работают по этой программе такие крупные ученые, как И.Крупник, Н.Федорова, А.Головнев. В программу входит также составление карт священных мест, их описание. В этом районе с геологами ведется определенная работа по экологии, все проекты проходят технико-экономическую экспертизу. Сейчас в нашем округе новое наступление Газпрома. Мы понимаем, что газ и нефть будут выкачивать из недр нашей земли. Противостоять газовым магнатам нам очень трудно. На данном этапе стоит задача — выживание коренных малочисленных народов Севера. При нынеш-

нем подходе нашего правительства к проблемам малочисленных народов Севера будущего у нашего народа нет.

Составление карт священных мест, созданных еще нашими предками, — одна из задач сохранения духовной и материальной культуры.

Galina Kharyutchi

CHARTING OF THE SACRED PLACES – A TASK FOR PRESERVATION OF THE NENETS' SPIRITUAL CULTURE MONUMENTS

One of the tasks of national policy in Russia is to preserve the spiritual culture monuments of all ethnoses. A way to help to fulfill this task can be to chart the sacred, cult places of the Nenets folk. There has already been done a considerable work of drawing up the map of cult centres in the Ghydan Peninsula where the Northern Nenets live. But in the present conditions it is difficult to protect the ancient Nenets ecosustem from gas companies. which are destroying it. It is hence necessary to give the cult places the status of preserves.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Персоналии

Юрий Рочев, Иван Плосков
Сыктывкар

КАЛЛИСТРАТ ЖАКОВ – КОМИ ФОЛЬКЛОРИСТ И ЛИТЕРАТОР

С Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866-1926) в коми науке практически начинается выявление и изучение исконно коми повествовательного, в частности, сказочного материала и, с другой стороны, происходит постепенный отход от общих фольклорно-этнографических описаний и становление собственно фольклористической научной традиции.

В первом томе «Истории коми литературы» отмечено: «В начале нынешнего столетия наблюдалось известное оживление в собирании фольклора. К.Ф.Жаков... свой творческий путь начал... с диссертации «Народная словесность зырян и русские сказки». Жаков оперировал небольшим количеством песен, так как в первую очередь его интересовали судьбы коми сказки в ее связях с русским фольклором» (1, л. 13).

Сохранились рукописные работы К.Ф.Жакова — упоминаемый уже труд «Народная словесность зырян и русские сказки» (138 листов рукописи с текстами) (2), а также «О зырянских сказках» (29 листов) (3). По данным П.Г.Доронина, К.Ф.Жаков окончил Петербургский университет в 1901 году с кандидатским сочинением... и «по протекции проф. Жданова был оставлен при университете на кафедре русского языка и литературы» (4, л. 115). В 1908 году в «Живой старине» была осуществлена публикация К.Ф.Жакова «Зырянские сказки», включающая предисловие и различные тексты (сказок среди них — семь) (5, с. 92-100; 6, с. 232-242). Позже эти произведения были переизданы (7, с. 356-378).

Исследователи отмечают концепцию Жакова, которую он выдвинул и проводил в фольклористических работах (в частности, при классификации сказок): «... В основу... классификации легла авторская концепция о соотношении реального и идеального, о прелом-

лении природных условий быта в «мистицизме древних создателей произведений фольклора»; но далее отмечается: «Автор пришел к весьма неутешительному выводу: «большинство зырянских сказок заимствовано, а они не могут выражать душу коми крестьянина, который ведет изолированную от общества жизнь в лесу...» (1, с. 22). К.Ф.Жаков исследовал и «оригинальные источники... сказочного вымысла» (3, л. 7).

К.Ф.Жаков в упоминаемых работах обращается к древним «финским воззрениям» (в частности, изучая сказочный материал), и при этом пытается определить возможности и «механизм» заимствования сказок. Для него характерен в данном случае поиск тех или иных архаических следов в сказочном творчестве. Такой поиск был, очевидно, характерен для фольклористов, историков культуры, изучавших народные представления. К.Ф.Жаков писал, к примеру: «... Смирнов, изучающий религиозные обряды черемис, приходит к подобному же заключению, что... самое первоначальное финское воззрение на бессмертие души было такое, что умершие живут тут же в земле, на кладбище...», и т.д.; в данном случае речь идет о работе И.Н.Смирнова «Черемисы» (Казань, 1889) (3, л. 4-7). С этим тезисом связывается фольклорный (сказочный) мотив «подземного царства». К заимствованиям К.Ф.Жаков относит и сказку «Рак-молодец», соответствующий сюжет которой известен в славянском фольклоре (о чем упоминается К.Ф.Жаковым), но автор склонен видеть в этом случае «архаическое заимствование»: «Рак-молодец восточного происхождения». По К.Ф.Жакову, «мысль о подземном царстве присуща зырянам. Они полагают, что «горный хозяин» живет в глубинах земли и от него зависит, дать или не дать человеку дорогие руды и минералы», но далее автор добавляет: «...эта мысль, вероятно, заимствована хотя бы еще в языческие времена...» (3, л. 16-17).

В данной работе также упоминается о «миграционной теории», «теории заимствования». К.Ф.Жаков, в частности, говорит в своих работах об индийских сказках, «пришедших в Европу» или через тюркские племена, или через греков и римлян, а также отмечает научные взгляды Бенфея, соответственно которым «сказки Западной Европы пришли... из Индии через монголов и Россию, или же через Малую Азию», и взгляды эти, по Жакову, «составляют замечательно стройную систему» (2, л. 59).

В работах исследователей также фигурирует студенческий реферат Жакова — «Оригинальная мифология сказок у зырян и заимствованные с Востока на мотив «О подземном царстве» (1900); руководитель — профессор И.Н.Жданов (8, с. 10).

При рассмотрении сказок названного разряда К.Ф.Жаков обратил внимание, как уже указывалось, на устный рассказ «Горный хозяин»: «Поднимались (вверх по реке) искатели руд руды искать. Лодочки их привезли. Роются буравом, руду ищут. Нашли — как ребенка из камня, из меди, из руды. Потом положили на белое полотно, на ноги поставили. Нам, говорят, добро будет. Потом утром рано встанут, того и нет. Потом и сами стали думать — это, видно, горный хозяин. Буравом долго еще искали, да уже не увидали. Это был хозяин руд, словно человек с руками и ногами...» К.Ф.Жаков подчеркнул: «Таким образом, просто факт искания руды отметили зыряне и дали ему мистическую окраску. Мистификация нигде его (зырянина — *авт.*) не оставляет» (3, л. 23). Исследователь также отметил, что в различных традициях «подземное... царство рисуется иногда, как подводное» (3, с. 26). В упоминаемой диссертации К.Жакова, в частности, рассматриваются «сказки Порсьюрова о подземном царстве» (2, л. 63).

На материале «сказок Порсьюрова», отмеченных К.Ф.Жаковым, выделены следующие позиции (представляющие интерес в данном контексте): «...В...трех зырянских сказках мы видим все существенные элементы сказок о подземном царстве: 1) Спуск по веревке в подземное царство, где герой борется с чудовищами и спасает девушек. 2) Герой поднимается на волшебной птице — Ногай-птице — из подземного царства. 3) В преследовании герои сказок бросают щетину, из которой образуется лес, кидают брус, обращающийся в гору, смолистый короб, превращающийся в реку горящей смолы, чтобы затормозить путь преследователю...» (3, л. 46). К.Ф.Жаков склонен был указать и следующие финно-угорские соответствия в коми-материале: «...Все эти (указанные — *авт.*) элементы, как увидим мы, встречаются и в Калевале. В других зырянских сказках встречаются еще огромные животные: параллель огромному быку Калевалы. У других восточных финнов — у вотяков сказка о подземном царстве отличается большей полнотой...» (3, л. 46-47). О «Калевале» в связи с рассматриваемым сказочным мотивом «подземного царства» также отмечено: «...В Калевале «подземное царство» несколько иначе описывается. Царство мертвых, куда герои являются за вещими словами, находится где-то далеко, за потоком Маналы. Это может быть финские языческие представления о загробной жизни; в ... сказке Порсьюрова приводится такое же понятие, даже частности совпадают...» (3, л. 52).

К.Ф.Жаков также обращает внимание на мотив «подземного царства» в материале других народов; как уже упоминалось, его привлекал восточный фольклор; в частности, отмечается, что

«...индийская сказка... говорит о царстве змей в омуте реки Ямуны. Царь змей... женился на дочери... царя»; дочь царя «стала жить в подводном царстве царя змей, а ее муж и все подводные змеи представлялись ей, как люди». Далее исследователем указывается: «... Сказки Минусинских инородцев также говорят о подземном царстве, так представляя дело, что под землей есть море, а в том море дворец, во дворце живет девица»; «в якутской сказке герой поднимается из подземного царства по земляным ступенькам. Вотяцкие и зырянские сказки описывают спуск героя в подземное царство по веревке через отверстие в земле, и встречают они там три дворца, живую и мертвую воду, волшебников-змей и т.д....» (3, л. 26).

Исследователь, как уже указывалось, обратил внимание на различные сибирские материалы — якутские сказки с мотивом о «подземном царстве»; к примеру, приводится соответствующий эпизод из якутской сказки: «...Вблизи серебряной юрты (героя — *авт.*) ... бросили в подземное царство...» и пр. (3, л. 55, 127). К.Ф.Жаковым в 1900 году был также выполнен реферат «Параллель между сказками восточных финнов и сибирских инородцев» (8, с. 10).

О сходстве рассматриваемой коми сказки с русской, в частности, отмечено: «... Сказка Рак-молодец имеет также большое сходство с русской сказкой... (указывается и сказка «Царевна-Лягушка», по известным сборникам сказок Афанасьева — *авт.*), но в первой больше драматизма. Например, то место, где говорится о плачущей царевне, которая в поисках мужа пришла на берег моря, а клубок шелка вкатился в море, показывая тем, что царевна должна спуститься на дно моря» (3, л. 26-27). К.Ф.Жаков находил соответствия и в других русских сказках — «Три царства», «Усыня» и др. (3, л. 53).

В рукописи К.Ф.Жакова «Народная словесность зырян и русские сказки» обращается внимание на исконное коми устно-поэтическое творчество; выделены, в частности, сказки, которые «... ярко выражают их (зырян — *авт.*) историю, занятия, природу местности» (2, л. 3-8). Уже упоминалось о некоторых «истинных», «оригинальных источниках поэзии и сказочного вымысла» (по Жакову). Уместно привести здесь и следующее высказывание коми исследователя: «Самым главным занятием зырян еще в недавние времена была охота, самым страшным могуществом в их глазах — чародейство. Изучая рассказы, описывающие охоту и чародейство, охарактеризуем главные черты их быта. Поэтому нет никакого сомнения, что сказки и рассказы, имеющие содержанием охоту и чародейство, оригинальны и должны изучаться методом исторически-бытовым...» (3, л. 24). Публикация «Зырянские сказки» (с предисловием К.Жакова) включает не только сказки (например, «Рак-молодец», сказку, записанную в 1900 году от

церковного сторожа А.А.Савельева в селе Шойнаты), но и «суеверные рассказы из охотничьего быта», записанные в селе Вишера, и т.д. (5, с. 92-93).

К.Ф.Жаков писал: «...При изучении русских былин в разное время применялись три метода — мифологический, сравнительный и исторический. Мне кажется, эти же методы надо иметь в виду при разборе русских или инородческих сказок, песен, заговоров» (2, л. 3). Исследователем указывается следующий «порядок приложения методов»: «...Хотя изучение народной словесности зырян в связи с русским лучше в порядке приложения методов а) сравнительного, в) исторического и с) мифологического, но все-таки излагаю я результаты исследования в обратном порядке. Сначала описываю оригинальные произведения зырян в связи с их историей, бытом и природой местности...»; далее отмечается: «...в изложении применяется метод историко-бытовой и мифологический, ведущий к некоторому воссозданию язычества»; «...затем характеризуются сказки, заимствованные с Востока через тюркские племена и через русских...». К.Ф.Жаков также отмечает: «... Таким образом сравнительный метод применяется вторым по времени, но это только так в изложении...» (2, л. 7-8).

Как уже отмечалось, К.Ф.Жаковым велась работа по составлению классификации коми сказок. Вместе с тем следует привести и общую классификацию, а также данные о том, что, по его определению, характеризовало «содержание» устной народной поэзии: «... содержание устной народной словесности зырян — сказки, песни, заговоры, присказки, суеверные рассказы, охотничьи были, предания и легенды об исторических событиях и выдающихся личностях...»; и далее (здесь же) — о соответствующем классифицировании произведений фольклора: «...Для удобства изучения лучше всего эти памятники народной словесности распределить в шесть групп. К первой группе будут отнесены сказки о древних богах («Чокыр и лиса»), суеверные рассказы, сказки о колдунах (Шыбича, Кӧрт-айка, Тювӧ), «Горный хозяин», «Яг-морт», и др. 2 группа заключает в себе сказки о подземном царстве («Рак-молодец», сказки Порсьюрова). Эти сказки лучше всего можно понять при сопоставлении со сказками индейскими (здесь имеются в виду индийские сказки — *авт.*), сибирских инородцев, русских. Третья группа — это сказки, чрезвычайно близкие к русским сказкам — Доренька, Йорем, Мена... и т.д. (сюда же отнесены сказки с известным мотивом «обещания» — *авт.*). Повествования же о Соломоне, о Купце — куме сатаны, о богатом мужике... составляют четвертую группу. Это, очевидно, странствующие сюжеты, возникшие уже на христианской почве. К пятой группе будут отнесены зырянские песни и заимствованные

русские заговоры, присказки и, наконец, к шестой группе — предания и легенды об исторических событиях и исторических личностях» (2, л. 8).

Таким образом, сказки вошли в четыре выделенные К.Ф. Жаковым группы. При этом им предпочитается (при рассмотрении данного материала) момент сопоставления, определяются «странствующие сюжеты», источник, а также возможность и направление заимствования (причем, это касается трех групп, исключая первую, в которую, как уже отмечалось, вошли исконно «финские» или коми произведения).

В рукописи «О зырянских сказках» тоже уделяется внимание зырянско-русским параллелям. К.Ф.Жаков пишет о заимствованной сказке «Доренька», представляюшей, по его мнению, особый «вариант русской сказки «Вор»; при этом отмечается некоторое «отличие» (в конце произведения) (3, л. 6). В работе К.Ф.Жакова «Народная словесность зырян и русские сказки» также указывается, что в сказке «Доренька» «подруги» идут в восходящем порядке по трудности исполнения» (что, в известной мере, по мнению Жакова, говорит «в пользу ума и сметливости» сказителей или «составителей» подобного произведения) (2, л. 79).

В то же время в критических замечаниях Жакова имеется и такая, явно морализаторская, его позиция (высказанная в связи со сказкой «Доренька»): «...зырянин живет в среде..., где каждый член вместо помощи встречает холод, равнодушие, зависть, вражду»; «между древними, между отдельными личностями постоянные драки...», «...вечные, непрекращаюшиеся тяжбы, исчадие зависти и недоброжелательства». По мнению автора, «зыряне — народ умный, сметливый, способный к ремеслам», но «... черты их характера — нелюбовь к ближнему, зависть затемняют их жизнь на лоне величавой сумрачной северной природы» (2, л. 77-79).

О других упоминаемых сказках есть, к примеру, такие замечания: «Мена» почти то же, что русская сказка «Мена»; «Иван купеческий сын» — «видоизменение народного Робинзона»; подчеркиваются также другие русские аналогии (3, л. 6, 63).

Признавая, что «большинство зырянских сказок заимствовано», К.Ф.Жаков отмечал, что «...носителями их являются солдаты и люди отхожих промыслов»; и здесь же: «...остатки же язычества и охота — истинные оригинальные источники... сказочного вымысла» (3, л. 7). Коми ученый в этом случае продолжил рассуждения о народе-творце и, в частности, «психологии творчества».

Как уже указывалось, К.Ф.Жаков переводил коми сказки, рассказы на русский язык (есть соответствующие публикации). К сожа-

лению, во многих случаях коми тексты пока не найдены. Но в предисловии к публикации «Зырянские сказки» коми ученым было отмечено: «...эти сказки записаны мною по-зырянски и затем дословно переведены на русский язык. Этот дословный перевод, необходимый для науки, нанес большой ущерб литературной стороне дела...»; «...красота языка, меткость и картинность речи исчезли» (5, с.93).

По данным исследователя П.Г.Доронина, К.Ф.Жаков в 1908-1909 годах какое-то время работал статистиком в так называемой Печорской экспедиции Голубева «по изучению колонизации Печорского края». Он также упоминает о других научных поездках К.Жакова: «...С 1900 по 1912 год... был три раза в научных командировках в Коми крае (Вычегда, Сысола, Печора), а также ... у пермяков, вотяков и мордвы...» (4, л. 115-116).

Можно упомянуть и следующую деятельность К.Ф.Жакова, непосредственно касающуюся занятий коми ученого сказковедением, а также выявляющую (в известной мере) его разносторонние научные интересы.

А.И.Туркин отмечает, что К.Жаков руководил кружком «Всемирной сказки» в Петербурге, в Пскове, затем в Юрьеве, в университете (8, с.28). Известны также следующие названия докладов К.Ф.Жакова — «Поэзия леса у зырян», «Зырянские сказки и методы фольклора» и др. (9, с.33). В указанной выше рукописи «О зырянских сказках» К.Ф.Жаков, в частности, отмечал: «Сказки — отрывки величавых воззрений старых народов...», по его мнению, они связаны с «явлениями» «природы и жизни»; и далее — «с этой точки зрения их нужно изучать антропологу и лингвисту...»(3, л.52).

В работе К.Ф.Жакова «Языческое миросозерцание зырян» также отмечается: «Сказка и народное верование приближают к нам сонм языческих богов из бездны прошлого»; по мнению исследователя, следует обратиться «к общераспространенным сказкам, предварительно убедившись, что эти сказки туземного происхождения, что они отрывки старых поэм, древних сказаний». Здесь же К.Ф.Жаковым предположительно указывается (в частности, он при этом исходил из сказочного материала) о наличии в древности «бога огня», о восприятии Солнца и Луны как божеств и т.д. По произведениям коми народного творчества исследователь также указывает на «согласие фактов географии и психологии со смыслом сказки» (сказка «Чокыр и лиса»), в другом случае он находит «согласие фактов физики и филологии, предвосхищенное сказкой». Выдвигая тезис о «согласии фактов физики и филологии», исследователь (исходя из упоминаемой сказки) также отмечал: «Народ говорит, что радуга пьет воду из реки. Кто выгоняет этого быка с небесных полей, с

облачных равнин? Свет солнца, лучи его, сын солнца. Поднимаются тучи, появляется солнце на другой стороне неба, на тучах обрисовывается семицветная радуга» (радуга — «бык небесный») и т.д. К.Ф.Жаков при этом пишет: «...Нет религии, обряд еще остается. Следовательно, в поступках, в обычаях и нравах, также в словесных произведениях народа, в его душе нужно искать элементы его прежнего миросозерцания» (10, с.73-75, 78).

Как уже отмечалось, несомненен вклад К.Ф.Жакова в дело собирания произведений устной словесности и их публикаций. Были изданы (1908) коми народные сказки в переводе на русский язык. Среди них такие известные и поныне сюжеты в коми сказочной традиции, как «Настасья Аловна», «Рак-молодец», «Простак» и др. При этом «Настасья Аловна по «Сравнительному указателю сюжета» (СУС) — 313 А «Чудесное бегство» (11). Обращает на себя внимание то, что в ней в мельчайших деталях, с привлечением мотивов из несказочной прозы разработаны начальные эпизоды сказки: приобретение крестьянином денег на отхожих промыслах; поимка его длинным седобородым стариком; обещание отдать старику то, чего сам не знает (то, что дома; скрепленное кровью); троекратная попытка старика выманить сына крестьянина из дома; долгое путешествие сына к старику по нижнему миру; встреча с братом старика, «идущего к святости», и помогающему герою советами; свидание и сговор с дочерью старика — Настасьей Аловной — о взаимопомощи; встреча со стариком и знакомство с его «житьем-бытьем». Но сюжетный стержень сказки — чудесное бегство — отсутствует. Очевидно, Жакову по какой-либо причине не удалось записать весь текст сказки, однако сюжет ему был известен. В рассказе «Локчим» как прием характеристики героя включено схематичное описание этого сюжета, и он завершается вполне благополучно для героя сказки: «Крестьянский сын сделал все так, как его научила Настасья Аловна, и сделался богатым человеком, и взял замуж Настасью Аловну» (7, с.234).

«Рак-молодец» (СУС 440 «Муж-рак») и «Простак» (СУС 1415 «Мена») — сюжеты, также известные в коми сказочной традиции, последний, например, был записан в 1850-х годах (12, с.210-214).

Отдельным изданием выходили у него и некоторые народные легенды, например, сказка «Рос», которая представляет собой обработку былички о девице, унесенной демонами и живущей теперь в бане.

Известно, что собиранием произведений устного народного творчества Жаков начал заниматься еще с киевского периода учебы в университете (1896-98); как отмечалось, позже он учился в Петербурге. В рассказе «Усть-Вымь» в беседе с информаторами он сам

отмечает этот факт: «Я люблю, очень люблю зырян, приехал к ним издалека, из дальнего Киева города»(7, с. 201). О целях своих неоднократных выездов в Коми край и поездок по самым глухим коми деревням он настойчиво повторяет во многих очерках и рассказах («Придаш», «Ипатьлор», «Коквицы», «Серегово» и др.). Его диалоги с деревенскими жителями, как правило, начинались однотипно: «По каким же делам здесь изволите быть в такое торговое время?» — «И для каких же надобностей?» — «Для истории, для истории нужно!» (7, с.207). И теперь возникает следующий вопрос. Как записывал народные произведения Жаков, с голоса, со слов исполнителя или запоминал и восстанавливал уже по памяти? Вопрос этот принципиально важный, однако скудный его личный архив, доставшийся нам в наследство, не позволяет ответить на него однозначно. В архиве РГО сохранились записи (от руки) двух преданий — «Тювö» и «Йиркап». Записи сделаны на коми языке. Текстологический анализ рукописи позволяет заключить, что произведение записано слово в слово непосредственно во время его исполнения. На первый взгляд, рассказ начинается без вступительных пояснений: «Йиркап было его имя. Он оказывается, занимался охотничьим промыслом. И вот, оказывается, она (собака охотника) сосну облаивает, как будто белку. А белки, дескать, нет на дереве»...(перевод дословный) (3, л.8). Сразу видно, что стиль повествования народный: во-первых, ясно, что перед записью имела место беседа собирателя с информатором, и, когда начался рассказ на запись, исполнитель пропустил вступительную часть предания, как уже известную для собеседника (с подобным стилем рассказывания произведений несказочной прозы современные собиратели фольклора встречаются сплошь и рядом, и подобного вольного обращения не допускает, например, поэтика сказок); во-вторых, несмотря на явные пропуски рассказчика (например, о собаке охотника), и в данном случае Жаков бережно относится к тексту оригинала, как это и надлежит поступать фольклористу, согласно выработанным уже к этому времени принципам научной записи произведений народного творчества. Другое дело, когда речь заходит об издании этого же произведения в переводе на русский язык. Для сравнения приведу начало этого предания, помещенного в ткань рассказа «Ыджыд видз», причем Жаков эти слова вкладывает в уста своего героя Панюкова, являющегося отнюдь не вымышленным персонажем. Вот как звучит начало этого предания: «В лесу дремучем, у подошвы холма, между двумя истоками рек, в охотничьей хижине жил Йиркап. Он был охотник и имел собаку. Эта собака что-то лает на дерево и глядит на его вершину. Лает день, лает другой. Вышел Йиркап, взглянул на дерево, нет там ничего, а

собака ласт...» (7, с.220). Совершенно другой стиль, авторский. Здесь от оригинала остался только сюжетный каркас, который изобилует несвойственными для народной речи описаниями, детализацией, пояснениями. Для читателя становится все ясно и понятно: и обстановка, и причинно-следственная обусловленность поступков героя предания, и художественная цельность произведения. Однако, если в поэтическом плане предание выиграло в результате такой операции с текстом, то с научной точки зрения, а именно с точки зрения фольклорности, оно обесценилось. Только точная фиксация народного произведения является непременным требованием науки о фольклоре. Поэтому, если у нас нет его подлинных рукописей, тех, которые являются документами полевой работы, мы можем говорить о творчестве Жакова, как литературе, как бы близко ни стояли некоторые рассказы и очерки к народно-поэтическому источнику.

По данной теме встает и более насущный и разрешимый вопрос: как Жаков использовал в своем творчестве познания в области фольклора? Именно здесь открывается широкий простор для филологических разысканий, которые, думается, важны не только для раскрытия личности писателя, но и для уяснения его творческой лаборатории.

Жаков отлично знал фольклор, не только коми, коми-пермяцкий и удмуртский, собиранием которого он занимался специально, но и русский фольклор, фольклор тюркских народов, малых народностей Севера и Сибири. Всем этим арсеналом он успешно владел и умело пользовался при создании художественных произведений и описании действующих лиц. Весьма разнообразны способы применения фольклорного материала — от легкого вмешательства в текст народного произведения при переводе его на русский язык (этот способ передачи можно назвать пересказом фольклорного сюжета своими словами) до использования только отдельных выражений, восходящих к фольклорному источнику («Золотая сказка» и др.). Причем, описывая, скажем, жизнь древних коми, он может обратиться и к русскому фольклору, так, например, в поэме «Биармия» в уста Райды он вкладывает русское присловье: «Волос долог у девицы, разум наш короток женский» (13, с.55).

Излюбленным приемом Жакова было включение отдельных фольклорных эпизодов в ткань повествования, особенно в рассказы очеркового характера. Например, в очерке «Пильвань» при описании деревенской свадьбы естественно звучат фрагменты свадебных причитаний, а чтобы ощутимее обрисовать отсутствие суеверного страха у героя, автор приводит былинку о встрече героя с привидением — сюжет очень распространенный в коми фольклоре. «Был со мною

случай, — говаривал Пильвань, — иду я раз в Проньдор рано. Я шел собственно в Придаш, раньше погост-от у нас там был. Иду в церковь рано. А в половине дороги между Проньдором и Придашем мост через ручей... Там всегда путает, рассказывали. Вот я к этому мосту приближаюсь... Дело было в Сретение, был я в этом полушубке. Ну, думаю, товариш идет, дай догоню. Прибавляю шаг. Нет, не могу нагнать, да и не отстаю. Эй, приятель, говорю, подожди — не оглядывается... Пристальнее смотрю, а уже светало на волоку, так сине-белый свет падал на дорогу; гляжу, человек ростом больно велик, думаю, это силач наш Алексей, больше некому быть... Смотрю, дорога круто подвертывает мимо елей, а он не ниже молодой сосны... У, ты! — думаю. Он выше Алексея. Ну, делать нечего, кричать не стал, иду за ним, и он идет, не оглядываясь. Дошли до моста, наклонился мой приятель к мосту, сгорбился и тюк туда... Вот те на, думаю... Что же? Вернуться домой неохота, да и праздник, там у меня родня есть, в Придаше, брат жены Аввакум Козлов, больно уж звал меня к празднику, «приди да приди». Обещался. Ничего, прошел по мосту, человек больше не показался, и дошел я к заутрене в Придаш. Вот как, Устинья Осиповна! Не знаю, что такое боязнь...» (7, с. 247-248).

В некоторых случаях Жаков пользовался и таким приемом: соединял в одно произведение несколько самостоятельных сюжетов, главный герой при этом играл роль объединяющего центра, и он сплачивал в одно целое казалось бы разнородные вещи. Так, в сказке «Простак» объединены сказка известного сюжета «Мена» (о неэквивалентном товарообмене героя со встречными) и две христианские легенды.

В переводных произведениях Жакова часто встречаются калькированные фразы, по-русски эти выражения выглядят либо громоздкими, либо как-то неуклюже. Например, в сказке «Рак-молодец» (СУС-440) встречается фраза: «Стало светло у бога...» Она на первый взгляд вызывает недоумение — русскоязычный писатель, и вдруг такой неуклюжий оборот, но это буквальный перевод с коми — *ен югді* «рассветало» — этот факт, кстати, говорит и о том, что Жаков в практике своей переводческой деятельности стремился как можно точнее сохранить особенности национального мышления.

Вершиной творческого освоения фольклора Жаковым надо считать его поэму «Биармия» (13). Это итоговое произведение — синтез его раздумий о фольклоре. В нем в концентрированном виде нашли отражение как фольклорные сюжеты и мотивы, причем не только коми, но и многих других народов, так и мифология, верования, обычаи и обряды. Бросается в глаза, во-первых, то, что ориентиром

в сложении эпоса служила автору знаменитая «Калевала» Леннрота. даже размер стиха совпадает. По признанию автора (оно вложено в уста Коми морта), эпическая песнь создана как одно целое:

Из отрывков, отголосков,
И преданий отдаленных
Созидал я ткани песен,
Из обломков дней минувших
Я решился дом воздвигнуть....
Чудеса веков минувших
Уж потеряны на веки (13, с. 175-176).

В «Биармии» мы вновь встречаемся с эпизодами и картинами, образными речениями, знакомыми по его рассказам и очеркам. Так, глава, повествующая о юности сына Райлы и князя Яура Югыдморта, о его стремлении познать историю своего народа, напоминает сказку Жакова «Царь Кор». Произведение эпоса требует, чтобы все его герои имели определенное конкретное имя. Возникает резонный вопрос, насколько обосновано и подкреплено традицией то или иное эпическое имя. Очевидно, каждое имя требует конкретного анализа. Вот только два имени, которые поначалу казались взятыми произвольно: это князь — *öксы Яур* и вещая птица *Рык*, гнездящаяся на Урале на вершине горы *Тöл поз из*. Сам Жаков записал народную песню «Яур ветлö»: В позднейших записях тоже встречается это имя, правда, понятие это очень расплывчато (*Гиндзи, гиндзи, кöчö гиндзи, Яур ветлö пий йывті* — «Яур ходит под облаками»), т.е. какие-то следы эпического звучания еще и поныне сохранились в коми фольклоре. А птица Рык нам незнакома; хотя вещие птицы или таковые в фольклоре встречаются («Катшатор воас öшинь выло...») (14, с. 21-24). Но еще в 1850 г. С.Мельниковым была написана статья «Птица Рык в окрестностях Усть-сысольского уезда». Следовательно, и под этим названием есть какая-то национальная фольклорная почва. Труднее обстоит дело с другими, пока еще не расшифровывающимися эпическими именами, такими, как Райда, Оксор и др. Но, думается, и здесь, если глубоко посмотреть, найдутся какие-либо этнографические реалии, ибо фантазия автора опиралась исключительно на бытовавшие в народе факты. Так, в услужении биармян и жителей Джерджим пармы имеется домашний дух, божество Воршуд, защищающее их строения и мир в домах. А это понятие заимствовано Жаковым у удмуртов, у которых поклонение воршуду прослеживается и поныне.

В поэму включены фрагменты и эпизоды многих фольклорных сюжетов преданий «Кӧрт айка», «Йиркап», этиологические рассказы о луне, Большой медведице, о сотворении земли Еном и Омолем, похоронное причитание Райды (которое и начинается на коми языке: «Дона пиеӥ, сьӧлӧмшӧрӧй»), сказочные мотивы о говоряшей голове Ягморта, о коте-баюне, рассказывающем древние сказки, описание волшебных деяний, сохранившихся в быличках, о состязании колдунов, об ослеплении врагов, народные представления о духах природы, домашних построек и о двойнике человека Орте и т.п. В поэме много этнографических реалий, взятых и включенных в действие поэмы из реальной жизни, например, технология изготовления лодки, изготовление деревянных истуканов-идолов, пиктографические письмена на скалах, описание похорон язычников и т.д. Причем, фольклорные данные, если в этом есть необходимость, корректируются автором в соответствии с развитием действия. Так, Яур находит свое дерево-двойник (ср. коми предание «Йиркап»), но делает из него не лыжи, как герой предания, а чудесную лодку, которая может мигом доставить его в далекую Биармию, в Кардор (Архангельск). Включены также сведения, почерпнутые из письменных памятников: напр., кумирня *Яура* — это береза (ср. предание о Стефане Пермском); бог ветра *Шуа*, известный на Печоре и поныне под именем *Шуӧ*, помещен на вершину горы, гнезда ветров (*Тӧв поз из*) и т.д.

Одним словом, художественные произведения К.Ф.Жакова насквозь проникнуты народным духом, представляют собой философское осмысление народной истории, и так же как «Калевала», близки по духу устному народному творчеству, прежде всего коми фольклору.

К.Ф.Жакова привлекала как научная, так и писательская работа. При этом его обращение к коми фольклору, к мифам, к сказкам различных северных народов определяло основные направления и в его литературном творчестве. Следует отметить, что работа по исследованию фольклора коми, также его лингвистические и этнографические исследования подчас совпадали во времени.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Микушев А.К., Рочев Ю.Г., Чисталев П.И.* История собирания и изучения коми фольклора // История коми литературы. Сыктывкар, 1979. Т. I.

2. Архив Русского географического общества (Санкт-Петербург) (далее — Архив РГО), р.53, оп.1, д. 91.

3. Архив РГО, р. 53, оп. 1, д. 118.

4. Архив Коми научного центра УрО РАН. ф.1, оп.11. д.251.
5. *Жаков К.* Зырянские сказки // Живая старина. СПб., 1908. Вып. 1.
6. Живая старина. СПб., 1908. Вып. 2
7. *Жаков К.* Под шум северного ветра. Рассказы. очерки. сказки и предания. Сыктывкар. 1990.
8. *Туркин А.И.* Каллистрат Фалалеевич Жаков // *Жаков К.* Под шум северного ветра. Рассказы. очерки. сказки и предания.
9. *Туркин А.И.* Писатель. ученый. просветитель // Парма, 1991. Вып.4.
10. *Жаков К.Ф.* Языческое миросозерцание зырян // Научное обозрение. 1901. Вып.3.
11. Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка. Отв. ред. К.В.Чистов., Л., 1979.
12. Коми мойдъяс. Сост. Ю.Г.Рочев. Сыктывкар, 1991.
13. *Жаков К.* Биармия. Сыктывкар. 1993.
14. *Микушев А.К., Чисталев П.И., Рочев Ю.Г.* Коми народные песни. Вып. 3. Сыктывкар. 1971.

Yuri Rotchev, Ivan Ploskov

KALLISTRAT ZHAKOV – A KOMI FOLKLORE SPECIALIST AND A WRITER

It was Kallistrat Falaleyevitch Zhakov (1866-1926) who began to reveal and study the indigenous Komi narrations and, in particular, fairy-tales, on the one hand, and on the other - he was the man who started a gradual turn from the general folklore ethnographical descriptions to the proper folkloristic scientific tradition.

K.Zhakov was engaged in both scientific and writer's work. His activity as a writer was to a large extent determined by his interest in the Komi folk-lore, the myths and fairy-tales of different northern peoples. It should be noted that at the same time he worked at the researches of the Komi folk-lore and at the linguistic and ethnographical investigations.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Тамара Тепляшина
Москва

К 90-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО

Это было в далеком 1940-м году. На одно из очередных занятий студентов первого курса истфилфака Удмуртского пединститута вошла скромная, молодая, стройная женщина — преподаватель удмуртского языка. Доходчиво и проникновенно она рассказывала о специфике удмуртского языка, сопоставляла отдельные его элементы с русским. Так состоялось первое мое знакомство с будущей на всю свою жизнь учительницей родного мне языка Аполлинарией Александровной Поздеевой.

А.А.Поздеева родилась в удмуртской крестьянской семье селы Дебесы современной Удмуртской республики 14-го января 1905 года. Начальное образование получила еще до революции в 1913-1917 гг. в период Первой империалистической войны. Обучение в царской школе шло только на русском языке. Требования к учебе были жесткие. Между тем старая дореволюционная школа давала неплохие знания: хорошо обучала арифметике, чистописанию, правилам орфографии и синтаксиса русского языка, словом, выпускала грамотных людей. Правда, нерусским учащимся приходилось постигать все это с большими усилиями, поскольку русские учителя не знали специфику языка учащихся. Наш юбиляр блестяще справилась с трудностями в учебе и уверенно шагала к поставленной ею жизненной цели.

Будущему преподавателю, исследователю, автору книг для удмуртских детей пришлось пережить годы гражданской войны. В 1921-1922 гг. на территории Поволжья и Приуралья из-за сильной засухи разразился голод. Население страдало от болезней, свирепствовал брюшной тиф, который унес множество человеческих жизней. Не избежала этой участи и семья Аполлинарии Александровны. Несмотря на труднейшие обстоятельства, осенью 1922 года при Советском правительстве стали открываться различного профиля школы, в том числе школы для нерусских народностей. В Дебесах была создана новая школа — школа второй ступени, куда определяется учиться А.Поздеева и заканчивает ее в 1924 году. Желание продолжить учебу

не покидает молодую удмуртскую девушку. Она одна среди пяти молодых людей отправляется пешком за 140 км от дома в Глазовский педтехникум. Там Аполлинарию Александровну зачисляют сразу на 3-й курс. Успешно завершившую через два года этот педтехникум А.Поздееву оставляют работать в качестве учителя только что открывшейся при педтехникуме Опытно-показательной школы (фактически это была начальная школа для удмуртских детей). Студенты техникума в ней проходили первую педагогическую практику под руководством А.А.Поздеевой.

В начальной и средней школе юбиляру не пришлось изучать удмуртский язык, поскольку обучение проходило на русском языке. В Глазовском педтехникуме впервые познакомилась Аполлинария Александровна с удмуртским алфавитом, стала читать и писать по-удмуртски. Специальные удмуртские учебники в ту пору отсутствовали. Имелась одна книга для учителей И.В.Яковлева «Удмурт кыл ралъян» изд. 1928 года, затем переиздававшаяся в 1930 и 1931 гг. В ней содержался краткий грамматический очерк, впервые появилась удмуртская грамматическая терминология. Однако этот труд И.В.Яковлева скорее был учебным пособием для учителей; не было в нем дано ни текстовых материалов, ни материалов для упражнений. Много труда приходилось вкладывать А.Поздеевой при подготовке к занятиям в Опытно-показательной школе: собирать материалы по грамматике удмуртского языка, систематизировать их, чтобы дать ясное представление о структуре удмуртского языка. Для практических занятий необхоимо было готовить текстовой материал, которого в ту пору было совершенно недостаточно, поскольку художественные произведения еще не создавались или печатались весьма мало. В основном приходилось пользоваться газетными текстами.

Проработав в течение трех лет в Опытно-показательной школе, Аполлинария Александровна решает совершенствовать свои знания в стенах высшего учебного заведения. В 1920-е гг. при Педагогическом институте им. А.И.Герцена было открыто отделение национальных меньшинств, при котором существовали секции эстонцев, финнов, поляков, латышей. В 1928 году были образованы коми и удмуртская секции по языку и литературе. В числе семи удмуртских студентов герценовского института (А.С.Бутолина, А.П.Вахрушева, Е.А.Коновалова, А.И.Малых, П.Н.Перевошикова, Ф.Ф.Пономарева) оказалась и А.Поздеева. Удмуртской секцией в то время ведал земляк, человек большой культуры, единственный в тот период удмуртский ученый, окончивший духовную академию, полиглот Константин Михайлович Баушев. Он был учеником непревзойденного авторитета в финно-угроведении Д.В.Бубриха. К.М.Баушев преподавал

удмуртский язык в Пединституте им. А.И.Герцена, состоял членом Ленинградского общества изучения культур финно-уторских народов (ЛОИКФУН) и членом секции научных работников Ленинградского союза, на основе которых впоследствии была создана Дмитрием Владимировичем кафедра финно-уторских языков на филфаке Ленинградского университета. Окончившие в 1932 году Педагогический институт им. А.И.Герцена представители удмуртского края вернулись на родину и были определены на разные журналистские и учительские должности. Впоследствии все они стали видными деятелями культуры, литературы и науки удмуртского народа. Открытый в 1931 году Удмуртский педагогический институт в г. Ижевске работал второй год. Создана была кафедра удмуртского языка и литературы. Аполлинария Александровна стала преподавателем удмуртского языка этой кафедры. Членов кафедры было трое: Семен Прокопьевич Жуйков — зав. кафедрой, Дмитрий Иванович Корепанов (позже писательский псевдоним его — Кедра Митрей) — литератор и А.А.Поздеева.

Аполлинария Александровна активно включилась в работу кафедры. Молодая преподавательница все свои усилия сосредотачивает на создании курса удмуртского языка. И добивается успехов. Постепенно складывается учебный курс и макет учебного пособия, крайне необходимого для работы. Первоначально выходит в свет книга «Русский язык». Учебник для 4-6 классов удмуртской школы, составленный совместно с С.П.Жуйковым в 1933 году. Это была первая сопоставительная русско-удмуртская грамматика послереволюционного периода. Затем, с 1933 года, один за другим выходят из-под пера Аполлинарии Александровны учебники, учебные пособия, программы по русскому и удмуртскому языкам.

В продолжение 50-ти лет занималась А.А.Поздеева созданием учебников для средних школ. Ее труд «Удмурт грамматика», ч. I. (Фонетика и морфология) до 1972 года выдержал 14 изданий, качество которых с каждым годом совершенствовалось, издания пополнялись новыми сведениями. Самый содержательный и внушительный по объему выпуск был в 1951 году. Это издание учебника брали за основу своих исследований ученые республики, как на единственное систематизированное пособие по удмуртскому языку ссылались авторы статьи об удмуртском языке БСЭ.

Последние два-три десятилетия «Удмуртский язык» для неполных средних школ стал появляться у А.А.Поздеевой в соавторстве с другими авторами и ее участие в написании учебника в дальнейшем сохраняется до конца 80-х годов.

Проработав 13 лет в Удмуртском пединституте, для дальнейшего усовершенствования своих знаний в 1945 году юбиляр поступает в аспирантуру на кафедру финно-угорских языков филологического факультета Ленинградского университета под руководством члена-корр. АН СССР проф. Д.Б.Бубриха, основоположника финно-угроведения в Советском Союзе. Для автора этих строк наступила вторая счастливая пора встреч с А.А.Поздеевой. После сравнительно большого во время Отечественной войны перерыва в учебе я оформила перевод из Удмуртского пединститута в Ленинградский университет. Теперь я студентка, Аполлинария Александровна — аспирант и читает мне курс удмуртского языка в стенах Ленинградского университета. Наряду с учебой немало важных для меня добрых советов дала мне моя учительница. Умудренная жизненным опытом женщина щедро делилась со мной. С трепетным чувством благодарности юбиляру и своему учителю Д.В.Бубриху я вспоминаю ленинградские студенческие годы.

В 1948 году А.А.Поздеева успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Синтаксические функции именной формы на -эз и -ыс в пермских языках» и возвращается в родной пединститут кандидатом филологических наук, продолжает работу на кафедре удмуртского языка и литературы. В период работы преподавателем в пединституте юбиляру пришлось также много поработать над разрешением различных проблем удмуртской грамматики и синтаксиса, ибо специальные разработки к тому времени были недостаточны. Готовясь к лекциям, практическим занятиям, нужно было не только подбирать материалы, готовить тексты, но и исследовать отдельные языковые элементы. Наброски, сделанные в порядке подготовки к занятиям, в дальнейшем очень пригодились при написании научной грамматики удмуртского языка, для публикации статей по вопросам удмуртского языка в периодической печати, в местных журналах, в специальных лингвистических сборниках. А.А.Поздеева выступала с официальными отзывами на кандидатские диссертации ряда молодых ученых, неоднократно писала рецензии на рукописи авторов учебников и учебных пособий по удмуртскому языку для начальных и неполных средних школ. А.А.Поздеевой подготовлены важные разделы морфологии «Грамматики удмуртского языка» для вузов, изд. 1962 г. Ею опубликовано свыше 30 исследований.

Под воздействием созданных А.А.Поздеевой книг и учебников был заложен фундамент для установления единого литературного языка, диалектной основой которого явились переходные говоры с введением ряда распространенных черт северного и южного наречий. К заслугам юбиляра относятся усовершенствования правил орфогра-

фии и пунктуации. Аполлинария Александровна активно участвовала на конференциях, в дискуссиях по совершенствованию правил правописания. Обучая студентов, А.А.Поздеева прививала им любовь к избранной профессии учителя, любовь к удмуртскому языку и родной литературе. Многие выпускники кафедры стали прекрасными учителями в школах, проводниками всего передового, прогрессивного в нашем обществе, активными участниками в культурной жизни на селе. Часть окончивших удмуртское отделение успешно работает на разных журналистских должностях. Некоторые ученики доцента Поздеевой защитили кандидатские и докторские диссертации, стали ведущими учеными в области не только удмуртоведения, но и в финно-угроведении вообще.

В течение 15 лет А.А.Поздеева заведовала кафедрой удмуртского языка и литературы. Около двух лет была деканом. В 1967 году ушла на пенсию.

А.А.Поздеева скромная женщина, не выставляла себя на больших форумах, собраниях; не было у нее того зуда, что непременно по каждому поводу выступать и высказываться, свое мнение высказывала там, где это было крайне необходимо.

Среди представителей старшего поколения удмуртской интеллигенции одно из заметных мест, безусловно, принадлежит Аполлинарии Александровне Поздеевой. Достойная дочь удмуртского народа прошла путь сложения и развития удмуртской интеллигенции, на ее судьбе, как в зеркале, отразилось становление национальной интеллигенции.

Заслуги А.А.Поздеевой перед педагогической наукой оценены по достоинству. Она «Заслуженный учитель УАССР», «Заслуженный деятель науки УАССР», «Заслуженный деятель науки РСФСР». Министерство народного образования РСФСР в 1957 году наградило юбиляра значком «Отличник народного просвещения». За многолетний труд в сфере народного образования А.А.Поздеева награждена орденом «Трудового Красного знамени». Аполлинария Александровна не теряет связи с бывшими коллегами, до сих пор ведет посильную общественную работу.

От всей души хочется поздравить Аполлинарию Александровну Поздееву с знаменательной юбилейной датой — 90-летием со дня рождения, пожелать ей доброго здоровья, бодрости, веры в лучшее будущее.

Tamara Teplyashina

FOR THE 90TH ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST

Apollinaria Alexandrovna Pozdeyeva was born in the Udmurt village of Debesy on the 14th of January, 1905. She finished the Pedagogical college in Glazov, the Leningrade Herzen pedagogical institute and completed her post-graduate study at the Leningrad University. She received a Candidate's degree in Philology and headed the Chair of the Udmurt language in the Udmurt pedagogical institute. She worked much in the sphere of Udmurt Grammar. Her text-books for secondary and high schools were republished several times.

«Финно-угроведение», 1996, №1.

Обзоры и рецензии

Рец.: *ГРИШКИНА М.В.* Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV — первая половина XIX в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1994. 208 с.

Историки финно-угорских народов еще в 1968 г. обратили свое внимание на содержательную статью М.В. Гришкиной «К вопросу о социально-экономических отношениях в Удмуртии (до 60-х гг. XIX в.)», опубликованную в 20-м выпуске «Записок Удмуртского НИИ». Талантливый исследователь средневековой истории Удмуртии в дальнейшем опубликовал десятки трудов о далеком прошлом родного народа, написанных на богатой, впервые введенной в научный оборот источниковой базе, в основном по архивным документам. Каждая новая ее работа вызывала у читателей удовлетворение своим аналитическим и методическим совершенством в обобщении фактического материала, безупречной аргументацией выводов и выразительным языком. Высокую оценку научной общественности получили ее монографии «Крестьянство Удмуртии в XVIII веке» (Ижевск, 1977), «Удмурты : этюды из истории IX — XIX вв.» (Ижевск, 1994), разделы в книгах «История Урала с древнейших времен до 1861 г.» (М., 1989), «История крестьянства России в эпоху позднего феодализма XVII — XVIII вв.» (М., 1993. Т.3) и др. Она стала доктором исторических наук, защитив диссертацию «Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII — первой половине XIX в.».

Рецензируемая монография является важнейшим исследованием М.В. Гришкиной, по существу обобщающим ее многолетние изыскания и многочисленные публикации. Чтобы понять ее отношение к исследованию истории, приведу цитату из ее книги «Удмурты: этюды из истории IX — XIX вв.»: «События, которым посвящена эта книга, отдалены от нас сотнями и сотнями лет. Перед автором стояла конкретная задача попытаться восстановить их на строго документальной основе. Труд историка тем и отличается от творчества поэта и художника, что ему недостаточно вдохновенного озарения и интуиции, он должен держать свое воображение в крепкой узде и строго следовать фактам и свидетельствам той эпохи, исследовать и понять которую он стремится. Однако чем дальше отстоит историческое время, тем меньше прямых свидетельств о нем доходит до нас и тем труднее разглядеть за туманной далью веков происходившее тогда. Порой вместо сверкающей многоцветьем красок действительности приходится довольствоваться бледной и сухой схемой. Но и эта схема не должна исказить прошлое. Каждое свое предположение историк должен доказать, опираясь на работы своих предшественников, иногда не соглашаясь с ними, если добытые им факты дают ему основания для этого» (с. 5). Это — ее кредо. Оно выдержано ею и в рассматриваемой монографии.

Во «Введении», обстоятельно обосновав проблематику, автор тщательно анализирует литературу, имеющую прямое или косвенное отношение к теме монографии. В дооктябрьской историографии прошлое Удмуртии рассматривалось как часть Вятской и отчасти Казанской истории. Анализом охвачены «История вятчан» (с 1181 по 1781 год) А.И.Вештомова, публикации А.С. Верещагина, А.А.Спицина, Н.Н.Романова, отмечены значение трудов П.Н.Луппова и И.Н.Смирнова, отдельные сведения об удмуртах в работах А.Я.Ефименко, М.Н.Островской, М.М.Богословского, С.В.Ешевского, Н.А. Фирсова, Г.И. Перетятковича, В.И.Семевского, критически рассмотрены труды советских историков Н.Н.Латышева, М.Н.Мартынова, М.Г.Худякова, А.Ф.Трефилова, А.В. Эммаусского, П.А.Колесникова, Ю.А.Кизилова, В.А.Оборина, оценены работы В.Л.Бушуевой, И.П.Ермолаева, А.А. Преображенского, А.И.Комиссаренко, Б.Г.Плюшевского и др. Подводя итоги, М.В.Гришкина констатирует, что «история Удмуртии и удмуртского народа в феодальную эпоху изучена еще явно недостаточно. . . К более разработанным можно отнести проблемы вхождения края в состав России (с соответствующей расстановкой акцентов), взаимоотношений между каринской верхушкой и удмуртско-бесермянской деревней в XVII в. и в начале XVIII в., а также история классовой борьбы, в частности, восстание под предводительством Е.И. Пугачева» (с.20).

Монография написана на основе огромного количества источников, преимущественно архивных. Автор анализирует источники как компетентный источниковед.

Принятые в монографии структуру и периодизацию следует признать обоснованными и удачными: 1) Присоединение Удмуртии к Русскому централизованному государству. Дальнейшее развитие феодальных отношений (конец XV — начало XVII в.). 2) Удмуртия в период дальнейшего усиления феодально-крепостнического гнета и начала складывания всероссийского рынка в XVII в.. 3) Социально-экономическое развитие Удмуртии в XVIII в. Крестьянская война под предводительством Е.И.Пугачева на территории Удмуртии. 4) Удмуртия в первой половине XIX в. Этим периодам соответствуют и главы.

Не соглашаясь с утверждением о добровольном присоединении Удмуртии к Русскому государству, появившемся, как правильно замечает автор, по социальному заказу сверху, с допущенными в исторической литературе искажениями в этом вопросе, М.В.Гришкина считает, что процесс присоединения Удмуртии к России, начавшийся в конце XV в. и завершившийся во второй половине XVI в., был длительным, преисполненным подлинного драматизма, а порой и трагизма. Присоединение Вятской земли, в составе которой находились северные удмурты, началось в 1479-1482 гг. и завершилось летом 1489 г. при участии 64-тысячного московского войска, взявшего г. Котельнич, затем осадившего центр этой земли — г.Хлынов. Москвой были предъявлены вятчанам жестокие условия. Предводители сопротивления вятчан были казнены. Вятские бояре и крупные купцы были вывезены в Москву и помещены в разных районах Московского княжества.

Присоединение южных удмуртов к России было связано с завоеванием Иваном IV Казанского ханства. Действия арских князей в поддержку осажденной Казани поставили под удар мирное население Арской земли. В начале сентября 1552 г., читаем в монографии, три усиленных русских полка за 10 дней разгромили Арскую землю, Арское городище и множество деревень. «Плененные в Арске «12 арских князей, 7 воевод, 300 лучших сотников и

старейшин» и 5 тысяч простых воинов для устрашения защитников осажденной Казани были казнены перед ее стенами» (с.39). В 1552 — 1556 гг. арские люди, участвуя в антимосковском восстании, также понесли большие людские потери.

В описание событий этих лет вкралась небольшая неточность. М.В. Гришкина пишет: «Горная сторона также была охвачена восстанием. Его возглавил Мамыш-Берды, один из сотников Луговой стороны. Он избрал в качестве резиденции Чалымскую крепость на правом берегу Волги. . . В апреле 1556 г. карательные силы во главе с П.В.Морозовым взяли Чалымский городок. Мамыш-Берды был выдан русским» (с. 40-41). В действительности же горные люди, чуваши и горные марийцы, в антимосковском движении 1552 — 1557 гг. не участвовали. В декабре 1552 г. луговые и горные люди ограбили русских купцов и гонцов. Свияжский воевода П.И.Шуйский повесил 74 человека горных людей, награбленное вернул истцам. Это — единственный случай казни горных людей, отмеченный в летописи. Чалымский городок, согласно летописям, был расположен на Побережной стороне, т.е. на правобережье Средней Камы, а не на Волге. В апреле 1556 г. воевода П.В.Морозов сжег Чалымский городок на Побережной стороне (1). Мамыш-Берды никогда не руководил восстанием на Горной стороне. Здесь он появился в марте 1556 г. с 2000 луговых повстанцев, чтобы склонить к себе горных людей. Чуваши во главе с сотником Аттышем заманили Мамыш-Берды и его охрану (до 200 человек) в свой острог (наверное, на Сундырской горе), побили охрану и, захватив главаря, 21 марта привезли его в Москву (2).

В первой же главе исследуется социально-экономическое развитие и политическая история Удмуртии в конце XV — начале XVII вв. Фактический материал свидетельствует об усиленном притоке русского населения в удмуртские земли, в связи с чем удмурты покидали западные районы Вятской земли, сосредотачиваясь в бассейне Чепцы и ее притоков. Происходил также процесс обрусения некоторой части удмуртов. Хотя на вновь осваиваемых удмуртами землях развитие земледелия несколько задерживалось, тем не менее, Удмуртский край превратился в хлебопроизводящий район, располагавший излишками зерна, которые поставлялись в Сибирь. Как Северная, так и Южная Удмуртия стали объектами не только правительственной, крестьянской, но и помещичьей и монастырской колонизации. Управление северными удмуртами осуществлялось из Москвы, их налоговое обложение было аналогично черносошному. Южные удмурты управлялись Приказом Казанского дворца и казанскими воеводами, подвергались ясачному обложению. Выражая социальный протест, удмурты, особенно южные, участвовали в восстаниях 1572 — 1574 гг., 1582 — 1584 гг. и крестьянской войне начала XVII в., подавление которых царскими войсками «привело к разорению многих селений, гибели людей, запустению» (с. 67).

В главах второй (XVII в.) и третьей (XVIII в.) обстоятельно исследованы вопросы: население и территориально-административное устройство Удмуртии, развитие в ней сельского хозяйства, промыслов, промышленности, торговли, расширение в крае помещичьего, монастырского и дворцового землевладения, экономическое и правовое положение черносошного и ясачного населения в XVII в., государственных крестьян в XVIII в., их подати и повинности, участие удмуртских и русских крестьян края в социальной (классовой) борьбе, народных движениях.

Автор скрупулезно прослеживает территориальные рамки Удмуртии, ее административно-территориальное деление, функционирование в ней воеводской системы управления (до начала 80-х гг. XVIII в.). Численность податного населения Удмуртии XVII в. устанавливается приблизительно, а в 1764 г. она составила 98 тыс., в 1795 г. — 148, 5 тыс. душ мужского пола, из них русские — 52,5 %, удмурты — 36,4 %, татары — 9,6 %.

В XVII — XVIII вв. в Удмуртии продолжалось развитие помещичьего, монастырского, дворцового и общинного землевладения русских черносошных крестьян. Верховным собственником земель удмуртских черносошных и ясачных людей, русских черносошных крестьян являлось феодальное государство.

Большой заслугой автора является очень тщательное, выполненное на большой документальной базе, исследование состояния сельского хозяйства, промыслов, промышленности, торговли, втягивание края в складывающуюся систему всероссийского рынка. Из монографии видно, что техническая база крестьянского хозяйства и агрикультура прогрессировали очень медленно, что в земледелии господствовало трехполье, дополняемое элементами подсеки и лесного перелога, но хозяйство крестьянина было, выражаясь современным термином, многоотраслевым (земледелие с возделыванием традиционных культур, животноводство, охота, бортничество, рыболовство, строительство, ткачество, изготовление орудий труда и транспортных средств, переработка сельхозпродукции, сельские промыслы и т.д.), требовало от крестьянина очень больших знаний, профессиональных навыков, мастерства, так что об «идиотизме» деревенской жизни говорить не приходится. Производимые крестьянами хлеб, мед, меха, некоторые продукты животноводства через скупщиков поступали на всероссийский рынок.

С рубежа XVII — XVIII вв. в Удмуртии возникли медеплавильные и железоделательные частновладельческие и казенные заводы, обслуживаемые подневольным крепостным трудом. В конце XVIII в. в ней действовали три чугунолитейные и железоделательные, один железоделательный и четыре медеплавильных завода. В XVIII в. в крае появились кожевенные, мыловаренные, текстильные, поташные предприятия.

До начала XVIII в. существенные различия в социальном и правовом положении северных и южных удмуртов сохранялись. В 1724 г. и те и другие были причислены к разряду государственных крестьян. Государство стремилось получить от них наибольшую прибыль. Взыскиваемые государством с черносошных и ясачных, впоследствии государственных крестьян денежные и натуральные подати, выполняемые ими разнообразные повинности представляли собой одновременно феодальную ренту и государственный налог. В XVI — XVII вв. удмуртские ясачные люди поставляли в армию с трех ясаков одного воина, с начала XVIII в. все удмурты несли рекрутскую повинность. Среди удмуртов процветали произвол, злоупотребления, вымогательства и взяточничество дворян и чиновников. Органы управления осуществляли над ними внеэкономическое принуждение владельца — феодального государства. В монографии глубоко раскрыты все аспекты пребывания удмуртских крестьян в системе государственного феодализма. Историк крестьянства С.А.Князьков еще в 1911 г. писал, что государственные крестьяне «на деле считались такими же крепостными государства, какими помещичьи крестьяне являлись по отношению к своим господам» (3, с.210). М.В.Гришкина также приходит к выводу, что черносошные крестьяне и ясачные люди, ставшие с начала XVIII в. госу-

дарственными крестьянами, «являлись крепостными всей корпорации феодалов в лице государства» (с.72). В книге обращено большое внимание на исследование сельской общины, ее роли в жизни крестьян, отношение к ней государства. Преимущественно по новым источникам исследованы автором разные формы социального сопротивления и борьбы крестьян края в XVII — XVIII вв. против угнетения их государством и феодалами, произвола властей.

Новизной и глубоким содержанием отличается и четвертая глава книги — «Удмуртия в первой половине XIX в.». Здесь автор, кратко останавливаясь на вопросах о численности населения края (в 1850 г. — 735,5 тысячи человек обоего пола), управления и землевладения, делает главный упор на глубокое, с использованием неизвестных ранее архивных источников, исследование традиций и инноваций в крестьянском земледелии, развития частновладельческой промышленности, торговли и путей сообщения, то есть вопросов, представлявших собой «белое пятно» в историографии Удмуртии.

Как показано в книге, феодально-крепостнический характер социальных отношений в Удмуртии первой половины XIX в. сохранялся, но и здесь капиталистические отношения с эксплуатацией наемного труда все более расширяли свою сферу.

Реформа П.Д.Киселева среди государственных крестьян (1837-1841 гг.), вводя специальное управление ими, увеличила штат чиновников, податный гнет на их содержание, масштабы их злоупотреблений среди них. В то же время в ходе реформы был осуществлен ряд мер, имевших для крестьян позитивное значение. Исследователь аргументированно показывает, что с 40-х годов XIX в. земледелие Удмуртии стало испытывать усиленное воздействие инноваций. Вятской палатой государственных имуществ были организованы «образцовые хозяйства» (в 1847 г. их числилось 449), оказавшие определенное положительное влияние на крестьянские хозяйства. Несколько расширилась расчистка леса под пашни. В некоторых хозяйствах стали практиковать посев многолетних трав (клевера, тимофеевки и пр.), получили распространение плуг-плыбодроб, плужок для окучивания картофеля, кочкорез, снаряд для удаления пней на новорасчистях, брабантская борона, штирийская коса, английский серп, деревянная молотильная машина, заменители навоза, двойная или тройная перепашка почвы и пр. Картофель превратился из огородной в полевую культуру, улучшились приемы его возделывания. Вводились новые сорта ржи, яровых и огородных культур. Департаментом сельского хозяйства присылались в край семена улучшенных сортов. Проводились сельскохозяйственные выставки.

Новое слово сказано М.В.Гришкиной и в исследовании частновладельческой промышленности в Удмуртии в первой половине XIX в. Ею подробно охарактеризованы металлургическая и медеплавильная отрасли, входившие еще тогда в военно-промышленный комплекс, поташное, кожевенное, мыловаренное производства, предприятия по переработке животного сырья, состав их владельцев, объем производства, рабочий персонал, социально-экономическая природа промышленных предприятий. Преобладание крепостного труда в промышленности не было преодолено, хотя сфера применения наемного труда расширилась.

Не менее обстоятельно исследованы автором ранее недостаточно изученные вопросы истории торговли и путей сообщения. На огромном фактическом материале рассмотрены степень развития товарно-денежных отношений, коли-

чественный, качественный состав и движение товарных потоков, происхождение, удельный вес и характерные особенности социальных групп населения, специализировавшегося на торговле, судоходство и гужевой транспорт в Удмуртии первой половины XIX века, показано, что край стал важным звеном в сложившемся всероссийском рынке. Вывоз из края количественно и суммарно несколько раз превышал ввоз.

Небольшое по объему «Заключение» является образцом умелого теоретического обобщения итогов исследования социально-экономической и политической истории Удмуртии почти за четыре столетия. На мой взгляд, напрашивается не сделанный автором вывод о том, что Удмуртия, как и соседние национальные территории Приуралья и Поволжья, являлась колонией Московской, затем Петербургской империй.

Хочется подчеркнуть новизну разработки большинства поставленных и решенных в монографии вопросов, убедительную фактическую аргументацию всех содержащихся в ней выводов, заключений и положений, четкую логику в композиции и архитектонике книги, диалектику в основании исторических закономерностей, прекрасный стиль и язык повествования.

Рецензируемая книга представляет собой большой успех ученого и серьезный вклад в исследование истории Удмуртии, многонационального крестьянства и народов России. Она дает историкам ориентиры в исследовании ряда вопросов средневековой истории Коми и Марийского краев, Мордовии, Чувашии и Татарстана.

Василий Димитриев
Чебоксары

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание Русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XIII. С. 269.
2. ПСРЛ. Т. XIII. С. 230, 245, 246, 282; Т. XX. С. 540, 552, 553, 569, 583; Т. XXIX. С. 245.
3. Великая реформа. М., 1911. Т. II.

«Финно-угроведение», 1996, № 1.

Рец.: *Т.М.ГУСЕНЦОВА.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Издательство Удмуртского университета. 1993. 239 с.

Каждая новая монография всегда привлекает внимание специалистов, особенно если она посвящена изучению слабо исследованного района, каким несомненно был и пока еще остается бассейн р.Вятки. В этом плане работа Т.М.Гусенцовой вдвойне интересна, т. к. является первой монографией, посвященной вятским древностям ранних эпох.

Книга построена традиционно и включает введение, две главы с описанием материалов (I и III), две главы с их анализом (II и IV) и одну главу, раскрывающую хозяйственную деятельность вятского населения в эпохи мезолита и неолита (V). Завершает книгу небольшое заключение.

Основная задача книги, сформулированная ее автором, — публикация раскопанных ею памятников и определение их места среди одновременных культур Приуралья (с.8) — несомненно выполнена. Все памятники хорошо описаны, а текст сопровождается многочисленными рисунками и таблицами. Кроме того, в ходе своей работы (полевой и кабинетной) Т.М.Гусенцова смогла привлечь специалистов смежных наук, что помогло ей усилить свои выводы или сформулировать их более определенно. Поэтому общая оценка книги безусловно должна быть положительной. Вместе с тем по некоторым вопросам с автором книги можно дискутировать и даже не соглашаться.

Публикация материалов начинается с памятников эпохи мезолита, которых изучено 20. Большинство их, как и неолитические, распахиваются, частично разрушены современными ямами, а культурные слои нередко содержат остатки других эпох (табл.1). В связи с последним надо отметить, что Т.М.Гусенцова, хотя и оговаривает присутствие (или возможность присутствия) в слоях кремневых изделий других эпох или культур, но при общем описании материала не всегда ясно — исключены они при классификации или нет.

По хронологии Т.М.Гусенцова делит памятники на две основные группы, датируя их средним и поздним мезолитом. Стоянка Архангельская III (и, вероятно, неопубликованное местонахождение Мысы I) отнесена к раннему этапу (с.25). По ее мнению, стоянки первых групп в культурном плане более всего сопоставимы с памятниками микролитической культуры Нижнего Прикамья (типа IV Татарско-Азибеиского), а ранней — с усть-камской (с.67). Позиции автора вполне убедительны, как и точка зрения, что в среднем и позднем мезолите Приуралья сложился достаточно единый культурный пласт памятников, включавший в себя и стоянки бассейна р. Вятки (с.65).

По вопросу генезиса вятского мезолита автор книги не выдвинула собственной гипотезы, но, видимо, склонна принять точку зрения А.Ф.Мельничука и П.Ю.Павлова (с.66). Последние предполагают, что в Приуралье в конце

палеолита сложилась особая культура (или родственные культуры), часть населения которой в конце вюрма отошла в южные районы, в т. ч. на нижнюю Каму и среднюю Волгу, а затем с потеплением климата снова продвинулась в северные районы, оставив памятники переходного типа (от палеолита к мезолиту) — Горная Талица, Сюкеевский Взвоз и др. (1). Учитывая близость вятского и прикамского мезолита, можно предполагать, что бассейн Вятки также заселялся людьми родственными обитателям вышеназванных стоянок, что объясняет в свою очередь сходство памятников этих районов.

Однако в любом случае первопоселенцы на Вятке не были однородны в культурном отношении, поскольку мезолитические стоянки, как справедливо считает Т.М.Гусенцова, имеют некоторые различия между собой. Возможно, что прикамское население проникало на Вятку из разных мест. В позднем мезолите происходит, вероятно, значительная нивелировка материальной культуры. Доказательством этому служит то, что хуторская (камская по О.Н.Бадеру) неолитическая культура на Вятке и в целом в Волго-Камье выглядит достаточно монолитным пластом, хотя по керамике прослеживаются локальные особенности, прежде всего по крупным районам: Прикамье, Вятский край, Среднее Поволжье. Существование подобных локальных вариантов в мезолите указывает, возможно, на преемственность мезолитического и неолитического населения в регионе.

Неолитические поселения (всего 12) по сравнению с мезолитическими менее многочисленны, но также в основном раскопаны широкими площадями. Несмотря на это, на памятниках керамики немного, общее количество около 7 тысяч фрагментов (табл.1), причем 5000 собрано на трех стоянках — Кыйлуд III, Кочуровское I, Моторки II. На трех памятниках, бедных находками (Кидалсола I, IX-X), керамика отсутствует, но тем не менее они почему-то также отнесены к неолиту.

Основываясь на особенностях керамики, Т.М.Гусенцова выделяет две крупные группы поселений: хуторской (камской по О.Н.Бадеру) культуры и с накольчатой посудой. В каждой группе вычленяются ранние и поздние, соответствующие среднему и позднему неолиту. Исследовательница допускает, что оба типа посуды могли изготовляться в районе изначально, а ее пользователи сосуществовать на одних поселениях (с. 194-195). Наиболее характерной особенностью каменной индустрии является широкое использование пластинчатой индустрии — процент орудий на пластинах колеблется на стоянках от 20 до 71.

Еще 2 группы посуды выделены как менее многочисленные. Это с гребенчато-ямочной орнаментацией, появившейся на хуторских стоянках от связей с ямочно-гребенчатым неолитом, и керамика «с насечками», аналогичная посуде поселения Сауз I на Нижней Каме и датирующаяся концом неолита — началом энеолита (с. 193).

Позиции Т.М.Гусенцовой в целом не вызывают возражений, но некоторые вопросы остаются неясными. Так, например, чем объяснить высокий процент орудий на пластинах ? Представляется, что этому могут быть две причины: на поселениях со смешанным слоем каменный инвентарь рассматривался (хотя и с оговорками) как преимущественно относящийся к неолиту, а также из-за включения пластинок со следами использования в число орудий. Заметим, что отщепы на предметах возможного их употребления без ретуши не изучались.

К числу наиболее ранних из хуторских стоянок Т.М.Гусенцова отнесла Тархан I, керамика которой орнаментирована «. . .оттисками длинного узкого гребенчатого штампа простым узором, покрывающим всю поверхность сосудов» (с. 192). Однако таблицы (19, 22, 26) и рисунки (59, 60) показывают, что тарханская посуда имела преимущественно прямостенные и даже слегка открытые формы, а штампы-орнаментиры чаще были средне- и крупногребенчатые. Поэтому если этот памятник и относится к среднему неолиту, то скорее всего не к числу ранних.

Вторая группа хуторских стоянок — Моторки II, Чумойтло I и др. несомненно относится к позднему неолиту. Вместе с тем говорить о том, что гребенчато-ямочная посуда (как часть гребенчатой) бытовала в среднем неолите (с. 193), можно, видимо, лишь предположительно. На этом этапе памятники с такой керамикой появляются только на Средней Волге (2), а в бассейне Вятки, видимо, в конце этапа или в начале позднего неолита.

Определяя аналоги вятским памятникам хуторской культуры, автор книги считает, что наиболее близкие им находятся на нижней Каме, а поздненеолитические сближаются и со средневолжскими (с. 193, 196). Сходство заметно прежде всего по керамике: разнообразная орнаментация, сложные узоры, наличие разреженных зон. С приведенными доводами можно согласиться лишь отчасти, т. к. судя по рисункам и таблицам, сложная орнаментация на вятской посуде встречается не часто, как впрочем и на нижнекамской. Заметим к тому же, что полную проверку доводов Т.М.Гусенцовой сделать трудно, поскольку в сводных таблицах 29-30 орнаментация сосудов поселений Тархан I, Моторки II, Чумойтло I, Новомултанское (судя по рисункам) отражена почему-то не полностью.

Более обоснованно сейчас, видимо, говорить о хороших в целом прикамских аналогиях и в меньшей степени средневолжских. Появление на Вятке гребенчато-ямочной посуды не повлекло в культурном плане большего тяготения к средневолжскому району. Конкретизация точек зрения — это дело будущего в связи с новым накоплением материала, т. к. пока, отметим еще раз, общее количество керамики не велико, в частности хуторской посуды около 3,5 тысячи фрагментов.

В схеме периодизации памятников с накольчатой керамикой, как и по хуторским, выделено два этапа. Доводы Т.М.Гусенцовой были бы более убедительными, если бы сопровождались сравнительной таблицей, наглядно показывающей сходство и отличие посуды раннего и позднего этапов. Неясные вопросы и отчасти сомнения по периодизации возникают от того, что, например, сводная таблица 33 по типам композиций узоров керамики далеко не полная, о чем можно судить по рисункам керамики: в описании материалов керамика поселения Кыйлуд II называется наиболее древней в районе (с. 83), а в главе IV в качестве таковой определяется уже лишь только часть ее (с. 193, какая ? — *Л.Н.)*

Как уже отмечалось, по вопросу об исходных районах переселения населения, изготовлявшего накольчатую керамику, Т.М. Гусенцова не высказала свое мнение, но считает возможным, что гребенчатая и накольчатая посуда могла изготовляться местными коллективами изначально (с. 195). Представляется, что простая констатация могла бы быть дополнена предположением, почему местное население восприняло две, а не одну керамические традиции, разнящиеся по технологии и орнаментации ? Тем более, что Т.М.Гусенцова уже сделала

шаги в этом направлении, отметив сходство каменной индустрии коллективов эпохи мезолита и неолита (в т. ч. с накольчатой керамикой), домостроительства двух неолитических культур (с. 195), а по однослойной стоянке Кыйтуд II (с. 82) можно утверждать, что различий в каменном инвентаре последних практически не было.

Следовательно, если постмезолитические жители стали изначально изготовлять разную посуду, то для этого были какие-то внутренние причины. Возможно, что это было обусловлено двукомпонентностью первопоселенцев в бассейне р. Вятки, или постепенным сложением в течение мезолита двух экзогамных половин и т. д. Как бы то ни было, они (причины) в любом случае, видимо, не связаны с территориальным расселением или с хозяйственной деятельностью людей. Против этого говорит то, что если разные коллективы жили чересполосно или даже в одних поселках, то они тем не менее не смешивали свои керамические традиции, гребенчато-накольчатой посуды нет как на Вятке, так и в соседних районах Волго-Камья.

В последней главе рассматриваются жилища и поселения как источники по реконструкции хозяйственной деятельности вятского населения. Глава представляет собой дополненный вариант ранее опубликованной статьи (3). Для анализа темы очень важен вопрос о документированности источников, прежде всего жилищ. Последних на 32 стоянках изучено 31 полностью и 5 частично. Однако несмотря на такое количество, фотографии сооружений отсутствуют. Особенно интересны были бы снимки жилищ целиком, которые сняли бы все вопросы о надежности зафиксированных данных.

В заключении книги Т.М.Гусенцова сжато излагает свои выводы и заканчивает его упреком рецензенту, что он пытается искать финно-угров уже в палеолите. С этим нельзя согласиться. Во-первых, в статье, на которую она ссылается, нет ни слова об этом. Очевидно, имелась в виду другая работа (4). Во-вторых, в этногенетических работах (по материалам эпохи камня-бронзы) археологи никогда не ставят задач искать предков народов в палеолите, а пытаются проследить какие-то общие закономерности в развитии материальной культуры древнего населения, определить преемственность или переселение новых коллективов (опять же на археологическом уровне) и т. д., т. е. разобраться в том, как сложился культурный фон (ранний железный век), который имел уже прямое отношение к формированию далеких и близких предков, а затем и народов в прямом смысле слова. Если же отказаться от таких попыток, подобных работ вообще, то «настоящие» этногенетические исследования надо хронологически начинать лишь с памятников начала II тыс. н. э. Вряд ли это будет логично.

Заканчивая обзор книги, остановимся еще на одном вопросе. В рецензируемой работе и в публикациях археологов Удмуртского университета часто фигурируют высказывания: Камско-Вятское междуречье, специфика памятников междуречья, стоянки междуречья и р. Вятки и т. д. Если речь идет о территории, то это правомерно. Что же касается специфики памятников, то это вызывает возражение. Специфика и отличие от чего? Об этом можно говорить лишь в том случае, если стоянки междуречья, т. е. на притоках (Кильмезь, Чепца и др.) в реальности отличаются от одновременных им на побережьях Камы и Вятки.

В действительности же мы имеем дело с определенными культурами (или их локальными вариантами), группами памятников и т. д. бассейна р. Вятки,

которые имеют сходство и отличие (т. е. специфику) от памятников соседних районов и прежде всего Прикамья и Среднего Поволжья. При этом вполне естественно, что стоянки, расположенные на левых и правых притоках, например, на р. Пижме или р. Кильмези, могут быть более близкими к одновременным или однокультурным стоянкам указанных районов, чем те, что расположены на самой Вятке. Здесь мы не затрагиваем вопрос о правомерности и необходимости выделения самостоятельных культур в вятском бассейне.

Поэтому, на наш взгляд, следует говорить о памятниках именно бассейна р. Вятки, как одного из районов Волго-Камья. Понимает это, видимо, и автор рецензируемой книги (с. 65, 66, 232), но все же пишет о памятниках междуречья.

Итак, основная цель работы — введение в научный оборот новых памятников — автором выполнена. Несомненно большего ожидалось от исследовательских глав (II и IV), однако они весьма краткие и не содержат развернутых аргументаций по затрагиваемым в них вопросам. Несмотря на это, монография Т.М.Гусенцовой несомненно станет основой для дальнейших работ по изучению памятников эпохи камня в бассейне р. Вятки.

Леонид Наговицин
Ижевск

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю.* Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье //Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.

2. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969; *Никитин В.В.* Некоторые проблемы изучения неолита-энеолита Среднего Поволжья //Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990.

3. *Гусенцова Т.Н.* Некоторые аспекты изучения поселений эпохи мезолита и неолита в бассейне р.Вятки //Новые источники по древней истории Приуралья. Ижевск, 1985.

4. *Наговицин Л.А.* Узловые этапы в истории формирования древнейшего финноязычного населения на территории лесной полосы Европейской части СССР //Исследования по древней истории и этногенезу финноязычных народов. Ижевск, 1990.

Хроника

Финно-угорская хроника за 1995 год

2-4 февраля *г. Тарту* (Эстония)	Научная конференция, посвященная 90-летию академика П.Аристэ «Наука Аристэ и финно-угорское языкознание».
21-23 апреля *г. Хельсинки* (Финляндия)	Празднование 60-летия государственной просветительской организации «Общества калевальских женщин» с участием представителей женских организаций финно-угорских территорий России.
26-29 апреля *г. Тарту*	Конференция «От Урала до Эмайыги» о марийцах, проживающих за пределами Республики Марий Эл. Организатор — Фонд «Финно-утрия».
22-28 мая *г. Рауа* (Финляндия)	Международная конференция «Игрушки в Финляндии и у финно-угорских народов».
26-28 мая *г. Кудымкар* (Коми-Пермяцкий автономный округ)	Международная научно-практическая конференция «Коми-пермяки и финно-угорский мир». Участвовало более 60 представителей России, Англии, Германии, Венгрии, Канады, Финляндии, Эстонии.
17-18 июня *г. Сыктывкар* (Коми Республика)	Международный конгресс финно-угорской молодежи. Участников около 250 человек из России, Венгрии, Финляндии, Эстонии. Организована выставка произведений живописи молодых художников. Принята программа «Молодежь и финно-угорский мир».
20 июня *г. Сыктывкар*	Подписан Договор о сотрудничестве в области культуры, образования между Правительством Коми Республики и Министерством культуры и образования Эстонии.
20-21 июня *г. Петрозаводск* (Республика Карелия)	Очередное заседание Международного консультативного комитета финно-угорских народов по вопросам участия в международных и европейских организациях, подготовка к Всемирному конгрессу финно-угорских народов. В работе заседания приняли участие депутаты парламента Венгрии, Финляндии, Карелии, Коми, Чрезвычайный и Полномочный посол Венгрии в Москве Д.Нановски.
26 июня-2 июля *г. Ханты-Мансийск*	Пятый Международный телефестиваль финно-угорских народов под девизом «Сохранение этнической культуры и самобытности народов».

Июль-август *Марий Эл*	Пятая лагерная смена детей финно-угорских народов.
Июль *Марий Эл*	Летние курсы финского языка и культуры для представителей финно-угорских народов.
18-24 июля *г. Раикеве* (Венгрия)	Международные финно-угорские дни по проблемам механики.
28 июля-3 августа *г. Кудымкар*	Пятый Международный фольклорный фестиваль финно-угорских народов.
31 июля-1 августа *г. Кудымкар*	Второй съезд Ассоциации финно-угорских народов России. Заслушан отчет исполкома, рассмотрен проект Программы возрождения финно-угорских народов, принят ряд обращений и решений по вопросам экономического, социально-политического развития финно-угорских территорий. Избран новый состав руководящих органов Ассоциации.
6 августа *г. Варшава*	На V Всемирном конгрессе по изучению Центральной и Восточной Европы состоялось заседание на тему: «Финно-угорские народы России: история и современность».
10-15 августа *г. Ювяскюля* (Финляндия)	VIII Международный конгресс финно-угроведов.
16-31 августа *г. Хельсинки*	Семинар этнографов и сотрудников музейного дела. Курсы библиотековедения и финского языка для библиотекарей и сотрудников финно-угорских библиотек России.
Сентябрь *г. Йошкар-Ола* (Марий Эл)	Выставка финского фотографа Рейо Риннекангаса.
24 октября Во всех финно-угорских территориях	День родственных финно-угорских народов.
30 октября-1 ноября *г. Сыктывкар*	Заседание молодежной Ассоциации финно-угорских народов.
3-4 ноября *г. Йошкар-Ола*	Заседание Международного консультативного комитета финно-угорских народов, на котором обсуждены вопросы о проведении второго Всемирного конгресса финно-угорских народов в Будапеште и Программа развития финно-угорских народов.

Учредительная конференция по созданию Ассоциации финно-угорских журналистов. Участники из Карелии, Коми, Удмуртии, Башкирии, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого округов, Нижегородской области.

21-24 ноября *г. Хельсинки* — Семинар для научных работников и специалистов по обсуждению составления учебников для национальных школ.

Составил **Игорь Саловин**

г. Йошкар-Ола

Хроника основных событий марийско-венгерского сотрудничества в 1971-1995 гг.

1971 год

Май. 19 мая состоялась конференция представителей трудящихся и общественных организаций республики, посвященная учреждению Марийского республиканского отделения Общества советско-венгерской дружбы. Конференция избрала правление республиканского отделения ОСВД. Председателем правления избран председатель Комитета по телевидению и радиовещанию Совета Министров Марийской АССР Н.Ф.Рыбаков.

Июнь. В области Ваш ВНР побывала делегация Марийской АССР во главе с первым секретарем Марийского обкома КПСС В.П.Никоновым.

Август. В Марийскую республику прибыла делегация области Ваш Венгерской Народной Республики во главе с первым секретарем Вашского обкома ВСРП Анталом Ковачем.

В Йошкар-Оле прошел фестиваль, посвященный советско-венгерской дружбе.

1972 год

Апрель. В Марийской АССР находился Чрезвычайный и Полномочный посол ВНР в СССР Дьюла Рапаи.

В Йошкар-Оле прошли Неделя венгерского фильма и Декада венгерской книги.

Май. На Марийский целлюлозно-бумажный комбинат в г. Волжске прибыла делегация Западно-венгерского деревообрабатывающего предприятия. Установлена прямая дружественная связь между этими предприятиями.

В совхоз «Семеновский» Медведевского района прибыла делегация госхоза «Сомбатхей» области Ваш. Установлена прямая дружественная связь между предприятиями.

Июль. Футбольная команда спортивного клуба «Халадаш» из области Ваш провела в Йошкар-Оле товарищеские встречи с футбольными командами Марийской АССР.

Август. На озере Яльчик отдыхала группа венгерских пионеров из области Ваш, а на озере Балатон отдыхала группа марийских пионеров. Обмен делегациями пионеров стал проводиться ежегодно.

Ноябрь. Марийским отделением ОСВД издан буклет «Йошкар-Ола — Сомбатхей».

Декабрь. Делегация области Ваш ВНР во главе с председателем облисполкома Дьёрдем Гонда приняла участие в торжествах, проводившихся в республике в связи с 50-летием образования СССР.

1973 год

Январь. В культурно-просветительных учреждениях, учебных заведениях республики проводились читательские конференции, оформлялись плакаты и выставки книг, посвященные 150-летию со дня рождения выдающегося венгерского поэта и революционера Шандора Петёфи.

Февраль. В городах и селах республики состоялись мероприятия, посвященные 25-й годовщине подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ВНР.

Март. В Марийской АССР находились венгерский режиссер Габор Кевереш и редактор венгерского телевидения Клара Дьярмати, которые снимали фильм «Марий Эл» по сценарию писателя Миклая Рыбакова.

Апрель. Вышел в свет 4-й номер журнала «Факел», издаваемый АПН для венгерских читателей. Номер был полностью посвящен нашей республике.

В Марийской АССР прошли гастроли венгерского ансамбля «Унгареска» из области Ваш.

Июнь. На фестивале рабочих хоров в области Ваш принял участие самодеятельный ансамбль Дома народного творчества «Эрвий».

Октябрь. В Сомбатхее на венгерском языке издана книга марийского писателя, председателя правления Марийского отделения ОСВД Н.Ф.Рыбакова «На марийской земле». Отдельная глава посвящена побратимским связям Марийской АССР и области Ваш ВНР.

Ноябрь. В педагогическом институте им. Н.К.Крупской, Йошкар-Олинском Доме пионеров и в правлении Марийского отделения ОСВД начали работать кружки по изучению венгерского языка.

1974 год

Июнь. В республике находилась делегация венгерских комсомольцев. Установлена прямая дружественная связь между Марийским обкомом ВЛКСМ и Вашским обкомом ВКСМ.

Июль. Установлена прямая дружеская связь между правлениями Марийской республиканской организации общества «Знание» и Вашским отделением общества по распространению научных знаний.

На сценах домов культуры и клубов республики выступил хоровой коллектив «Юность» из области Ваш.

Август. Группа специалистов в области строительства, архитектуры и городского хозяйства проходила обучение в летнем университете «Савария» в области Ваш.

Октябрь. Волейбольная команда спортивного клуба «Халадаш» из области Ваш провела в Йошкар-Оле товарищеские встречи.

1975 год

Февраль. Исполком Йошкар-Олинского горсовета принял предложение Марийского отделения ОСВД и присвоил имя города Сомбатхей новому микрорайону в заречной части города, в котором начата застройка. Его начали именовать «Сомбатхейский микрорайон».

Март. На Марийском целлюлозно-бумажном комбинате проведен республиканский семинар руководителей первичных организаций Марийского отделения Общества советско-венгерской дружбы.

Апрель. В область Ваш выезжал Марийский государственный ансамбль песни и танца «Марий Эл».

Июль. В Йошкар-Оле находилась делегация профсоюзных работников из области Ваш. Установлена прямая дружественная связь между Марийским республиканским советом профсоюзов и Вашским областным советом профсоюзов.

Август. Группа комсомольцев и молодежи Марийской АССР в составе советской делегации приняла участие в I фестивале дружбы советской и венгерской молодежи, проходившем в г.Будапеште.

В издательстве «Европейская культура» (Будапешт) вышла антология литератур финно-угорских народов СССР. В книгу вошли произведения С.Чавайна, Г.Микая, Н.Мухина, О.Шабдара, М.Шкетана, Олыка Ипая, Йывана Кырли, Н.Лекайна, К.Васина, В.Колумба, а также опубликовано около десятка стихотворений М.Казакова.

Ноябрь. 11 ноября состоялась II Конференция Марийского республиканского отделения Общества советско-венгерской дружбы.

1976 год

Февраль. В культурно-просветительных учреждениях, учебных заведениях республики проводились вечера, устные журналы, посвященные 90-летию со дня рождения видного деятеля венгерского и международного коммунистического и рабочего движения Бела Куна.

Апрель. В Йошкар-Оле состоялось собрание общественности республики, посвященное 80-летию со дня рождения венгерского писателя, героя гражданской войны в СССР и национально-революционной войны в Испании Мате Залки.

Август. Сборная женская волейбольная команда Марийской АССР провела в Сомбатхее товарищеские матчи со сборной командой области Ваш.

Сентябрь. В Йошкар-Оле находилась делегация журналистов из области Ваш. Установлены прямые дружественные связи между редакциями республиканских газет «Марий коммуна», «Марийская правда» и Вашской областной газеты «Ваш непе».

В области Ваш находилась делегация Марийского территориального управления строительства. Установлены прямые дружественные связи между этим предприятием и строителями области Ваш.

Октябрь. Венгерский ученый Янош Пустаи, преподаватель Будапештского университета, проходил в течение трех недель стажировку при Марийском государственном университете. Он собирал материалы по марийскому языку, фольклору, встречался со старожилами, записывал на магнитную ленту марийские песни, сказки, легенды.

1977 год

Апрель. Большая группа передовиков сельского хозяйства Марийской АССР в составе Поезда Дружбы посетила область Ваш и ряд других областей Венгрии.

Молодежная бригада Йошкар-Олинского завода полупроводниковых приборов посетила молодежную бригаду «Афит» Сомбатхейского авторемонтного завода. Установлена дружественная связь между молодежными производственными бригадами.

Июль. В Йошкар-Оле находилась правительственная делегация Венгерской Народной Республики во главе с заведующим отделом организационно-массовой работы Центрального правления Общества венгеро-советской дружбы Питером Бреннером.

Август. Молодежь области Ваш, участники II фестиваля дружбы советской и венгерской молодежи, проходившего в Ленинграде, посетили Марийскую республику.

Октябрь. Марийское книжное издательство выпустило на русском языке брошюру «Земля друзей», в которой рассказывается о политической, экономической и культурной жизни области Ваш ВНР.

Ноябрь. В Марийской АССР находилась правительственная делегация области Ваш, которая участвовала в торжествах по случаю 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

На сценах домов культуры и клубов республики выступил венгерский коллектив самодеятельного хора «Мадригал».

1978 год

Август. В Марийской АССР находилась правительственная делегация области Ваш, которая принимала участие в открытии монумента Дружбы в Сомбатхейском микрорайоне.

На открытии монумента Дружбы в Сомбатхейском микрорайоне присутствовал автор скульптуры Михай Немет и главный архитектор области Ваш Петер Фазекаш.

Самодеятельный фольклорный ансамбль из деревни Сентпетерфа области Ваш выступил на открытии монумента Дружбы, а также на сценах домов культуры и клубов республики.

Октябрь. Молодежная делегация области Ваш находилась в Йошкар-Оле и принимала участие в мероприятиях, посвященных 60-летию Ленинского комсомола.

1979 год

Март. В республике широко отмечалась 60-я годовщина провозглашения Венгерской Советской Республики.

Май. В Марийской республике находились венгерские специалисты-селекционеры, которые начали проводить испытание сортов и гибридов кукурузы. Участок, где был заложен опыт, назвали «Полем дружбы».

Июль. В Йошкар-Олинском Дворце культуры профсоюзов проходила выставка «Венгрия — страна туризма, страна друзей», подготовленная венгерским туристическим бюро «Ибус» и Марийским отделением ОСВД.

На Йошкар-Олинском витаминном заводе первую продукцию дала линия по производству кристаллического сорбита, лечебного препарата для людей, больных диабетом. Смонтирована линия с помощью венгерских специалистов.

Август. Молодые комбайнеры госхоза «Сомбатхей» области Ваш принимали участие в уборке урожая в госплемзаводе «Семеновский» Медведевского района.

1980 год

Апрель. Государственный ансамбль песни и танца «Марий Эл» выступил с концертной программой на сценах домов культуры и клубов в области Ваш.

Октябрь. На Йошкар-Олинский витаминный завод прибыла делегация Кёрмендского завода питательных концентратов «Лакта» из области Ваш. Установлена прямая дружественная связь между этими предприятиями.

Ноябрь. Трудящиеся республики торжественно отметили 60-летие образования Марийской АССР. В мероприятиях, посвященных этой дате, приняла участие правительственная делегация Вашской области.

В Сомбатхейском Дворце культуры и спорта экспонировалась фотовыставка «Марийская АССР на вахте десятой пятилетки», посвященная 60-летию образования Марийской АССР.

Декабрь. Состоялась V Всесоюзная конференция Общества советско-венгерской дружбы. В отчетном докладе Центрального правления ОСВД был отмечен положительный опыт Марийского республиканского отделения ОСВД по развитию и укреплению дружественных связей между Марийской АССР и областью Ваш ВНР.

1981 год

Апрель. В картинной галерее Йошкар-Олы экспонировалась выставка «Баратшаг — Дружба — Келшымаш», организованная Марийским республиканским научно-краеведческим музеем и Марийским отделением ОСВД.

Июль. Делегация комсомольцев и молодежи Марийской республики приняла участие в III фестивале дружбы молодежи СССР и ВНР, проходившем в г.Будапеште.

1982 год

Июль. На заседании Центрального правления Общества советско-венгерской дружбы в Москве заслушан отчет о деятельности организации Общества на Марийском целлюлозно-бумажном комбинате. С отчетом выступил председатель комитета первичной организации, заместитель директора комбината И.И.Селянский.

Октябрь. В Марийской республике шесть дней проходили практику в комитетах комсомола различных организаций венгерские слушатели курсов повышения квалификации Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ в Москве.

Мужской хор железнодорожников «Халадаш» выступил с концертами в Йошкар-Оле, Волжске, перед тружениками птицефабрики «Марийская» и жителями поселка Советский.

Декабрь. Правительственная делегация области Ваш приняла участие в торжествах, проводившихся в республике в связи с 60-летием образования СССР.

В Сомбатхее состоялась научно-теоретическая конференция, посвященная 60-летию СССР, с участием ученых из Марийской АССР.

1983 год

Февраль. В городах и районных центрах Марийской республики прошли различные мероприятия по случаю 25-летия создания Общества советско-венгерской дружбы.

Март. Симфонический оркестр Государственного театра Марийской АССР выступил с концертами в области Ваш.

Май. Делегация комсомольских работников области Ваш встречалась с марийской молодежью завода им. С.Н.Бутякова в г. Звенигово, а также изучала опыт работы комитетов ВЛКСМ республики по военно-патриотическому и интернациональному воспитанию молодежи.

Сентябрь. Сборная женская команда по волейболу Марийской республики провела несколько товарищеских встреч в области Ваш.

1984 год

Апрель. Молодежная делегация — воспитатели детских садов г. Сомбатхей познакомились с работой детских учреждений Марийской республики.

Май. На сценах домов культуры и клубов республики выступил Вашский симфонический оркестр.

Август. В Йошкар-Оле находилась делегация Вашского областного совета профсоюзов и главный редактор газеты «Ваш непе» Дьёрдь Чонка.

Ноябрь. Делегация г.Сомбатхей — побратима г. Йошкар-Олы приняла участие в торжествах по случаю 400-летия Йошкар-Олы.

1985 год

Апрель. В микрорайоне «Йошкар-Ола» г. Сомбатхей установлена скульптурная композиция «Мир», в открытии которой участвовал ее автор, известный марийский скульптор А.А.Ширнин.

Подведены итоги телевикторины «Что Вы знаете о Венгрии?». В ней участвовало свыше 250 человек. Победу одержала библиотекарь Звениговского района Светлана Гаврилова, ей вручена бесплатная туристическая путевка для поездки в Международный лагерь в Венгрии.

В Йошкар-Олинской средней школе № 8 открыт первый школьный музей советско-венгерской дружбы. Оформлены стенды, экспозиции «Из истории установления побратимских связей Марийской республики и области Ваш Венгрии».

Сентябрь. В Марийском государственном педагогическом институте им. Н.К.Крупской прошла встреча с учителями из области Ваш в Клубе интернациональной дружбы «Гранма».

Ноябрь. Марийское книжное издательство выпустило книгу «Сервус, Савария!», подготовленную Марийским отделением ОСВД. Книга посвящена дружбе побратимов — Марийской АССР и области Ваш ВНР.

1986 год

Март. 7 марта состоялась конференция Марийского республиканского отделения Общества советско-венгерской дружбы. С отчетным докладом о работе правления республиканского отделения ОСВД с ноября 1980 года по февраль 1986 года выступил председатель правления Н.Ф.Рыбаков. Избран новый состав правления республиканского отделения ОСВД. Председателем его стал директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М.Васильева К.Н.Сануков.

Апрель. Хоровая капелла Марийской государственной филармонии выступала с концертами на сценах домов культуры и клубов области Ваш.

Июнь. На республиканском празднике «Пеледыш пайрем» принимал участие Ансамбль народного танца Вашской области.

Спортивная делегация Марийской республики принимала участие на XVII Международных детских играх, проходивших в Сомбатхее.

Август. В Марийской республике побывала известная венгерская поэтесса и переводчица Жужа Раб и директор музея под открытым небом г. Будапешта Тибор Рашши. Прошли встречи с творческими работниками, учеными, а также выступления на телевидении, радио, в республиканской печати.

Сентябрь. Делегация работников торговли во главе с министром торговли МАССР В.И.Каптуренко побывала в области Ваш. Установлена прямая дружественная связь между предприятиями торговли областей-побратимов.

1987 год

Февраль. Прошло заседание правления Марийского отделения Общества советско-венгерской дружбы.

В коллективные члены ОСВД приняты Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М.Васильева, Йошкар-Олинский завод «Искож», Республиканский краеведческий музей, универмаг «Восход» и Йошкар-Олинский Дом книги.

Ноябрь. Со 2 по 9 ноября в области Ваш проводились «Дни дружбы», посвященные 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В Сомбатхейском Доме культуры и спорта экспонировалась выставка «Марийское народное искусство». В проведении Дней участвовали 70 представителей Марийской республики; среди них — партийные и государственные работники, ученые, лекторы, представители творческих организаций, Марийского телевидения и радио, журналисты, мастера искусств и художественные коллективы Марийской АССР: Государственная хоровая капелла Маргосфилармонии, солисты Государственного театра МАССР, фольклорный ансамбль «Марий мланде».

1988 год

Февраль. Делегация Йошкар-Олинского завода «Искож» посетила Объединение кустарных промыслов области Ваш. Установлена прямая дружественная связь между этими предприятиями.

Март. Заключен контракт по обмену товарами на безвалютной основе между универмагами г. Сомбатхей и универмагом «Восход» г. Йошкар-Олы.

Июнь. В Йошкар-Оле, в проектном институте «Марийскгражданпроект» побывала делегация Вашского проектного института. Установлена прямая дружественная связь между этими институтами.

Октябрь. В мероприятиях, посвященных 100-летию со дня рождения классика марийской литературы С.Г.Чавайна, участвовали венгерские писатели Дьердь Пете и Лайош Амбруш.

В Йошкар-Оле подведены итоги конкурса по проектированию Марийского музыкального театра, объявленного Советом Министров МАССР. Венгерские архитекторы из области Ваш заняли призовое место.

Ноябрь. Делегация объединения надомного труда мастеров народных художественных промыслов «Полек» побывала в Вашском кооперативе мелких промышленников. Установлена прямая дружественная связь между этими предприятиями.

Декабрь. Научные сотрудники Марийской государственной сельхозопытной станции побывали в Западно-венгерском центре системы «Ветёмаг» области Ваш. Установлена прямая дружественная связь между этими предприятиями.

1989 год

Февраль. Состоялось заседание правления Марийского отделения Общества советско-венгерской дружбы, на котором заслушивались отчеты отдельных коллективов. Председатель первичной организации ОСВД Орепина Н.Т. рассказала о том, какую работу проводил коллектив госплемзавода «Семеновский» по укреплению дружбы с предприятием-побратимом — госхозом «Сомбатхей».

Апрель. С 4 по 9 апреля проводились Дни культуры области Ваш, посвященные 70-летию провозглашения Венгерской Советской Республики, организаторами которых являлись Министерство культуры МАССР и Марийское отделение ОСВД. В Республиканском научно-краеведческом музее была развернута выставка «Венгерское народное искусство».

Проводились лекции и беседы, читательские конференции, демонстрировались венгерские кинофильмы, прошла Декада венгерской книги. В проведении Дней приняли участие партийные и государственные работники, ученые, лекторы, журналисты, писатели из области Ваш, танцевальный ансамбль «Унгареска» и Икерварский женский хор.

Май. В Марийской АССР проходила первая Международная встреча писателей и Дни литературы финно-угорских народов под девизом «Писатели в борьбе за мир, прогресс и взаимопонимание между народами». Учреждена Международная Ассоциация писателей финно-угорских народов.

1990 год

Июнь. В Марийской республике прошел I Международный фольклорный фестиваль финно-угорских народов, в котором приняла участие венгерская делегация — представители различных районов Венгрии.

Октябрь. В Йошкар-Оле прошла учредительная конференция Фонда развития финно-угорских культур.

Ноябрь. В Ужгороде прошла советско-венгерская встреча на тему: «Вклад обществ дружбы двух стран в развитие экономического и научно-технического

сотрудничества между СССР и Венгрией». От Марийского отделения Общества советско-венгерской дружбы во встрече принимал участие председатель правления К.Н.Сануков.

1991 год

Июнь. В Марийской АССР находился Чрезвычайный и Полномочный посол ВР в СССР Шандор Дьёрке.

Октябрь. Впервые в Республике Марий Эл прошли Дни родственных народов, в которых участвовала венгерская делегация во главе с Чрезвычайным и Полномочным послом ВР в СССР Шандором Дьёрке.

Ноябрь. В Венгрии побывала делегация во главе с председателем Верховного Совета Республики Марий Эл В.М.Зотиным.

1992 год

Март. В Йошкар-Оле находился председатель венгерского общества Антала Регули Шандор Чуч.

Апрель. В Республике Марий Эл находилась правительственная делегация области Ваш во главе с председателем областного самоуправления доктором Дьюлаи Пустаи. Подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между Республикой Марий Эл и областью Ваш Венгерской Республики.

Июнь. В области Ваш находилась делегация во главе с государственным советником по правовой политике, заместителем главы правительства Республики Марий Эл А.М.Степановым. Основная цель поездки: обмен опытом законотворчества, судебной реформы, деятельности органов местного самоуправления и приватизации.

Октябрь. В Сомбатхее прошла Международная конференция: «Пути уральских народов к политическому, культурному и языковому самоопределению», в которой приняли участие и марийские ученые.

1993 год

Июнь. В Республике Марий Эл находился глава венгерского государства, президент Венгерской Республики Арпад Гёнц. Подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве.

Октябрь. В Сомбатхее прошла Международная конференция на тему : «Праистория уральских народов», в которой приняли участие марийские ученые.

В Республике Марий Эл прошла Неделя родственных народов с участием венгерской делегации.

Декабрь. В Йошкар-Оле проходил симпозиум «Дни венгерской промышленности в Республике Марий Эл». В его работе приняли участие представители предприятий и коммерческих фирм Венгрии и Марий Эл, ряда республик и областей Волго-Уральского региона.

1994 год

Февраль. 15 февраля состоялась конференция Марийского отделения Общества советско-венгерской дружбы. На конференции Марийское отделение ОСВД переименовано в Общество «Марий Эл — Венгрия». Утвержден новый Устав Общества «Марий Эл — Венгрия».

Октябрь. В Национальном музее имени Т.Евсеева экспонировалась выставка «Венгерское народное искусство», предоставленная Будапештским Этнографическим музеем.

В Республике Марий Эл находился Чрезвычайный и Полномочный посол Венгерской Республики в Российской Федерации Дьёрдь Нановски.

В Йошкар-Оле прошли Дни финно-угорских народов.

1995 год

Февраль. В Будапештском этнографическом музее экспонировалась выставка «Народы — братья», на которой были представлены произведения марийского народного искусства. На открытии выставки присутствовал и выступил президент Венгерской Республики Арпад Гёнц.

Март. Делегация Государственного Собрания Республики Марий Эл знакомилась в Будапеште с работой высшего представительного и законодательного органа власти Венгрии — Государственного Собрания.

Май. В Венгрии побывала делегация коллективно-долевого предприятия «Помары» Волжского района, которая провела переговоры с венгерской фирмой «Коракс» о создании совместного предприятия по переработке мясопродукции, установке в Помарах мини-мясокомбината.

Ноябрь. Трудящиеся республики торжественно отметили 75-летие Республики Марий Эл. В мероприятиях, посвященных этой дате, приняла участие делегация Венгерской Республики во главе с военным и военно-воздушным атташе при Посольстве Венгерской Республики полковником Жигмондом Темешвари.

В Будапеште, области-побратиме Ваш, проводились Дни марийской культуры. Прошли встречи в Венгерском Парламенте, министерстве культуры, преподавателей Сомбатхейского педагогического института с марийскими учеными, выступления фольклорно-эстрадного ансамбля «Мари» и других артистов Республики Марий Эл.

С января 1996 года Общество «Марий Эл — Венгрия» начало подготовку к проведению в мае в Республике Марий Эл Дней дружбы, посвященных 1100-летней годовщине обретения венграми родины и 25-летию создания Общества «Марий Эл — Венгрия». В республиканских газетах объявлена викторина «Что Вы знаете о Венгрии?», победитель которой получит главный приз — бесплатную путевку на поездку в Венгрию во время проведения в Будапеште II-го Всемирного конгресса финно-угорских народов.

Составил **Владимир Рыбалка**
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Рыбалка Владимир Иванович — научный сотрудник отдела истории Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М.Васильева. Изучает историю марийско-венгерского сотрудничества и культуру Республики Марий Эл.

Абукаева Любовь Алексеевна — аспирантка Марийского госуниверситета. Изучает проблемы исторического синтаксиса марийского языка.

Червонная Светлана Михайловна — доктор искусствоведения, Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук.

Мерья Сало — исследователь кафедры финно-угорских народов Хельсинкского университета. Исследует проблемы финно-угорского языкознания.

Петер Домокош — профессор Будапештского университета, доктор филологических наук. Известный специалист в области финно-угорского литературоведения.

Сануков Ксенофонт Никанорович — заведующий кафедрой региональной истории Марийского госуниверситета, профессор, доктор исторических наук, академик Академии гуманитарных наук. Исследует историю культуры марийского народа, современные этнические процессы у финно-угорских этносов.

Нуриева Ирина Муртазовна — научный сотрудник отдела литературы и фольклора Удмуртского НИИ языка, литературы и истории УрО РАН. Изучает музыкальное творчество удмуртов.

Плосков Иван Александрович — научный сотрудник отдела этнографии и фольклора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Занимается изучением коми фольклора.

Лапина Маина Афанасьевна — аспирантка, заведующая отделом истории и этнографии НИИ возрождения обско-угорских народов. Исследует традиционный хантыйский этикет.

Минниахметова Татьяна Гильниахметовна — научный сотрудник Музея археологии Башкирского НЦ РАН (Уфа). Исследует проблемы духовной культуры удмуртского народа.

Дубровская Елена Юрьевна — старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН. Занимается проблемами истории культуры Карелии.

Жеребцов Игорь Любомирович — старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, кандидат исторических наук. Специализируется в области этнографии и истории коми.

Петерсон Алексей — этнограф, доктор исторических наук (г.Тарту). Исследует проблемы финно-угорской этнографии.

Ракин Анатолий Николаевич — старший научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, кандидат филологических наук. Исследует проблемы коми языка.

Шабаев Юрий Петрович — ученый секретарь Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, кандидат исторических наук. Занимается изучением этнических процессов у коми-пермяков.

Харючи Галина Павловна — старший научный сотрудник лаборатории этнографии и лингвистики народов Ямала ИПОС СО РАН. Занимается проблемами культуры ненцев.

Тепляшина Тамара Ивановна — языковед, кандидат филологических наук. Специалист в области удмуртского языкознания.

Димитриев Василий Димитриевич — заведующий кафедрой отечественной истории дореволюционного периода Чувашского госуниверситета, профессор, доктор исторических наук, исследует проблемы истории народов Поволжья и Приуралья.

Наговицин Леонид Анатольевич — старший научный сотрудник сектора археологии Удмуртского НИИ языка, литературы и истории УрО РАН, кандидат исторических наук. Исследует проблемы эпохи камня и бронзы Волго-Камского региона.

CONTENTS

Articles

V.Rybalka. The Mari-Hungarian co-operation in 1971-1996. 3

L.Abukayeva. Complex sentences of undismembered structure in the Mari language 23

X.Sanukov. National movements and ethnic self-consciousness of the Finno-Ugric peoples of Russia. 40

M.Salo. Teaching and research of Fnno-Ugristics (in particular — of the distantly cognate languages) in Finland 52

S.Tchervonnaya. The expression of ethnic self-consciousness of the Mari people in modern fine arts 72

Reports

P.Domokosh. History of literatures of small Finno-Ugric peoples 82

I.Nuriyeva. Ethno-musical parallels in the system of folk calendar of the Finno-Ugric peoples and the baptized Tartars (the Kryashchens). 88

I.Ploskov. Materials on the spiritual culture of the Southern Komi (from Vyatka archives). 94

M.Lapina. Traditional Khanty etiquette 101

T.Minniyakhmetova. Maleficy in traditional rites of the Trans-Kama Udmurts. 108

E.Dubrovskaya. Magazine "The Karelian News" as a source of information on the ethnic history of the Karelian 116

I.Zherebtsov. The stages of ethnic-demographic development of the Komi people in the 11th-20th centuries 123

A.Peterson. On the problems of research of the Vepsy material culture in comparison with the other Finno-Ugric peoples 130

A.Rakin. Osteonymic vocabulary of the Perm languages (diachronic analysis) ..135

Y.Shabayev. Ethnic self-consciousness of the Komi-Permyaks and the status of national language 141

G.Kharyutchi. The charting of sacred places — a task for preservation of the Nenets' spiritual culture monuments 145

Personalia

Y.Rotchev, I.Ploskov. Kallistrat Zhakov — a Komi folklore specialist and writer 150

T.Tephyashina. For the 90th anniversary of the scientist 164

Reviews

V.Dimitriyev. Review: Grishkina M.V. Udmurtia in the feudal epoch (late 15th -1st half of 19th cent.). Izhevsk: U.I.F.L. U.D. R.A.S. 1994. 206p. 170

L.Nagovitsyn. Review: Gusentsova T.M. Mesolithic and neolithic periods of the region between the Kama and the Vyatka rivers. Izhevsk: Udmurt University, 1993, 239p. 176

Chronicle

I.Sadovin. The Finn-Ugric chronicle in 1995 180

V.Rybalka. The chronicle of major events of the Mari-Hungarian co-operation in 1971-1995 183

List of Authors 193

«Финно-угроведение», 1996, № 1.
Научный журнал
основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Тел.: 5-37-34

Редактор *Т.А.Товашова*
Обложка художника *Ю.П.Клюкина*
Английский текст *П.А.Румянцева*
Оригинал-макет подготовлен фирмой «Page»
Компьютерный набор и верстка *В.В.Безденежных*

Формат 60x84 1/16 Объем 12 усл.п.л.
Тираж 500 экз. Бумага книжно-журнальная. Заказ № 6931
Отпечатано в фирме «Page», бул. Свердлова, 5

Издание журнала
финансируется
Министерством науки и
технической политики
Российской Федерации,
Правительством
Республики Марий Эл,
Комитетом по делам
национальностей
Правительства
Удмуртской республики